

Р 27
100.

801-16
1983

ТАЙНЫ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

ПРИ СВѢТѢ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАГО УЧЕНІЯ.

Съ приложеніемъ историко-бытового очерка
«Русскія народныя воззрѣнія на загробную жизнь».

СОСТАВИЛЪ,

на основаніи Священнаго Писанія, твореній Св. Отцевъ и лучшихъ
отечественныхъ сочиненій по этому вопросу,

С. А. Архангеловъ.

Изданіе 2-е.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Спб., Стремянная, 12, собств. д.

Книгоиздательство П. П. Сойкина. — Спб., Стремянная, № 12.

ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА.

Сочинение Ф. В. ФАРРАРА.

Полное иллюстриров. издание съ предислов. и пояснительн. примѣч. Свящ. М. П. Вивейскаго. 900 стран. больш. форм., 300 рис. и карта Палестины. Цѣна 2 р., въ роск. переплетѣ 3 р.; на велен. бумагѣ 3 р., въ роск. перепл. 4 р. За перес. добавляется 50 коп. Гл. Упр. военно-учебн. зав. рекомендовано для чтенія кадетъ VI и VII клас. и фундам. библиот.

„Дневному свѣту прибавить солнца и еще счастливѣе сдѣлать счастливѣе, ободрить труженика, утѣшить печальнаго и слабому указать истинный источникъ нравственной силы“—такова цѣль описанія жизни Христа Спасителя, по мнѣнію Фаррара. Рѣдкое мастерство, въ сочетаніи глубоко-научныхъ изысканій въ области богословія, церковной исторіи, археологіи, библейской географіи, этнографіи, даже апокрифовъ и талмуда, съ увлекательностью романиста—вотъ вплоть къ разгадкѣ того обаянія, которымъ вполне заслуженно пользуется эта книга, облетѣвшая весь міръ почти въ миллионѣ экземпляровъ.

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

Сочинение Ф. В. ФАРРАРА.

Полное иллюстриров. издание съ предислов. и пояснительн. примѣч. Свящ. М. П. Вивейскаго. 1056 стран. больш. формата, около 850 рис., 4 карты, въ краск., миссионерск. путешеств. апостола Павла. Цѣна 2 руб., въ роск. перепл. 3 руб., на велен. бум. 3 руб. въ роск. перепл. 4 руб. За перес. добавл. 50 коп.

Гл. Упр. военно-учебн. зав. рекомендовано въ фундам. библиот. кадетск. корпус.

Настоящій трудъ Ф. В. Фаррара даетъ всестороннее освѣщеніе жизни, дѣятельности, а также догматическаго и нравственнаго ученія св. апостола языковъ. Глубокую научность богослова-эксегета и библеиста-историка въ настоящей книгѣ, какъ и въ „Жизни Иисуса Христа“, авторъ совмѣщаетъ съ великимъ художественнымъ талантомъ литератора-беллетриста. Эти черты и дали настоящему сочиненію всемірную извѣстность въ переводѣ на всѣ европейскіе языки.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА КАЖДАГО ХРИСТИАНИНА

ВИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

АЛЬБОМЪ

стихотвореній, очерковъ и повѣствованій на библейскія темы.

свыше 200 стран. текста, въ 2 столбца больш. форм., до 100 гравюръ съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Цѣна 1 руб. съ перес. 1 руб. 25 коп.

ЗА КРЕСТЬ И ВѢРУ. Историч. повѣсть. *А. И. Красницкаго.* 190 стран. Цѣна 25 к., съ перес. 40 к.

ЗА СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ. Историч. пов. изъ исторіи смутнаго времени на Руси. *Вл. П. Лебедева.* 240 стран. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Уч. К. М. Н. Пр. допущено въ библиот. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. библиот. и чит. **ИСТОРИЯ РОССИИ ДЛЯ НАВОДА.** Въ 12-хъ разсказахъ. 176 стран. съ 21 рис. и портр. *А. Н. Салтыковъ.* Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

КНЯЗЬ-МУЧЕНИКЪ. Историческій романъ. *Вл. П. Лебедева.* Изд. 2-е. 174 стран. Цѣна 25 к., съ перес. 40 к.

Уч. К. М. Н. Пр. допущено въ библиот. всѣхъ уч. завед. среднихъ и высшихъ и въ безпл. народн. чит. и библиот.

КРАСНОЕ СОЛНЫШКО. Повѣсть изъ до-христіанской эпохи на Руси. *А. И. Лаврова.* 192 стран. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

ЛУЧЪ БОЖЬЯГО СВѢТА ВЪ ПУСТЫНѢ ГЛУХОЙ. Повѣсть изъ жизни на Периодской окраинѣ. *Ө. Ө. Тютчева.* 166 стран. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ безпл. нар. чит. и библиот. **МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ.** Историч. пов. *Вл. П. Лебедева.* 140 стран. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

МУЧЕНИКИ. Историч. пов. въ 2 частяхъ. *Ф. Шатобриана,* въ перев. *С. С. Мерказиной.* 380 стран. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Р 27
100.

ТАЙНЫ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

ПРИ СВѢТѢ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАГО УЧЕНІЯ.

Съ приложеніемъ историко-бытового очерка — «Русскія народныя воззрѣнія на загробную жизнь».

СОСТАВИЛЪ,

на основаніи Священнаго Писанія, твореній Св. Отцевъ и лучшихъ отечественныхъ сочиненій по этому вопросу,

С. А. Архангеловъ.

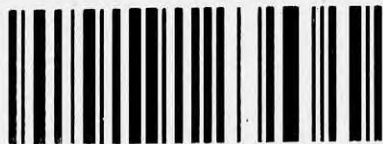
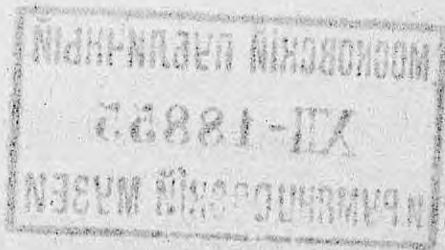

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

ВВЕДЕНІЕ.

Жизненно-практическое значеніе вопроса о загробной жизни.—Современное отрицаніе будущей жизни. — Равнодушное отношеніе нѣкоторыхъ къ своей загробной участи.—Причины этихъ печальныхъ явленій и ихъ гибельное послѣдствіе.

Одинъ изъ вопросовъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для всѣхъ и cadaго, есть вопросъ о загробной жизни. Надъ этимъ вопросомъ задумывается и религіозный человѣкъ, и равнодушный къ религіи. Всѣхъ занимаетъ мысль о томъ, какъ мы будемъ жить послѣ своей смерти, на какихъ началахъ построится наша будущая жизнь, въ чемъ будетъ проходить она, и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о будущей жизни является и глубоко-жизненной истиной, признаніе или непризнаніе которой сопровождается величайшими практическими послѣдствіями. Такъ оно и должно быть. Непрочно и суетна жизнь, которою мы живемъ на землѣ; неудержимо и скоротечно время, въ предѣлахъ котораго проходятъ дни нашей жизни. Самое ясное теченіе ея часто омрачается совсѣмъ неожиданно самыми черными тучами житейскихъ бурь. Ненадежно и шатко наше счастье на землѣ; радости наши смежны съ горемъ; отъ богатства—недалеко нищета; здоровье ничѣмъ не защищено отъ болѣзней; жизнь всегда можетъ пресѣчься смертію. Грустно становится, когда слѣдишь за скоротечностію нашей жизни, когда видишь и испытываешь всю непрочность ея благъ. Но еще грустнѣе становится, когда при этомъ остаешься безутѣшнымъ.

2014243067

Гдѣ же искать утѣшенія, какъ не въ твердой надеждѣ, что настоящая земная жизнь не оканчивается еще смертію, что мы должны ждать жизни будущей, загробной? Говоря о ней, св. апостоль Павелъ обращается съ такими словами къ солунскимъ христіанамъ: „не хочу васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи, не имущіи упованія“ (1 Сол. IV, 13). Только не имѣющіе надежды на продолженіе настоящей жизни по смерти сѣтуютъ и печалются во все теченіе жизни и ни въ чемъ не находятъ утѣшенія. Вѣрующій человѣкъ, напротивъ, надѣется, что загробная жизнь есть,—и надежда на это, ожиданіе этого составляетъ источникъ истиннаго утѣшенія и успокоенія.

Такимъ образомъ, мысль о нашей участи въ будущей жизни, повидимому, должна бы быть у всѣхъ насъ въ головѣ и въ сердцѣ всего чаще и занимать насъ всего больше. Къ сожалѣнію, въ нашъ просвѣщенный XX вѣкъ есть не мало людей, которые, подъ вліяніемъ ложной философіи (материалистической и пессимистической) совсѣмъ отрицаютъ загробную жизнь и единственнымъ средствомъ избавиться отъ бѣдъ и несчастій настоящей жизни считаютъ самоубійство. Причина такого отрицанія будущей жизни—та же, которую указываетъ пророкъ Давидъ для безумнаго отрицанія бытія Божія. Эта причина — ихъ развращенное сердце. „растлѣша и омерзѣша въ начинаніяхъ: вси уклонишася, вкушѣ неключими быша, нѣсть творяй благо“ (Пс. XIII, 1). Отсюда вполне понятно, что такіе невѣры-отрицатели или совсѣмъ должны отчаяться въ земной жизни, не видѣть въ ней никакого смысла и потому отказаться жить, или же, если ужъ жить, то жить одною низменною, животною жизнью, держась эпикурейскаго правила: станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ! (1 Кор. XV, 32). Такъ дѣйствуетъ на жизнь и нравственно-разумную дѣятельность людей—отверженіе загробной жизни: оно возвращаетъ ихъ ко

временамъ варварства, язычества, господства чувственно животныхъ страстей и грубой матеріальной силы, когда человѣкъ дѣйствуетъ почти только инстинктивно, подъ вліяніемъ своихъ непосредственныхъ стихійныхъ побужденій; дѣлаетъ изъ нихъ, по справедливому выраженію приснопамятнаго Филарета, митрополита Московскаго, „скотовъ и звѣрей“ (Слово въ нед. воскресн. и свят. Алексія, 1848 г.).

Есть и другого рода люди, которые хотя и не отрицаютъ открыто будущей жизни, но зато обнаруживаютъ крайнее равнодушіе къ своей загробной участи, совершенно не думая о ней. Они вѣруютъ въ жизнь будущую; но вѣруютъ такъ слабо, что этотъ столь важный предметъ вѣры почти не трогаетъ ихъ сердца, и они едва-едва иногда вспоминаютъ о немъ. Они вѣруютъ, что душа бессмертна; вѣруютъ, что будетъ вѣчное блаженство, будутъ вѣчныя муки—и, однако, не разсуждаютъ о важности всего этого,—не размышляютъ, что значитъ быть въ вѣчномъ блаженствѣ или въ вѣчныхъ мукахъ,—особенно, что значитъ быть въ вѣчныхъ мукахъ, которыя невыразимо болѣзненны, страшны и ни на минуту не ослабляемы. Они не даютъ своей вѣрѣ въ эти предметы хорошо и глубоко укорениться въ себѣ; вѣрятъ только кое-какъ, не обращая на нихъ должнаго вниманія, не принимая ихъ къ своему сердцу, не занимаясь ими и едва-едва иногда вспоминая о нихъ. Будущей жизни, будущаго блаженства, ада и адскихъ мукъ въ здѣшней жизни еще нѣтъ, и они здѣсь не ощущаемы, а настоящая жизнь уже есть, и то, что доставляетъ въ ней удовольствіе и неудовольствіе, ощущаемо; ощущаемое въ данную минуту для всѣхъ разсѣянныхъ людей обыкновенно какъ бы заслоняетъ отсутствующее, неощущаемое. Вотъ главнѣйшая причина равнодушнаго отношенія большинства къ жизни будущей.

У другихъ людей причина ихъ равнодушнаго отно-

шенія къ своей участи въ будущей жизни заключается въ ихъ излишней привязанности къ міру и къ его благамъ. Современный человѣкъ, какъ истинный сынъ практическаго, положительнаго вѣка, ищетъ обыкновенно вездѣ и во всемъ подъ разными видами „хлѣба“, т. е. матеріальныхъ благъ и наслажденій. Среди множества заботъ о благахъ и удовольствіяхъ жизни, такому мірскому человѣку нѣтъ времени подумать о вѣчности, да онъ не находитъ и пріятности думать о ней. У него есть вкусъ только для жизни настоящей.

Наконецъ, люди относятся съ равнодушіемъ къ вѣчной жизни потому, что они заражены какимъ-либо грѣхомъ, къ которому давно привыкли, который сдѣлался у нихъ, такъ сказать, необходимымъ, и котораго они не хотятъ или не рѣшаются оставить. Если бъ эти люди хорошо размыслили о вѣчности: о будущемъ судѣ и о томъ, блаженна ли будетъ ихъ вѣчная участь по смерти или несчастна, то это обезпостило бы ихъ и заставило бы ихъ озаботиться исправленіемъ своей жизни. Но забота объ исправленіи жизни потребовала бы отъ нихъ строгаго наблюденія за своимъ сердцемъ, искорененія въ себѣ привычнаго грѣха; но съ этимъ грѣхомъ они такъ сжились, что, когда проявляется въ нихъ мысль о будущей жизни, они тотчасъ стараются забыть ее и истребить изъ своей головы.

Жалко заблуждаются тѣ, которые совсѣмъ отрицаютъ будущую, загробную жизнь; неразумно и грѣшно поступаютъ и тѣ, которые равнодушно относятся къ своей участи въ загробномъ мірѣ. Тѣ и другіе забываютъ, что вѣра въ загробную жизнь есть главное основаніе нравственно-разумной жизни человѣческой, что ею, кромѣ того, держится и весь строй общественной жизни человѣческой: она связываетъ между собою людей во имя общихъ высшихъ интересовъ ихъ, во имя общаго высшаго ихъ назначенія, не оканчивающагося здѣшнюю земною жизнію. Смертный сынъ земли долженъ сдѣ-

латься вѣчнымъ гражданиномъ неба. Имѣя это постоянно въ виду, помня это высокое свое предназначеніе, онъ сообразно съ нимъ располагаетъ и устрояетъ первую, приготовительную ступень своего существованія—земную жизнь. При забвеніи же о вѣчности, онъ ходитъ во тьмѣ и не знаетъ, куда идетъ (Іоан. XIII, 35), потому что путь его не озаряется свѣтомъ вѣры въ бессмертіе, потому что онъ стоитъ на ложномъ пути, приводящемъ его къ ложному концу. Вотъ почему всѣмъ и каждому всегда слѣдуетъ помнить слова премудраго сына Сирахова: „поминай послѣдняя твоя“ (т. е. смерть, судъ, царство небесное и адскія муки), „и во вѣки не согрѣшиши“ (Сир. VII, 39). И это, безспорно, нужно для того, чтобы настоящая жизнь не была какимъ-то „даромъ напраснымъ и случайнымъ“, а имѣла бы въ глазахъ всякаго человѣка глубокой смыслъ, дѣйствительную, а не призрачную цѣнность.

ГЛАВА I.

Достовѣрность заgrabной жизни.

Всеобщность вѣры въ заgrabную жизнь, какъ одинъ изъ признаковъ дѣйствительнаго существованія этой жизни.—Показанія здраваго разума.—Свидѣтельства Св. Писанія о заgrabной жизни.—Особенное значеніе здѣсь факта воскресенія Христа Спасителя изъ мертвыхъ.—Опытное доказательство дѣйствительнаго существованія заgrabнаго міра: явленія душъ умершихъ людей. — Случаи таковыхъ явленій.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на ряду съ вѣрой въ божество, всегда существовала вѣра и въ будущую заgrabную жизнь. Древніе греки и римляне, персы и арабы, дикари Полинезіи, Меланезіи, центральной и южной Африки, американскіе алеуты и проч.— всѣ такъ или иначе вѣрили и вѣрятъ, что жизнь человека не кончается вмѣстѣ съ его смертію, а продолжается въ той или другой формѣ и по ту сторону гроба. Эта всеобщность вѣры въ существованіе заgrabнаго міра имѣетъ глубоко-знаменательное и поучительное значеніе: она краснорѣчиво говоритъ о томъ, что будущая жизнь дѣйствительно существуетъ, такъ какъ вѣра въ нее непосредственно заложена въ самой природѣ человека и есть существенный элементъ религіознаго сознанія. То же, что всеобщее и составляетъ неотъемлемое, необходимое достояніе человека, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда бываетъ и достовѣрно.

Показанія здраваго разума также съ несомнѣнностью удостовѣряютъ насъ въ томъ, что земнымъ существо-

ваніемъ не оканчивается бытіе человека, и что кромѣ настоящей жизни есть жизнь будущая, заgrabная. Обратимъ вниманіе на видимую, внѣшнюю природу. „Въ цѣломъ мрѣ нельзя, говоритъ почивши знаменитый русскій іерархъ Филаретъ, найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственныи ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый мрѣ земныхъ прозябаній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ прѣсмькающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка, жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для воссозданія, умираютъ для новой жизни: человекъ-ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ въ гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?! (Сочин. Филар., митр., моск., т. II, изд. 1874 г., стр. 210).

Другія доказательства дѣйствительнаго существованія заgrabнаго міра человѣческой разумъ можетъ брать отъ свойствъ Божіихъ и отъ свойствъ души. Вотъ одно изъ нихъ. Несомнѣнно, есть Богъ; ибо Онъ является человеку не только въ его душѣ, но и въ видимой природѣ и чрезъ непосредственныя Свои откровенія. Онъ есть существо правосудное, всесвятное; въ существѣ

души человѣка Имъ вложено стремленіе къ добрымъ дѣламъ и отвращеніе отъ злыхъ. И многіе люди стараются творить добрыя дѣла и добровольно несутъ при этомъ тяжкіе подвиги самоотверженія; но на землѣ мы видимъ, что грѣшники часто наслаждаются благополучіемъ, а праведники страдаютъ до самой смерти и большею частію отъ грѣшниковъ. Если бы не было для людей другой жизни, въ которой должно быть воздаяніе по дѣламъ, то Богъ не былъ бы правосуденъ и святъ. Онъ былъ бы не милосердъ въ отношеніи къ праведникамъ, будучи снисходителенъ къ грѣшникамъ, а этого представить невозможно. И такъ, какъ Богъ святъ, такъ будетъ другая жизнь, въ которой грѣшники и праведники получаютъ должное воздаяніе.

Или еще доказательство. Въ умѣ человѣка вложено Богомъ стремленіе къ истинѣ, въ волѣ стремленіе къ добру, въ сердцѣ стремленіе къ блаженству; но умъ человѣка не удовлетворяется познаніями, приобретаемыми на землѣ, онъ видитъ, что они далеко не полны и несовершенны; воля его встрѣчаетъ многія препятствія къ усовершенію въ добрѣ; хотя человѣкъ и много трудится на землѣ для добра, но представляетъ себя далеко незрѣлымъ въ нравственномъ отношеніи, тяготеетъ чувствомъ грѣховности; сердце его не находитъ истиннаго счастья на землѣ. Зачѣмъ бы Творцу вложить въ душу человѣка такія высокія стремленія, если бы они не удовлетворялись, и такія чаянія и надежды, если бы онѣ не исполнялись, то есть, если бы не было лучшей безсмертной жизни? Это было бы противно и благодати, и премудрости, и святости Божіей. И такъ какъ несомнѣнно, что есть вѣчный, премудрый и все-совершенный Богъ, такъ несомнѣнно и то, что будетъ безсмертная жизнь для человѣка, въ которой стремленія души его удовлетворятся.

Но для вѣрующаго человѣка гораздо важнѣе свидѣтельства Священнаго Писанія о загробной жизни.

Слово Божіе, какъ истина, и есть и должно быть источникомъ всѣхъ нашихъ познаній и въ такой великой тайнѣ, какъ будущая жизнь человѣка. Въ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгахъ мы находимъ довольно ясное указаніе на то, что душа продолжаетъ свое существованіе и по отдѣленіи ея отъ тѣла. „И возвратится персть въ землю, якоже бѣ“, говоритъ Екклесіастъ, „и духъ возвратится къ Богу, иже даде его“ (Еккл. XII, 7). Это ученіе о нашей жизни по смерти, которое люди первыхъ временъ такъ часто забывали и поэтому проводили земную жизнь весьма грубымъ, гнуснымъ и постыднымъ образомъ, Господь весьма часто возобновлялъ въ Ветхомъ Завѣтѣ посредствомъ Своихъ избранныхъ людей—пророковъ, чтобы еврейскій народъ и всѣ другіе, бывшіе въ связи или въ сношеніяхъ съ нимъ, не теряли вѣры въ жизнь будущую.

Самъ Сынъ Божій, Котораго Богъ Отецъ благоволилъ послать на нашу землю, между прочимъ, для того, чтобы научить насъ истинѣ (Іоан. XVIII, 37), многообразно увѣрялъ насъ въ безсмертіи нашей души и въ будущей жизни; такъ, напримѣръ, ясно говоря: „Грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ“ (Іоан. V, 25). „Грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, а сотворшии злая въ воскресеніе суда“ (— ст. 28). „Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣруй въ Мя, аще и умретъ, живеть: и всякъ живой и вѣруй въ Мя, не умретъ во вѣки“ (Іоан. XI, 25—26), и т. п.

То же говорили и св. апостолы. Св. апостоль Павелъ писалъ къ Солунянамъ: „да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія“, т. е. язычники (1 Сол. IV, 13). На вѣрѣ въ жизнь будущую св. апостолы основывали въ своихъ посланіяхъ всѣ свои увѣщанія, угрозы, утѣшенія и ободренія для тѣхъ, къ кому писали: и именно въ истинѣ будущей жизни убѣжденный, св. апостоль

Павелъ сказалъ о себѣ: „мнѣ еже жити, Христосъ; и еже умрети, приобрѣтеніе есть“ (Фил. 1, 21); „желаніе имый разрѣшиться и со Христомъ быти“ (—ст. 23). Исходнымъ пунктомъ своего ученія о загробной жизни св. апостолы брали величайшій изъ всемірно-историческихъ фактовъ—воскресеніе изъ мертвыхъ Христа Спасителя. Это чудо изъ чудесъ составляетъ основу всего христіанства, стоящаго и падающаго вмѣстѣ съ нимъ; на немъ же основываются всѣ наши надежды на вѣчную жизнь послѣ всеобщаго воскресенія и истребленія послѣдняго врага нашего—смерти.

„Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. При томъ мы оказались бы и лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, Котораго Онъ не воскрешалъ, если, то есть, мертвые не воскресаютъ. Ибо если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ. Поэтому и умершіе во Христѣ погибли. И если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ живутъ... Какъ мы носили образъ перстнаго (Адама), такъ будемъ носить и образъ небснаго (Христа)“. (1 Кор. XV. 12—22. 49).

Воскресеніе Иисуса Христа есть не только предметъ нашей живѣйшей вѣры: оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣйшее, удовлетворительнѣйшимъ образомъ засвидѣтельствованное, историческое событіе.

Между тѣмъ никакой другой фактъ не встрѣчалъ болѣе энергическаго противорѣчія со стороны невѣрія какъ воскресеніе Христова: отрицаніе дѣйствительности воскресенія Христова со стороны невѣрующихъ началось съ самаго дня этого необычнаго событія и продолжается до сихъ поръ. Всѣ возраженія невѣрія противъ этой истины не выдерживаютъ ни малѣйшей критики здраваго разума и показываютъ только ожесточенность плотскаго сердца и гордаго ума (см. Тихомировъ, „Загробная жизнь“, стр. 125—144).

„Какъ Христосъ воистину воскресъ,—говоритъ тотъ же знаменитый первосвятитель московскій Филаретъ,—такъ воистину воскреснемъ и мы. Христіанство есть религія Воскресшаго, Умертвившаго смерть. Настоящая смерть есть только неизбѣжный переходъ къ безсмертію: „то, что ты съешь, не оживетъ, если не умретъ“ (1 Кор. XV, 36). Въ этихъ словахъ великаго апостола заключается прекрасная, полная глубокаго смысла аналогія безсмертія человѣка, взятая изъ естественной жизни. Посѣянные зерна, сгнивая въ землѣ, сохраняютъ нетлѣннымъ свой ростокъ—зародышъ будущаго растенія, совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое произвело его. Здѣсь не простая передача жизни отъ одного растенія другому, но полное сохраненіе зародышемъ своей жизни и проявленіе ея въ новой формѣ. Зерно—это человѣкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, существо единичное, особое, отличающееся извѣстными качествами, имѣющее свою личную жизнь. Но вотъ это существо умираетъ, идетъ въ землю, сѣется, какъ зерно. Погибаетъ-ли оно безслѣдно, сгнивши, разложившись на составныя части? Нѣтъ! Какъ зерно явится прекраснымъ растеніемъ, которое не отлично отъ брошеннаго въ землю зерна, но есть то самое зерно, которое сгнило въ землѣ: такъ и человѣкъ, истлѣвшій въ землѣ, превратится въ прекрасное существо, съ новымъ духовнымъ тѣломъ, но не отличное отъ того человѣка, который

умеръ,—оно будетъ тотъ же самый человѣкъ, только ставшій негнѣннымъ“¹⁾).

Наконецъ, есть и опытное доказательство дѣйствительности существованія загробнаго міра — „явленіе душъ умершихъ людей“. Въ христіанскомъ мірѣ, по воленію Божію, было много явленій душъ умершихъ людей живущимъ на землѣ, начиная съ пророковъ Моисея и Іліи, явившихся въ славѣ, во время преображенія Спасителя на Өаворѣ. Весьма нерѣдки случаи явленій изъ загробнаго міра усопшихъ святыхъ. Большею частію они являлись людямъ во снѣ, а что явленія ихъ были дѣйствительныя, это видно изъ того, что они предсказывали многое, что исполнялось, указывали вѣрныя врачевства противъ болѣзней или во время сна исцѣляли мгновенно и совершенно. Нѣкоторые удостоивались видѣть святыхъ въ бодрственномъ состояніи, на яву, и получали отъ нихъ даже вещественные знаки или доказательства ихъ явленій. Мы расскажем о двухъ замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ святыхъ въ нашемъ отечествѣ въ настоящемъ столѣтіи.

Въ 1812 году, послѣ того, какъ Наполеонъ овладѣлъ Москвою, принцъ Евгенийъ, вице-король итальянскій, выступилъ съ отрядомъ войскъ изъ Москвы къ Звенигороду противъ русскихъ партизановъ. Онъ занялъ комнаты въ монастырѣ святаго Саввы, ученика преподобнаго Сергія Радонежскаго. Часовъ около десяти, не раздѣваясь, принцъ легъ и уснулъ; но вотъ, на яву или во снѣ, онъ не знаетъ, видитъ, что входитъ въ комнату человѣкъ въ черной длинной одеждѣ, подходитъ къ нему такъ близко, что онъ могъ при лунномъ свѣтѣ рассмотреть черты лица его; онъ казался старымъ съ сѣдою бородою. Онъ сказалъ: „Не вели войску твоему расхищать монастырь, особенно уносить что-либо изъ

¹⁾ „Мысли о безсмертіи души и будущ. воскр. мертвыхъ“, ст. Гр. Дьяченко; „Уроки и примѣры христ. надежды“, стр. 629.

церкви. Если ты исполнишь мою просьбу, то Богъ тебя помилуетъ, и ты возвратишься въ свое отечество цѣлымъ и невредимымъ“. Принцъ утромъ отдалъ приказъ, чтобы отрядъ возвратился въ Москву, пошелъ въ церковь и при гробѣ святаго Саввы увидѣлъ образъ того, кто явился ему ночью, и, узнавши, чей это образъ, съ благоговѣніемъ поклонился мощамъ святаго Саввы и записалъ это въ своей книжкѣ. Всѣ другіе маршалы Наполеона кончили неблагополучно, Евгенийъ остался цѣлымъ и нигдѣ въ сраженіяхъ послѣ того не былъ раненъ. Онъ завѣщалъ сыну своему Максимилиану, что если онъ будетъ въ Россіи, то поклонится бы гробу святаго Саввы. Сынъ пріѣхалъ въ Россію въ 1839 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ и послѣ маневровъ или примѣрнаго сраженія на Бородинскомъ полѣ въ память битвы 1812 года разспросилъ, гдѣ монастырь святаго Саввы, поѣхалъ туда съ данными проводниками и поклонился гробу его. Это событіе не подлежитъ сомнѣнію. (Погодинъ. Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ, 1873 года, стр. 214).

Въ 1855 году жилъ въ городѣ Епифани, Тульской губерніи, купецъ Василій Ивановъ Р., проходившій должность церковнаго старосты при соборѣ; въ семействѣ его были: жена, два сына, Николай женатый 23 лѣтъ, Иванъ 17 лѣтъ и три дочери: Екатерина 13 лѣтъ, Раиса 11 и Александра 6. Въ означенномъ 1855 году, въ ночь на недѣлю женъ Мвроносиць (на 10 апрѣля), Раиса отъ испуга подверглась сильнымъ припадкамъ, изрыгала хулы на Бога и на святыхъ Его, въ особенности же на преподобнаго Сергія. Медицинскія средства не помогали. Спустя два мѣсяца отъ начала болѣзни, 11 и 12 іюня, больная подверглась болѣе сильнымъ припадкамъ; приходя въ память, она говорила, что ей являлся преподобный Сергій, бесѣдовалъ съ нею и приносилъ ей просфору, которую она ѣла. Родные видѣли, что она какъ бы ѣла, а самой просфоры не ви-

дѣли и относили это также къ болѣзни. Особенно ей тяжело было невѣріе старшаго брата Николая.

По наставленію преподобнаго Сергія, она просила всѣхъ, находившихся въ домѣ, читать молитву „Да воскреснетъ Богъ“ съ крестнымъ знаменіемъ. Мать съ великимъ трудомъ сложила ея персты и осѣнила ее крестнымъ знаменіемъ; ей представлялось, что отъ нея удалялись при крестныхъ знаменіяхъ злые духи, которыхъ она видѣла. По другому наставленію и указанію ей преподобнаго Сергія, за иконами въ углу найденъ былъ образъ его, который и возложенъ на нее. Желая увѣрить своего брата въ дѣйствительности явленія преподобнаго съ просфорою, она потребовала стаканъ чистой воды, взяла ее въ ротъ и выпустила; въ водѣ оказались крошки бѣлаго хлѣба, котораго никто ей не давалъ. Наконецъ, она объявила, что преподобный придетъ къ ней 13 числа. Вечеромъ этого дня, въ одиннадцатомъ часу, съ нею сдѣлался сильнѣйшій припадокъ; чрезъ полчаса она встала и, сказавъ: „вотъ идетъ преподобный Сергіи“, подошла къ окну. Отворивъ окно, она опустила за него руки и начала съ кѣмъ-то разговаривать, затѣмъ оборачивается къ брату, подаетъ ему что-то въ бумажкѣ и велитъ держать ему это съ благоговѣніемъ, какъ святыню. Потомъ показала данный ей также подъ окномъ крестъ изъ лентъ бѣлаго атласа и сказала, что его велѣно отдать назадъ. Въ это время лице ея сдѣлалось свѣтлымъ, родители и домашніе испытывали при этомъ радость и благоговѣйный трепетъ. Несмотря на усиленные просьбы дать имъ крестъ, она опустила его на рукѣ за окно, и онъ исчезъ съ ладони. Выбѣжали на улицу, начали искать креста подъ окнами дома, который былъ одноэтажный, но не нашли. Послѣ этого она велѣла брату показать, что у него въ рукѣ. Въ завернутой бумажкѣ оказалась углообразная частица просфоры и нѣсколько росинокъ ладону; на бумажкѣ было написано: „Ты еси Господи“. На раз-

спросы родныхъ она сказала, что къ ней приходилъ преподобный Сергіи и съ нимъ прекрасный мальчикъ въ бѣлой одеждѣ, препоясанный ораремъ по діаконски. Преподобный вынулъ изъ-за пазухи синюю салфетку и изъ нея далъ бумажку и крестъ; бумажку съ просфорою и ладоню велѣлъ оставить у себя, а крестъ возвратитъ и увѣритъ родныхъ, особенно же брата Николая, чтобы они не сомнѣвались, а о мальчикѣ сказалъ: „онъ будетъ хранить тебя“. Больная послѣ того совершенно исцѣлилась. Черезъ годъ, въ іюнь 1856 года, она съ матерью и сестрою пріѣхала въ Троицкую лавру, и сама и мать рассказали начальству лавры и братіи о бывшемъ съ нею. Частица просфоры, которую она привезла, оказалась печенья лаврскаго. Это событіе было описано, и дѣйствительность его была утверждена собственноручными подписями отца, матери и брата исцѣленной дѣвицы, протоіерея, священника и діакона Епифанскаго Николаевскаго собора. Но это описаніе въ продолженіе шести лѣтъ послѣ дивнаго событія не предаваемо было печати; спустя шесть лѣтъ, когда получено извѣстіе, что Раиса находится въ цвѣтущемъ здоровьѣ, это описаніе, по соизволенію митрополита московскаго Филарета, напечатано въ журналѣ Московской академіи—„Творенія Святыхъ Отецъ“ (1861 г., ч. XX).

Являлись не только святые, но и грѣшныя или обыкновенной жизни люди живущимъ на землѣ для разумленія ихъ увѣренія въ будущей жизни. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

а) Св. Григорій Двоесловъ рассказываетъ о явленіи умершаго грѣшника изъ ада слѣдующее: пресвитеръ имѣлъ обыкновеніе мыться въ теплицѣ. Въ одинъ день, выйдя, по обыкновенію, мыться, пресвитеръ находитъ тамъ незнакомаго человѣка, намѣревающагося ему служить при раздѣваніи. Дѣйствительно, незнакомецъ снялъ съ ногъ пресвитера сапоги и взялъ одежду. По выходѣ незнакомецъ подаль пресвитеру полотно, чтобы

отереть ноги, подаль одѣяніе, и все это исправлялъ съ удивительнымъ усердіемъ. Такая услуга продолжалась нѣсколько разъ. Пресвитеръ, желая отблагодарить незнакомца, взялъ съ собой двѣ просфоры и отправился въ теплицу. Незнакомецъ служилъ ему такъ же усердно, и когда пресвитеръ, уже одѣвшись, вмѣсто благословенія, хотѣлъ ему предложить въ даръ просфоры за его любовь и услуги, то служившій съ горькими слезами сказалъ: „Отче, для чего мнѣ даешь это? Это святыи хлѣбъ, и я ѣсть онаго не могу. Я, котораго ты видишь, былъ нѣкогда господиномъ сего мѣста, но за грѣхи мои здѣсь осужденъ. Ежели желаешь сдѣлать для меня что-нибудь, то принеси за меня сей хлѣбъ всемогущему Богу и помолись о грѣхахъ моихъ и знай, что ты услышанъ, когда, пришедши мыться, меня болѣе не найдешь здѣсь“. Съ этими словами онъ сталъ невидимъ. Пресвитеръ всю седмицу провелъ въ слезахъ и въ сокрушеніи сердца, приносилъ Богу каждый день спасительную жертву. Возвратившись въ теплицу, онъ не встрѣчалъ уже болѣе незнакомца (Митрофанъ. Какъ жив. наши умерш., т. I, стр. 83—84).

б) Извѣстенъ слѣдующій случай изъ жизни почившаго митрополита Платона. „Въ моей жизни,—говорить высокопреосвященный, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—однажды я видѣлъ тѣнь другого человека, да притомъ такъ живо и отчетливо, что вотъ какъ васъ вижу теперь. Это было въ 30-хъ годахъ, когда я состоялъ инспекторомъ С.-Петербургской духовной академіи. У насъ былъ въ числѣ другихъ студентовъ Иванъ Крыловъ изъ Орловской семинаріи, извѣстный мнѣ, когда я былъ тамъ наставникомъ. Учился онъ недурно, былъ хорошаго поведенія, благообразнаго вида. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и просить, чтобы я позволилъ ему отправиться въ больницу. Я думаю себѣ: вѣрно онъ истощалъ, пусть тамъ покормятъ его получше, и онъ поправится. А можетъ быть и курсовое

сочиненіе тамъ напишетъ. Проходитъ нѣсколько времени, я объ немъ ничего не слышу, докторъ ничего не говоритъ. Но вотъ однажды я лежу на диванѣ и читаю книгу, смотрю—стоитъ Крыловъ и прямо смотритъ на меня. Лицо его вижу такъ ясно, какъ вотъ васъ, но тѣло его была какъ бы въ туманѣ или въ облакѣ. Я взглянулъ на него. Онъ... Меня передернуло. Призракъ точно понесся къ окну и скрылся. Я еще раздумывалъ, что бы это значило, слышу стукъ въ мою дверь, входитъ больничный сторожъ и говоритъ мнѣ: „студентъ Крыловъ Богу душу отдалъ“.—Давно ли?—спросилъ я въ изумленіи.—„Да вотъ минутъ пять, я только собрался къ вамъ“.—Вотъ извольте разгадать эту тайну“,—сказалъ архипастыръ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ при разсказѣ. Всѣ молчали.—„Все это,—заключилъ владыка,—несомнѣнно доказываетъ намъ какую-то таинственную связь между нами и душами умершихъ“ („Могилов. Епарх. Вѣд.“ 1883 г.).

в) Затворникъ Георгій (Машуринъ) разсказываетъ въ собственноручной запискѣ, найденной въ его бумагахъ послѣ смерти, слѣдующій фактъ. „Когда все покоилось въ мирной тишинѣ въ самую глухую ночь, и мать моя почивала на ложѣ своемъ, вдругъ озарился весь ея покой свѣтомъ. Отворилась дверь, увеличился свѣтъ, явился священникъ, бывший ея духовникомъ и уже три года почивавшій во гробѣ, и принесъ на рукахъ своихъ святую икону. Тихо онъ приблизился къ одру ея и благословилъ образомъ стоявшую въ радостномъ трепетѣ и объятую страхомъ свою духовную дочь и возвѣстилъ ей вожделѣнные слова сии: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Богъ дастъ тебѣ сына Георгія. Вотъ тебѣ и образъ св. великомученика Георгія“. Несказанно обрадованная Божиимъ благословеніемъ, она приложилась къ св. образу и, принявъ на свои руки, поставила въ божницу. Симъ видѣніе окончилось. Дивный сонъ этотъ сбылся: отъ Анны родился сынъ Георгій

гий. Исторію чуднаго сновидѣнія затворникъ Георгій заканчиваетъ словами: „все это я имѣлъ счастье слышать отъ самой родительницы моей“. (Посмертныя записки затворника Георгія).

г) Въ одномъ селѣ жила почтенная чета: старикъ, заштатный священникъ, отецъ Г., и старушка, жена его. Жили они очень долго на свѣтѣ и, какъ говорится, душа въ душу между собою. Отецъ Г. приобрѣлъ своею жизнію уваженіе у многихъ въ окрестности. Это былъ человѣкъ добраго стараго времени, хлѣбосоль, привѣтливый и ласковый со всякимъ, а главное благочестивый и добрый. Но всему бываетъ на свѣтѣ конецъ: отецъ Г. занемогъ, слегъ въ постель и, напутствованный христіанскими таинствами, тихо и мирно перешелъ въ вѣчность, оставивъ горько оплакивавшую спутницу своей жизни. Вотъ уже минулъ и годъ послѣ его смерти. Старушка, жена его, наканунѣ годичнаго о немъ поминовенія, послѣ разныхъ хлопотъ, легла немножко отдохнуть. И вотъ видитъ во снѣ покойнаго мужа. Съ радостью бросилась она къ нему и начала его разспрашивать: что съ нимъ и гдѣ онъ теперь находится? Покойникъ отвѣчалъ: „Хотя я и не обязанъ съ тобою говорить, но такъ какъ при жизни не было у меня отъ тебя никакихъ тайнъ, то скажу, что, по милости Божіей, я не въ аду; скоро и ты послѣдуешь за мною, готовься къ смерти черезъ три недѣли послѣ этого дня“. Покойникъ медленно удалился, какъ бы не желая съ нею разстаться, а старушка, проснувшись, радостно стала всѣмъ рассказывать о своемъ свиданіи съ покойнымъ мужемъ. И дѣйствительно, ровно черезъ три недѣли, она мирно скончалась. („Душепол. Чт.“ 1868 г., ч. I).

д) „Въ ночь съ 28 на 29 сентября снилось мнѣ,—передаетъ графъ М. В. Толстой,—будто стою я у себя въ залѣ и слышу изъ гостиной раздаются голоса дѣтей. Смотрю, проходятъ мимо меня въ залу разныя дѣти

и между ними Володя, нашъ недавно умершій сынъ. Я съ радостью кинулся къ нему, онъ улыбается мнѣ своей прежней ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: Володя, это ты?—Онъ кинулся мнѣ на шею и крѣпко, крѣпко обнялъ меня.—Гдѣ ты моя радость, ты у Бога?—„Нѣтъ, я еще не у Бога, я скоро буду у Бога“.—Хорошо ли тебѣ?—„Хорошо, лучше, чѣмъ у васъ. А у васъ я часто бываю, все около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ дѣлается скучно“.—Когда тебѣ скучно?—„Особенно, когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ такъ, крѣпко“.—Ты съ ней повидался бы, моя радость.—„И повидаюсь, непременно повидаюсь“.—Когда же?—„Когда плакать перестанетъ“. Тутъ послышался голосъ моей жены изъ корридора, я обернулся туда къ ней, потомъ назадъ его уже нѣтъ. Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержаться отъ громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену свою. Въ ту же минуту я набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ слово въ слово такъ, какъ было“. (М. Погодинъ, „Простая рѣчь о мудрыхъ вещахъ“).

е) Въ одномъ приходѣ, по случаю смерти священника, мѣсто было занято другимъ. Вновь поступившій на мѣсто умершаго чрезъ нѣсколько дней померъ; вмѣсто его поступилъ другой, но и сей тоже чрезъ нѣсколько дней померъ. Такимъ образомъ, приходъ въ самое короткое время лишился трехъ священниковъ. Два эти событія устрашили кандидатовъ священства, почему означенный приходъ оставался немалое время вакантнымъ. Духовное начальство само назначило кандидата на сіе мѣсто. Поступившій священникъ, войдя въ первый разъ въ храмъ и затѣмъ въ алтарь, увидѣлъ

здѣсь, въ сторонѣ отъ св. престола, незнакомаго священника въ полномъ священническомъ облаченіи, но окованнаго по рукамъ и ногамъ тяжелыми желѣзными цѣпями. Новый служитель алтаря не потерялъ присутствія духа: онъ началъ обычное священнодѣйствіе съ проскомидіи, а по прочтеніи 3-го и 6-го часовъ совершилъ и всю божественную литургію, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ посторонняго загадочнаго лица, которое по окончаніи службы стало невидимо. Теперь новый пастырь понялъ, что видѣнный имъ скованный священникъ есть обитатель загробнаго міра. Не понималъ онъ только причины его явленія, но это скоро объяснилось. Скованный священникъ, въ продолженіе всей службы, не вымолвилъ ни слова и только время отъ времени приподнималъ скованныя цѣпями руки и указывалъ ими на одно мѣсто помоста въ алтарѣ. То же самое повторилось и въ слѣдующую службу, во время которой, при входѣ въ алтарь, священникъ обратилъ особенное вниманіе на то мѣсто, на которое, какъ прежде, такъ и теперь, указывало привидѣніе. Всмотриваясь пристально въ ту сторону, священникъ замѣтилъ лежавшій тамъ на полу у стѣны ветхій небольшой мѣшокъ. Онъ поднялъ этотъ мѣшокъ, развязалъ его и нашелъ въ немъ не малое число записокъ съ именами умершихъ и живыхъ лицъ, какія, обыкновенно, подаются служащему священнику для поминовенія на проскомидіи о упокоеніи душъ отошедшихъ въ вѣчность и о здравіи и спасеніи живыхъ. Теперь священникъ понялъ, что записки эти при жизни стоявшаго тутъ окованнаго собрата его, бывшаго тутъ настоятелемъ этой же церкви, вѣроятно, остались непрочитанными имъ во время совершавшихся имъ божественныхъ литургій. Посему, начавши службу, онъ началъ поминать на проскомидіи имена живыхъ и умершихъ, означенныхъ въ запискахъ найденнаго имъ мѣшка, и лишь только

онъ окончилъ чтеніе ихъ, какъ тяжелыя желѣзныя цѣпи, коими окованъ былъ загробный узникъ, въ одно мгновеніе съ шумомъ спали съ рукъ и ногъ его и рухнулись о землю; а самъ онъ, сдѣлавшись свободнымъ отъ узъ, подошелъ къ служащему священнику и, не говоря ни слова, поклонился ему въ ноги до лица земли. Затѣмъ, вдругъ, ни его, ни желѣзныхъ оковъ не стало видно. Послѣ сего существо загробное не являлось уже болѣе во время божественныхъ службъ. („Странникъ“ за 1867 г., мартъ, стр. 125).

Всѣ эти и многочисленные другіе случаи явленій душъ умершихъ людей еще болѣе подтверждаютъ открытую Словомъ Божиимъ и обоснованную соображеніями здраваго, богословствующаго разума истину существованія загробнаго міра.

ГЛАВА II.

Христіанская кончина.

Смерть.—Ея всеобщность, причина и происхожденіе.—Ненормальность смерти и ея благотворное значеніе. — Моментъ разлученія души съ тѣломъ.—Исходъ души праведной и грѣшней.—Почему иногда праведники умираютъ смертью злою, а грѣшники доброю?

Съ той поры, какъ Богъ сказалъ падшему Адаму: „земля еси и въ землю отыдеси“ (Быт. III, 19), жатву смерти видимъ часто и повсюду. Всякій человѣкъ рано или поздно умираетъ. Никакое званіе, никакой полъ, никакой возрастъ, никакое богатство, никакая мудрость, никакая осторожность, никакая хитрость—ничто не можетъ охранить насъ отъ смерти. Она—общій человѣческой жребій. Слово Божіе о всеобщности смертнаго закона свидѣтельствуешь: „Кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти“ (Пс. LXXXVIII, 49)? „Лежитъ человѣку единою умрети“ (Евр. IX, 27); „О Адамѣ вси умираютъ“ (1 Кор. XV, 22).

Какая же причина этого общаго для всѣхъ жребія? По мнѣнію древнихъ язычниковъ и нѣкоторыхъ современныхъ невѣровъ, смерть есть законъ самой природы, она вполне естественна: мы умираемъ потому, что такова именно была изначала и всегда есть природа человѣческая. „Случайно мы рождены и послѣ будемъ, какъ не бывшіе; когда тѣло обратится въ прахъ, и духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ; и нѣтъ намъ возврата отъ смерти“ (Прем. Солом. II, 2—3, 5). Умирая, мы отдаемъ неизбѣжную дань природѣ наравнѣ со всѣми животными. Какъ пожелтѣвшій листъ спадаетъ осенью съ дерева, точно такъ же и человѣкъ, сраженный въ свою осень неумолимою косою смерти, исчезаетъ, подобно бѣдному листу, безслѣдно и безвозвратно... Не таковъ христіанскій взглядъ на причину и происхождение смерти. По христіанскому ученію, смерть для природы человѣка явленіе случайное, неестественное; естественна человѣку—жизнь. Изъ св. Писанія видно, что „Богъ смерти не сотворилъ“ (Пр. Солом. I, 13), но „сотворилъ человѣка въ неистлѣніе“ (II, 23), и что „смерть вошла въ міръ завистию“ діавола (ст. 24). Слѣдовательно, смерть есть слѣдствіе или произведеніе не природы, а грѣха (ср. „оброцы грѣха—смерть“ Римл. VI, 23); она вторглась въ нашу бессмертную природу случайно, черезъ нарушеніе нашими прародителями райской заповѣди.

Несмотря на всю противоестественность свою, смерть для истиннаго христіанина не есть безусловное зло. На смерть, какъ на зло, смотрятъ только не христіане или, какъ ихъ называетъ св. апостоль, „грѣшницы нечистивіи, часть порочна“ (Иуд. ст. 15). Смерть для христіанина есть конецъ его странствованія и переходъ въ истинное отечество, въ жизнь дѣйствительную. Смерть вводитъ дѣтей Божіихъ въ домъ ихъ Отца и въ покой,—вводитъ туда, гдѣ уже отнюдь не будетъ ни плача, ни вопля, ни болѣзни, ни смерти

(Апок. XXI, 4). Смерть для нихъ есть второе рожденіе — рожденіе для жизни истинной, вѣчной,—для жизни съ Господомъ Иисусомъ Христомъ и со всѣми святыми, для жизни самой блаженной. Великое и страшное таинство—смерть. И самое таинственное и ужасное въ этомъ таинствѣ, это—моментъ разлученія души съ тѣломъ, то, что совершается во внутреннемъ состояніи умирающаго человѣка, или переходъ человѣка изъ жизни тѣлесной въ жизнь чисто духовную, изъ временной—въ вѣчную. Не одинаковъ исходъ души праведной и души грѣшной.

По свидѣтельству Св. Писанія, праведникъ „въ день скончанія своего обрящетъ благодать“ (Сир. I, 13) и смерть его честна, мирна (Пс. XXXIII, 22. CXV, 6). Такъ какъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ онъ жилъ житіемъ равноангельскимъ, то св. отцы находятъ вполне сообразнымъ пребываніе ангеловъ у постели умирающаго праведника. Преподобный Макарій разсуждаетъ: „При святыхъ рабахъ Божіихъ еще нынѣ пребываютъ ангелы. А когда они отходятъ отъ тѣла, тогда лики ангеловъ приемятъ ихъ душу въ собственную свою область и проводятъ ихъ ко Господу“. Блаженный Августинъ говоритъ, что „ангель-хранитель долженъ поставить душу праведника предъ Бога“. Изъ житій же святыхъ ясно удостовѣряется, что ко многимъ избранникамъ въ минуты ихъ смерти являлись св. ангелы, чтобъ унести ихъ души съ собой. Такъ, когда была отсѣчена голова мученику Василису, то въ ту же минуту христіане увидѣли его душу уносимою ангелами на небо (Четьи-Мин. подъ 22 мая). По сказанію св. Григорія Двоеслова, въ часъ смерти подвижницы Ромулы предъ дверями ея келіи явились два хора ангеловъ: съ вознесеніемъ ея души на небо пѣніе этихъ хоровъ становилось тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ замолкло. Но если не всегда тѣ, которые окружали праведника на смертномъ одрѣ его, видѣли около него

небесныхъ духовъ, то нерѣдко онъ самъ говорилъ имъ объ этомъ. Праведная душа при исходѣ изъ тѣла видѣть иногда святыхъ Божіихъ, которымъ, безъ сомнѣнія, пріятно принять новую чистую душу въ свое общество. Такъ, Сисой Великій, умирая, сначала видѣлъ пророковъ, а потомъ апостоловъ, и съ ними разговаривалъ. Его спросили, съ кѣмъ же это онъ ведетъ разговоръ, и онъ отвѣтилъ: „вотъ пришли мои святые взять меня“. Вслѣдъ затѣмъ онъ и скончался. Антоній Великій видѣлъ, что душу Павла еивейскаго при смерти также окружали и пророки и апостолы (Четьи-Мин. 15 января). Нѣкоторые изъ святыхъ удостоивались видѣть на исходѣ своей души одну только Божию Матерь (смотри и современные примѣры въ Душепол. Чт. 1877 г., ч. 3, стр. 388).

Съ соборомъ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ къ нѣкоторымъ праведникамъ являлся иногда и самъ Господь Иисусъ Христосъ, чтобъ принять ихъ души въ Свои пречистыя руки. Въ этомъ случаѣ замѣчательнъ разсказъ св. Григорія Двоеслова о самомъ близкомъ къ нему лицѣ, именно—объ одной изъ сестеръ отца своего. На кончину Фарсиллы (такъ звали его тетку) въ собственный ея домъ, гдѣ она проводила богоугодную жизнь, собралось очень много посѣтителей—мужчинъ и женщинъ, родственниковъ и чужихъ. И вотъ умирающая сначала устремила свои глаза кверху, а потомъ громко произнесла: „отойдите, отойдите, Иисусъ идетъ!“ Въ ту же минуту душа ея отрѣшилась отъ тѣла. Окружающіе въ дѣйствительности этого явленія увѣрились и тѣмъ, что вдругъ распространилось въ домѣ благоуханіе: и понятно всѣмъ стало, кто внесъ это благоуханіе (Бес. 28).

Душа праведника отходитъ большею частью мирно и тихо. Нѣтъ у него смущенія духа, потому что мысль о послѣднемъ смертномъ часѣ во время земной жизни часто занимала его, и при помощи ея онъ преодолевалъ

всякое пристрастіе къ земному и временному. Нѣтъ у него душевнаго безпокойства, потому что онъ успѣлъ выполнить тѣ и другія добрыя намѣренія свои, увидѣлъ и плоды своихъ трудовъ, хотя, можетъ быть, не всѣхъ. Словомъ, душевное настроеніе умирающаго праведника столько бываетъ невозмутимымъ, что онъ не теряетъ спокойствія и среди окружающихъ его слезъ и вздоховъ.

Многіе изъ праведниковъ умираютъ на молитвѣ. Такъ, священномученикъ Поликарпъ не задолго до смерти молился у огненнаго костра, на который и былъ потомъ возложенъ (Четьи-Мин. 23 февраля); точно также умеръ на молитвѣ св. Дмитрій Ростовскій, и многіе другіе изъ святыхъ найдены послѣ смерти на колѣняхъ въ положеніи молитвенномъ.

Избранники же изъ избранниковъ Божіихъ видятъ предъ своею смертію престолъ Божій на небѣ и всю пресвятую Троицу. О св. архидіаконѣ Стефанѣ извѣстно, что „лицо его“ предъ смертію стало „яко лицо ангела“ (Дѣян. VII, 16), что сами враги его были поражены ангелоподобною свѣтлостью его лица. Отблескъ небеснаго свѣта видѣнъ былъ также на лицѣ умирающаго преподобнаго Агаѳона (Достоп. сказ. 34, 29).

Вотъ какъ утѣшительна бываетъ смерть для праведныхъ людей. Они не только не страшатся ея, но встрѣчаютъ ее съ радостью, будучи напутствуемы радостными видѣніями небожителей, съ которыми они надѣются на вѣки соединиться и наслаждаться непрестающими радостями.

Насколько радостна бываетъ смерть праведныхъ, настолько же, напротивъ, страшна бываетъ смерть грѣшниковъ. И чѣмъ грѣшнѣе человекъ, чѣмъ болѣе зла онъ сдѣлалъ, чѣмъ менѣе каялся онъ въ своихъ грѣхахъ, тѣмъ страшнѣе бываетъ его смерть, тѣмъ тяжелѣе послѣднія минуты его жизни. Въ житіяхъ святыхъ находимъ много тому примѣровъ. Достойна сожа-

лѣнія была кончина діакона Рафаила. Его пришелъ навѣститъ во время болѣзни другъ его, блаженный Епифаній; видя Рафаила уже близъ смерти, онъ началъ плакать. Въ это время и Рафаиль, будучи возмущенъ духомъ, горько плакалъ и говорилъ: „горе мнѣ: я вижу, что злыя дѣла мои перевѣсили добрыя, а потому и добрые ангелы отступили отъ меня“. Хотя Епифаній, по любви къ Рафаилу, и сталъ молиться о немъ, но не помогала и молитва. Діаволъ же, овладѣвъ своею жертвою, началъ, въ виду всѣхъ, издѣваться надъ умирающимъ: по его внушенію и принужденію, Рафаиль то дергалъ по частямъ свою бороду, то дико кричалъ, то лаялъ, какъ собака. Смотря на такую кончину, блаженный Епифаній сказалъ: „видно, братъ Рафаиль содѣлалъ большой грѣхъ и въ немъ не раскаялся“ (Прологъ, октября 8). Разительна была также кончина Евгарія жестокосердаго. Не желая примириться съ преп. Титомъ, онъ такъ выразился: „никогда не хочу съ нимъ мириться, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій“. Но вдругъ послѣ того онъ упалъ, протянулъ руки такъ, что нельзя было ихъ согнуть, разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и лежалъ, какъ давно уже умершій. Въ такомъ видѣ и былъ онъ погребенъ (Чет.-Мин., февраля 27). Не менѣе ужасна была смерть еретика Арія. Идя въ церковь, онъ остановился, для естественной нужды, около одного зданія; здѣсь расползлась вся внутренность его и вышла наружу, отъ чего и извергъ онъ свою грѣшную душу (Прологъ, августа 30). Страшна также была смерть того Комита, который мучилъ св. Артемона. На другой день, послѣ того, какъ олень человеческимъ голосомъ обличилъ Комита, что онъ напрасно мучитъ праведника, за что онъ и самъ погибнетъ лютой смертью,—на другой день послѣ этого, когда Комитъ ѣхалъ на конѣ посмотрѣть котелъ съ кипящею смолою, приготовляемый для мученика, вдругъ откуда ни взялись два страшныхъ орла, стащили его

съ коня и бросили въ котелъ (Чет.-Мин., апрѣля 13). Подобно этой, страшна была смерть и той дѣвицы, которая оклеветала предъ царемъ княгиню Анну въ преступныхъ связяхъ. Выданная послѣ этого въ замужество за одного царскаго сановника, она родила двухъ близнецовъ. Близнецы эти однажды ночью, когда спали съ матерью, вдругъ схватили сосцы ея и начали сосать, но не какъ дѣти, тихо, а какъ дикія животныя хватили они ихъ и кусали такъ, что мать никакою силою не могла оторвать ихъ отъ груди; тѣмъ же они и умертвили. (Чет.-Мин., ноября 28). По истинѣ, по выраженію псалмопѣвца, „смерть грѣшниковъ люта“ (Псал. XXXIII, 22).

Но бываютъ случаи, когда грѣшники, повидимому, умираютъ спокойно, а праведники подвергаются жестокой, страшной смерти. Можно ли изъ этого дѣлать выводы о богоугодности первыхъ и, наоборотъ, о грѣховности и гибели послѣднихъ? При уясненіи подобныхъ случаевъ, нужно всегда имѣть въ виду то, что пути Божіи непостижимы для насъ,—предъ ними надобно только благоговѣть, а постигнуть ихъ нельзя. А что многіе праведники умираютъ злою смертію, а грѣшники праведною, т. е. безболѣзненною, тихою, св. Аванасій въ доказательство этого рассказываетъ слѣдующій случай. Одинъ монахъ-отшельникъ, славный чудотвореніями, жилъ съ однимъ ученикомъ въ пустынѣ. Въ одинъ день случилось ученику пойти въ городъ, въ которомъ былъ начальникъ злой, не боявшійся Бога, и увидѣлъ, что этого начальника погребаютъ съ большою честію, и множество народа сопровождаетъ его гробъ. Возвратившись въ свою пустыню, ученикъ напелъ своего святаго старца растерзаннымъ гіеною и сталъ горько плакать о старцѣ и молиться Богу, говоря: Господи, какъ славно померъ тотъ злой властитель, а этотъ святой, духовный старецъ за что подвергся такой горькой смерти,—растерзанъ звѣремъ? Когда онъ плакалъ и

молился, явился ему ангелъ Господень и сказалъ: Что плачешь о своемъ старцѣ? Тотъ злой властитель имѣлъ одно доброе дѣло, за которое въ награду онъ и удостоился такого славнаго погребенія, а по переходѣ въ другую жизнь ему уже больше нечего ожидать, кромѣ осужденія за худую жизнь. А твой наставникъ, честный старецъ, во всемъ угодилъ Богу, и, будучи украшенъ всякою доботою, онъ, однако же, какъ человѣкъ, имѣлъ одинъ малый грѣхъ, который такою горькою смертію очищенъ, прощенъ, и онъ отошелъ изъ этой жизни совершенно чистымъ (Прологъ, 21 числа іюля).

Когда грѣшники умираютъ лютою смертію, то за мученическую кончину получаютъ прощеніе грѣховъ или облегченіе въ будущемъ мученіи. А когда праведники подвергаются нечаянной, мученической смерти, то за это имъ увеличивается награда въ будущей жизни. Св. Афанасій Великій говоритъ: „Многіе правдивые жизнь свою проводятъ въ продолжительныхъ, жестокихъ болѣзняхъ, а грѣшныя иногда умираютъ мирно и скоро“, т. е. безъ страданій. Св. Григорій говоритъ: „Часто благочестивые подвергаются большимъ скорбямъ и томленію и прежде, и во время смерти: потому что имѣютъ хоть какіе-нибудь малые грѣхи, чтобы очиститься отъ нихъ. Ибо нѣтъ праведника, который бы не имѣлъ какого-нибудь грѣха; и нѣтъ грѣшника, который бы не имѣлъ чего-нибудь добраго, за что въ награду онъ и удостоивается мирной кончины. Но, получивъ здѣсь всю награду, въ будущей жизни тѣмъ строже будетъ осужденъ за худыя дѣла“ (Прологъ, 30 апр.).

Въ одномъ Солунскомъ монастырѣ одна дѣвственница, подвергшись искушенію отъ діавола, не стерпѣла, ушла въ міръ и жила распутно нѣсколько лѣтъ. Потомъ, образумившись, она рѣшилась исправиться и возвратиться въ прежній монастырь на покаяніе. Но едва только дошла до воротъ монастыря, упала и

умерла. Одному епископу Богъ открылъ о смерти ея, и онъ видѣлъ, что св. ангелы пришли, взяли душу ея, а бѣсы велѣды ихъ шли и спорили съ ними. Св. ангелы говорили, что она столько-то лѣтъ служила намъ, душа наша. А бѣсы говорили, что она и въ монастырь вступила съ лѣнностью, какъ же вы говорите, что она покаялась? Ангелы отвѣчали: Богъ видѣлъ, что она всѣми мыслями и сердцемъ преклонила къ доброму, потому и принялъ покаяніе ея. Покаяніе зависѣло отъ ея доброй воли, а жизнью Богъ владѣетъ. Бѣсы съ посрамленіемъ удалились (Прологъ, 14 іюля).

Св. Златоустъ говоритъ: „Если увидишь, что праведникъ терпитъ злую кончину, не падай духомъ; ибо несчастія уготовляютъ ему свѣтлый вѣнецъ. Богъ наказываетъ нѣкоторыхъ на землѣ, чтобы облегчить имъ тамошнее наказаніе, или совсѣмъ освободить ихъ отъ онаго. Когда видишь, что нѣкоторые или при кораблекрушеніи погибли, или задавлены домомъ, или утонули въ рѣкѣ, или другимъ насильственнымъ образомъ окончили жизнь, между тѣмъ, какъ иные, подобно имъ, или еще хуже грѣшатъ, однако остаются невредимы,—не смущайся и не говори: отчего это согрѣшающіе одинаково не пострадали одинаково? Богъ попускаетъ одному быть убитымъ, облегчая тамошнее наказаніе ему, или пресѣкая грѣховность его, чтобы, продолжая жизнь нечестивую, не собиралъ для себя большее осужденіе. А другому не попускаетъ такой смерти, чтобы, наученный казнію перваго, онъ сдѣлался благонравнѣе. Если же вразумляемые не исправляются, виновенъ не Богъ, а безпечность ихъ“ (Бес. 3 о Лазарѣ). Съ этою, кажется, цѣлію, допущена Богомъ внезапная смерть Галилеянъ, убитыхъ Пилатомъ и задавленныхъ Силоамскою башнею, о которыхъ говоритъ Спаситель: „Думаете ли, что сіи Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ погибнете. Или, думаете ли, что тѣ

восемнадцать человекъ, на которыхъ упала башня Си-лоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ, живущихъ въ Иерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“ (Лук. VIII, 2—5). Никто и изъ насъ не можетъ обнадеживать себя, что не случится съ нимъ внезапной смерти. Поэтому, чтобы смерть не постигла насъ врасплохъ и не привела въ трепетъ, надобно заранѣе готовиться къ ней.

Г Л А В А III.

Частный судъ и мытарства.

Время частного суда.—Дѣйствительность его.—Мытарства.—Описание ихъ въ житіи преп. Василия Новаго.—Непререкаемость перковнаго ученія о мытарствахъ.—Всѣ-ли проходятъ по смерти своей мытарства?—Замѣчаніе касательно представленія образа истязаній въ мытарствахъ и видимаго противорѣчія въ святоотеческомъ изображеніи мытарствъ.

Православная церковь учитъ, что душа человека, по разлученіи съ тѣломъ, приводится къ Богу на судъ, который, въ отличіе отъ всеобщаго, послѣдняго суда, называется „частнымъ“, потому что совершается не торжественно предъ лицомъ всего міра и имѣетъ цѣлюю опредѣлить участь души не на цѣлую вѣчность, какъ судъ послѣдній, а только до всеобщаго воскресенія. А что этотъ судъ дѣйствительно будетъ происходить, мы увѣряемся изъ Священнаго Писанія. Апостоль Павелъ сказалъ: „людямъ положено однажды умереть, а потомъ судъ“ (Евр. IX, 27). Изъ притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ также ясно открывается, что по смерти тотчасъ слѣдуетъ извѣстное рѣшеніе участи (Лук. XVI, 22), смотря по дѣламъ умершаго; слѣдовательно, происходитъ судъ. Несомнѣнная дѣйствительность такого суда вытекаетъ еще какъ изъ понятія о земной жизни, поприщѣ испытанія, такъ и изъ понятія

о Богѣ, Творцѣ, Судіи и Мздовоздаятелѣ нашемъ; потому и говоритъ сынъ Сираховъ, приводя вѣрованіе церкви ветхозавѣтной: „яко удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человеку по дѣломъ его“ (Сир. XI, 26).

Частный судъ Божій надъ душами, по ученію Церкви, предваряется истязаніемъ или испытаніемъ ихъ въ такъ называемыхъ мытарствахъ, чрезъ кои онѣ въ сопровожденіи ангеловъ проходятъ въ области воздушной, и гдѣ злые духи, находясь въ своей области (Еф. VI, 12), задерживаютъ ихъ и обличаютъ всѣ грѣхи, содѣянные ими въ жизни. Ученику преп. Василия Новаго (жившаго въ первой половинѣ X вѣка), Григорію, были открыты въ видѣніи обстоятельства смертнаго часа и хожденія по мытарствамъ блаженной Феодоры. Вотъ что блаженная Феодора говорила ему:

„Когда я приблизилась къ концу своей жизни и насталь для меня часъ разлученія съ тѣломъ, то увидѣла я множество эѳіоповъ, стоявшихъ около моей постели; лица ихъ были черны, какъ сажа и смола, очи—какъ раскаленные угли, а взгляды страшны до того, что и сказать нельзя. Они начали шумѣть и кричать; нѣкоторые изъ нихъ ревѣли, какъ скоты, другіе лаяли подобно собакамъ, иные выли или визжали, какъ волки и свиньи, и всѣ, яростно смотря на меня, скрежетали зубами, какъ будто хотѣли пожрать меня. Тутъ же они приготавливали бумаги, какъ бы ожидая какого судю, и развертывали свитки, въ которыхъ были записаны всѣ мои злыя дѣла. Бѣдная душа моя была въ несказанномъ страхѣ и трепетѣ. Страшный видъ эѳіоповъ былъ для меня лютѣе самой смерти. Я отворачивалась туда и сюда, но не могла не видѣть эѳіоповъ и не слышать голосовъ ихъ. Изнемогши до конца, я увидѣла, наконецъ, двухъ свѣтлыхъ ангеловъ Божіихъ, которые подошли ко мнѣ въ видѣ красивыхъ юношей. Одежды ихъ сіяли свѣтомъ, и они препоясаны были кресто-

образно на груди золотыми поясами. Приолившись къ моей постели, они стали съ правой стороны, тихо бесѣдуя между собой, а я обрадовалась и весело смотрѣла на нихъ. При видѣ ихъ, эѳіопы содрогнулись и отступили. Тогда одинъ изъ свѣтоносныхъ юношей строго сказалъ имъ: „о безстыдные, проклятые и злобные враги рода человѣческаго! Зачѣмъ всегда спѣшите приходиться къ умирающимъ и своимъ крикомъ смущаете душу, разлучающуюся съ тѣломъ? Не радуйтесь; тутъ вы ничего для себя не найдете: Богъ помиловалъ эту душу, и вамъ нѣтъ ничего общаго съ нею!“ Эѳіопы неистово закричали и начали показывать записки о злыхъ дѣлахъ, отъ юности мною содѣланныхъ, говоря: „мы не имѣемъ дѣла до нея? А это чьи грѣхи? Не она ли творила ихъ?“ Крича такимъ образомъ, они выжидали смерти моей. И вотъ пришла смерть, и изъ устъ моихъ излетѣлъ послѣдній вздохъ, а свѣтоносные ангелы взяли мою душу на руки свои. Я оглянулась назадъ и увидѣла, что мое тѣло лежитъ безъ чувства и движенія. Подобно тому, какъ если бы кто, сбросивши съ себя одежду, смотрѣлъ на нее, такъ и я смотрѣла на свое тѣло, будто на одежду, и очень удивлялась этому. Между тѣмъ, какъ святые ангелы держали меня, бѣсы, въ видѣ эѳіоповъ, окружили насъ и кричали: „эта душа имѣетъ много грѣховъ: пусть отвѣчаетъ за нихъ!“ И начали показывать мои грѣхи, а святые ангелы начали искать добрыхъ моихъ дѣлъ и обрѣтали благодатию Божіею все, что при помощи ея сдѣлано мною. Они собирали все, что я сдѣлала когда-либо доброе: дала ли милостыню убогимъ, или накормила алчущаго, или напоила жаждущаго, или одѣла наготующаго, или страннаго ввела въ домъ и упокоила, или послужила рабамъ Божіимъ, или посѣтила больного и въ темницѣ сидѣвшаго и утѣшила его; приходила ли съ усердіемъ въ храмъ Божій и молилась съ умиленіемъ и слезами, или внимательно слушала чтеніе и пѣніе церковное,

или приносила въ храмъ ладонь и свѣчи, или наполняла масломъ церковныя лампы на освѣщеніе святыхъ иконъ и лобызала иконы съ благоговѣніемъ; или постилась и воздерживалась въ среды, пятки и во всѣ святые посты, или клала поклоны и ночь проводила въ бдѣніи, или вздыхала къ Богу и плакала о грѣхахъ своихъ, или исповѣдывала грѣхи свои предъ отцемъ духовнымъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ о нихъ, и старалась дѣлать за нихъ удовлетвореніе; если оказывала что-нибудь доброе ближнимъ, не гнѣвалась на враговъ, не памятозлобствовала и кротко переносила досажденія и укоризны, за зло воздавала добромъ, смирялась, жалѣла о чужой бѣдѣ и сострадала страждущимъ, утѣшала плачущаго и подавала ему руку помощи, споспѣшествовала кому въ добромъ дѣлѣ, а отъ худого отвращала; или сама отвращала очи мои отъ суеты и удерживала языкъ отъ клятвы, лжи, клеветы и суесловія,—и всѣ иныя, самыя малѣйшія добрыя мои дѣла, одно за другимъ, святые ангелы собирали и готовили положить на вѣсы противъ злыхъ моихъ дѣлъ. Эѳіопы, смотря на это, скрежетали на меня зубами своими, потому что хотѣли тотчасъ вырвать меня изъ рукъ ангельскихъ и низвести на дно ада. Въ это самое время нечаянно явился тамъ преподобный отецъ Василій и сказалъ святымъ ангеламъ: „святые ангелы! Эта душа много послужила къ упокоенію старости моей, а потому я молился объ ней къ Богу, и Богъ даровалъ ее мнѣ“. Сказавши это, онъ вынулъ изъ-за пазухи какъ бы мѣшочекъ съ золотомъ и отдалъ его ангеламъ, со словами: „вотъ сокровище молитвъ предъ Господомъ объ этой душѣ! Когда будете проходить воздушныя мытарства, и лукавые духи начнутъ истязывать ее, то вы искупляйте ее этимъ отъ долговъ ея“. Послѣ сего ушелъ. Лукавые духи, увидѣвъ даръ преподобнаго Василія, сперва стояли въ недоумѣніи, потомъ подняли плачевные крики и сдѣлались невидимы. Тогда снова

явился нашъ угодникъ Божій Василій, неся съ собою много сосудовъ чистаго елея и драгоценнаго мвра, которые всѣ, одинъ за другимъ, вылилъ на меня, отчего я исполнилась благоуханія духовнаго и почувствовала, что я перемѣнилась и сдѣлалась очень свѣтлою. И опять сказалъ ангеламъ преподобный: „когда вы, святые ангелы, сдѣлаете все, необходимое для этой души, тогда введите ее въ приготовленную мнѣ отъ Господа обитель; пусть тамъ и остается“. Послѣ сего сталъ невидимъ; а святые ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на востокъ.

(*Мытарство 1-е*). Когда мы шли отъ земли къ высотѣ небесной, то вначалѣ встрѣтили насъ воздушные духи перваго мытарства, на которомъ истязуются грѣхи празднословія, то есть бесѣды безразсудныхъ, скверныхъ, безчинныхъ. Мы остановились, и предъ насъ вынесены были многіе свитки, гдѣ записаны были всѣ слова, произнесенныя мною отъ юности моей непотребно и безразсудно, а особенно если они выражали что-нибудь срамное или кощунственное, какъ нерѣдко бываетъ на языкѣ людей молодыхъ. Я видѣла записанными тамъ всѣ свои буесловія, сквернословія, всѣ мірскія безстыдныя пѣсни, безчинные крики, смѣхъ и хохотъ. Всѣмъ этимъ злые духи обличали меня, указывая на время и мѣсто, когда, гдѣ и съ кѣмъ занималась я суетною бесѣдою и прогнѣвала Бога своими непристойными словами, не считая грѣховъ, а потому не исповѣдывалась въ нихъ духовному отцу и въ нихъ не раскаивалась.

Я молчала, какъ безгласная, не будучи въ состояніи, отвѣчать, потому что лукавые духи правильно обличали меня. Когда я молчала, стыдилась и отъ страха трепетала, святые ангелы положили нѣчто изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а недостающее восполнили изъ сокровища, подареннаго преподобнымъ отцемъ Васиіемъ, и этимъ выкупили меня.

(*Мытарство 2-е*). Оттуда пошли мы выше и приблизились къ мытарству „лжи“, на которомъ истязуется всякое слово ложное, то есть клятвопреступленіе, напрасное призываніе имени Божія, лжесвидѣтельство, неисполненіе данныхъ Богу обѣтовъ, неискреннее и неистинное исповѣданіе грѣховъ и тому подобное. Духи этого мытарства злы и свирѣпы; они остановили насъ и начали подробно испытывать. Но я обличена была только въ двухъ: первое, что случилось мнѣ иногда солгать въ неважныхъ вещахъ, и я даже не считала того за грѣхъ; второе, что изъ ложнаго стыда я бывало неискренно исповѣдывалась предъ отцемъ моимъ духовнымъ. А клятвопреступленія, лжесвидѣтельства и тому подобныхъ беззаконій не нашли во мнѣ, по милости Христовой. Святые ангелы на этомъ мытарствѣ противъ моихъ грѣховъ положили нѣчто изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а болѣе молитвы духовнаго отца моего выкупили меня,—и мы пошли выше.

(*Мытарство 3-е*). Достигли мы мытарства, истязующаго осужденіе и „клевету“. Тутъ остановили насъ и я уразумѣла, какъ тяжекъ грѣхъ осужденія ближняго и какъ велико зло клеветать на кого-либо, осуждать, безславить, хулить, браниться и смѣяться надъ чужими недостатками. Такихъ грѣшниковъ лютые истязатели истязуютъ, какъ антихристовъ, предвосхитившихъ себѣ право суда надъ другими. Но во мнѣ, по благодати Христа, немного нашли этихъ грѣховъ, потому что я во всѣ дни жизни моей прилежно старалась никого не осуждать, ни на кого не клеветать, ни надъ кѣмъ не смѣяться и не бранить никого. Только иногда, слушая иныхъ, какъ они осуждаютъ, клеветаютъ или смѣются надъ кѣмъ-нибудь, случалось и мнѣ немного соглашаться съ ними мыслію или по неосторожности прибавлять свое слово, и тотчасъ зазирала себя и останавливалась: но и самое поползновеніе истязатели вмѣняли мнѣ въ осужденіе и клевету. И тутъ ангелы вы-

купивши меня дарованіемъ молитвъ преподобнаго Василія, пошли со мною выше.

(Мытарство 4-е). Дошли мы до мытарства „чревоугодія“, и тотчасъ выбѣжали навстрѣчу злые духи въ надеждѣ найти добычу себѣ. Лица ихъ были скаредныя, похожія на лица сластолюбивыхъ обжоръ и мерзкихъ пьяницъ. Обойдя насъ, какъ псы, они тотчасъ показали счетъ всѣхъ случаевъ обжорства, когда я тайно ѣла или сверхъ нужды, или съ утра не помолившись и не оградивши себя крестнымъ знаменіемъ принималась за пищу или во святые посты ѣла до совершенія церковнаго богослуженія. Представили и всѣ случаи моего пьянства, даже показывали тѣ самыя чаши, рюмки и прочіе сосуды, изъ коихъ я упивалась въ такое-то время, на такомъ-то пиру, съ такими-то собесѣдниками. И всякое мое чревоугодіе до подробности поставили на видъ и радовались, какъ бы уже получивъ меня въ свои руки. Я трепетала, видя такое обличеніе, и не знала, что отвѣчать вопреки. Но святые ангелы, вынувъ довольно изъ дарованія преподобнаго Василія, положили то противъ моихъ грѣховъ и выкупили меня. Увидѣвши выкупъ, злые духи вскричали: горе намъ! пропали наши труды и надежды! и бросили на воздухъ свои записи о моемъ чревоугодіи. А я радовалась—и мы пошли далѣе.

Когда мы шли, святые ангелы бесѣдовали между собою такъ: „истинно, великую помощь эта душа имѣетъ отъ угодника Божія Василія; и если бы не его молитвы, то много нужды потерпѣла бы она въ воздушныхъ мытарствахъ“. А я, принявши смѣлость, сказала имъ: „мнѣ кажется, святые ангелы, что никто изъ живущихъ на землѣ не знаетъ, что здѣсь происходитъ и что ожидаетъ душу по смерти“. Но ангелы отвѣчали мнѣ: „а развѣ не свидѣтельствуешь обо всемъ этомъ божественное писаніе, читаемое въ храмахъ и проповѣдуемое священнослужителями? Только люди, пристрастившіеся къ земной свѣтѣ, небрегутъ о томъ, и, считая величайшимъ

удовольствіемъ ежедневное объяденіе и пьянство, всегда ѣдятъ безъ сытости и упиваются, забывши страхъ Божій. Имѣя чрево свое вмѣсто Бога, они не помышляютъ о будущей жизни и не припоминаютъ себѣ сказаннаго въ Писаніи: „горе вамъ пресыщенные нынѣ! ибо взалчете“ (Лук. VI, 25), „и упивающіеся, потому что возжаждете“ (Ис. V, 12, 1, 3). Живутъ они небрежно и распущенно, пируя съ тимпанами и ликами, и всякій день, подобно евангельскому богачу, веселясь свѣтло (Лук. XVI, 19). Впрочемъ, кто изъ нихъ милостивъ и милосердъ къ нищимъ и убогимъ и помогаетъ требующимъ помощи, тотъ легко получаетъ отъ Бога прощеніе грѣховъ своихъ и ради милосердія своего къ ближнимъ проходитъ мытарства безъ остановки. Сказано въ Писаніи: „милостыня отъ смерти избавляетъ, и тая очищаетъ всякъ грѣхъ; творящій милостыни и правды исполнятся жизни“ (Тов. XII, 9). А кто не старается милостынями очищать грѣхи свои, тому невозможно избѣгнуть темныхъ мытарей, которые низводятъ ихъ во адъ и держатъ въ узахъ до страшнаго суда Христова. И тебѣ не избѣжать бы здѣсь лютой участи, если бы не получила ты сокровища молитвъ преподобнаго Василія“.

(Мытарство 5-е). Въ такой бесѣдѣ мы достигли мытарства „лѣности“, гдѣ истязуются грѣшники за всѣ дни и часы, проведенные въ праздности. Тутъ же задерживаются тунеядцы, жившіе чужими трудами, а сами не хотѣвшіе трудиться, и наемники, бравшіе плату, но не исполнявшіе своихъ обязанностей, принятыхъ на себя. Тамъ же истязуются и тѣ, кои нерадятъ о прославленіи Бога, лѣнятся въ праздничные и воскресные дни ходить въ храмъ на утреннее богослуженіе, на божественную литургію и другія священныя службы. Тамъ же испытывается вообще уныніе и небреженіе какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ людей, и разбирается нерадѣніе каждаго о душѣ своей, и мно-

гіе оттуда низводятся въ пропасть: И я была тамъ много испытываема, и нельзя бы мнѣ было освободиться отъ долговъ, если бы святые ангелы не восполнили моихъ недостатковъ дарами преподобнаго Василия.

(*Мытарство 6-е*). Оттуда пришли мы къ мытарству „воровства“, гдѣ хоть и были остановлены, на нѣкоторое время. но, давши немного выкупа, пошли далѣе: потому что не обрѣлось на мнѣ воровства, кромѣ весьма маловажныхъ случаевъ въ моемъ дѣтствѣ, происшедшихъ отъ неразумія.

(*Мытарство 7-е*). Мытарство „сребролюбія и скупости“ прошли мы безъ задержанія, потому что я, по милости Божіей, никогда въ жизни моей не заботилась о многомъ приобрѣтеніи и не была сребролюбива, довольствовалась тѣмъ, что Богъ давалъ, и не была скупой, но что имѣла, усердно раздавала нуждающимся.

(*Мытарство 8-е*). Поднявшись выше, мы встрѣтили мытарство „лихоимства“, гдѣ истязуютъ дающихъ деньги на противозаконные проенты, и всѣхъ другихъ, наживающихся насчетъ своихъ ближнихъ, взяточниковъ и присвоителей чужаго. Истязатели, не сыскавши на мнѣ лихоимства, скрежетали зубами отъ досады; а мы, благодаря Бога, пошли выше.

(*Мытарство 9-е*). Предъ нами открылось мытарство „неправды“, гдѣ истязуются несправедливые судьи, изъ корысти оправдывающіе виновныхъ и осуждающіе невинныхъ, также люди, не дающіе наемникамъ условленной платы или въ торговлѣ употребляющіе неправильный вѣсъ или мѣру, и вообще всѣ, дѣлающіе какую-нибудь несправедливость. Но мы, по милости Божіей, прошли это мытарство безбѣдно и очень мало дали для искупленія моихъ грѣховъ.

(*Мытарство 10-е*). Мытарство „зависти“ мы прошли ничего не заплативши, потому что я никогда не завидовала. Тутъ же истязуютъ за нелюбовь, братоненавидѣніе, недружелюбіе и ненависть; но, по мило-

сердію Христа Бога нашего, я оказалась невинною въ этихъ грѣхахъ, и хотя видѣла ярость скрежетавшихъ противъ меня бѣсовъ, но уже не боялась ихъ, и мы, радуясь, пошли выше.

(*Мытарство 11-е*). Прошли мы и мытарство „гордости“, гдѣ надменные духи истязуютъ за тщеславіе, самонадѣянность, презрѣніе къ другимъ и величаніе; тутъ истязуются души людей и за невоздаваніе должной чести родителямъ, правительству и начальству, поставленнымъ отъ Бога, и неповиновеніе имъ. Мы тутъ очень мало положили для моего искупленія и я была свободна.

(*Мытарство 12-е*). Потомъ достигли мытарства „гнѣва и ярости“, и хотя тамъ воздушные истязатели очень свирѣпы, но мало что отъ насъ получили, и мы пошли далѣе, радуясь о Господѣ, подъ покровомъ молитвъ преподобнаго отца моего Василия.

(*Мытарство 13-е*). За симъ открылось предъ нами мытарство „злопомненія“, гдѣ безъ милосердія испытуются тѣ, которые въ сердцахъ своихъ питаютъ злобу на ближняго и воздаютъ зломъ за зло. Милосердіе Господне и здѣсь спасло меня, потому что ни противъ кого не злобствовала и не помнила нанесенныхъ мнѣ обидъ, а напротивъ всегда, по силѣ, оказывала любовь и незлобіе къ обижавшимъ меня, побѣждала зло добромъ. Мы здѣсь ничего не заплатили и, радуясь о Господѣ, пошли далѣе.

Тогда я осмѣлилась спросить ведшихъ меня ангеловъ: „скажите мнѣ, откуда эти страшные властители воздушные знаютъ такъ подробно всѣ злыя дѣла людей, и не только явныя, но и тайныя?“ Ангелы отвѣчали мнѣ такъ: „всякій христіанинъ, послѣ святаго крещенія, получаетъ отъ Бога приставленнаго къ нему ангела-хранителя, который, невидимо храня чело-вѣка, наставляетъ его днемъ и ночью на всякое доброе дѣло и записываетъ всѣ добрыя дѣла его, за которыя чело-

вѣкъ могъ бы получить отъ Господа милость и вѣчное воздаяніе въ царствѣ небесномъ. И князь тьмы, желающій привлечь къ гибели весь родъ человѣческій, также назначаетъ одного изъ лукавыхъ духовъ, чтобы онъ, ходя вслѣдъ за человѣкомъ, замѣчалъ всѣ злыя дѣла его и, поощряя его своими кознями къ такимъ дѣламъ, записывалъ все худое, что человѣкъ сдѣлаетъ. Такой лукавый духъ разноситъ по мытарствамъ всѣ грѣхи человека, и отъ того они извѣстны воздушнымъ князьямъ. Когда же душа разлучится и хочетъ идти къ Создателю своему на небо, то лукавые духи возбраняютъ это, показывая ей содѣянные ею грѣхи, и если душа имѣетъ болѣе добрыхъ дѣлъ, чѣмъ грѣховъ, то они не могутъ удержать ее; а если грѣховъ найдется больше, сравнительно съ дѣлами добрыми, то они удерживаютъ душу на нѣкоторое время; затворяютъ ее въ темницѣ невѣдѣнія Бога и мучатъ, сколько сила Божія позволить имъ мучить ее, пока та душа, посредствомъ молитвъ церкви и милостыни ближнихъ, не получитъ прощенія. Если же какая душа окажется такъ грѣшною и нечистою предъ Богомъ, что не будетъ для нея никакой надежды спасенія, то злые духи тотчасъ низводятъ ее въ бездну, гдѣ и для нихъ самихъ уготовано мѣсто вѣчнаго мученія. Тамъ погибшія души содержатся до втораго пришествія Господня, и потомъ, по соединеніи съ своими тѣлами, будутъ съ діаволами мучиться въ гееннѣ огненной. И то еще замѣтъ, — сказали ангелы, — что этимъ путемъ восходятъ и подвергаются испытанію въ мытарствахъ только тѣ, которые просвѣщены вѣрою и святымъ крещеніемъ; а невѣрующіе сюда не приходятъ, потому что, еще до разлученія отъ тѣла, душами своими принадлежатъ аду, и когда умираютъ, то бѣсы безъ всякаго испытанія берутъ ихъ души, какъ свою надлежащую добычу, и низводятъ въ пропасть.

(Мытарство 14-е). Бесѣдуя такъ, мы достигли мытарства „убійства“, на которомъ истязуютъ не

только за разбой, но и за всякую рану, за всякій ударъ, нанесенный ближнему, за пханіе со гнѣвомъ и толчки. Мало нѣчто давъ тутъ, мы пошли далѣе.

(Мытарство 15-е). Прошли мимо мытарства „чародѣйства“, обаянія, отравленія, призыванія бѣсовъ. Здѣшніе духи видомъ похожи на гадинъ, змѣй и жабъ, страшны и отвратительны. По милости Божіей во мнѣ они не нашли ничего, и мы пошли далѣе, провожаемые крикомъ демоновъ: „вотъ придешь въ мытарство блуда, увидимъ, какъ освободишься оттуда!“

Когда мы поднимались выше, я осмѣлилась спросить святыхъ ангеловъ: всѣ ли христіане проходятъ чрезъ эти мытарства, и нѣтъ ли тутъ возможности пройти безъ истязанія и испытанія на мытарствахъ? Ангелы отвѣчали: „нѣтъ иного пути для душъ, восходящихъ на небо; всѣ идутъ этою дорогою, но не всѣ бываютъ такъ истязуемы, какъ ты, а только подобные тебѣ грѣшники, которые творили не полное исповѣданіе грѣховъ своихъ, изъ ложнаго стыда утаивая предъ отцемъ духовнымъ срамныя дѣла свои. Ибо кто чистосердечно рассказываетъ на исповѣди всѣ свои худыя дѣла и жалѣетъ и кается о содѣланномъ, того грѣхи невидимо заглаждаются Божіимъ милосердіемъ. И когда такая покаявшаяся душа приходитъ сюда, воздушные истязатели, разогнувши свои книги, не находятъ въ нихъ ничего записаннаго, и такая душа, радуясь, восходитъ къ престолу Божію. Еслибъ и ты сотворила совершенную исповѣдь о твоихъ грѣхахъ и получила въ нихъ разрѣшеніе, стараясь потомъ сдѣлать возможное за нихъ удовлетвореніе добрыми дѣлами, то не подверглась бы этимъ грознымъ истязаніямъ въ мытарствахъ. Впрочемъ, тебѣ много помогло то, что ты давно уже перестала грѣшнить смертно и прочія лѣта жизни проводила добродѣтельно, а особенно помогли тебѣ молитвы преподобнаго Василія, которому ты усердно и много послужила.

(Мытарство 16-е). Бесѣдуя такимъ образомъ, мы подошли къ мытарству „блуда“, на которомъ истязуется не только любодѣяніе, но блудныя мечты, мысленное услажденіе въ томъ, блудныя воззрѣнія, порочныя осязанія и страстныя прикосновенія. Князь этого мытарства былъ облеченъ въ нечистую и смрадную одежду, запачканную кровавой пѣной, и множество бѣсовъ стояло около него. Увидѣвши меня, они удивились, что я успѣла уже пройти столько мытарствъ, и, вынеся записки о всѣхъ моихъ блудныхъ дѣлахъ, обличали меня, указывая на лица, на мѣста, на время, — съ кѣмъ, когда и гдѣ я грѣшила въ юности моей. Я молчала и трепетала отъ стыда и страха; но святые ангелы сказали бѣсамъ: „она давно уже оставила блудныя дѣла и послѣднее время жизни своей провела въ чистотѣ, воздержаніи и постѣ“. А бѣсы отвѣчали: „и мы знаемъ, что она давно уже перестала грѣшить, но не искренно исповѣдывалась предъ своимъ духовнымъ отцемъ и не получила отъ него надлежащей заповѣди объ удовлетвореніи за грѣхи; потому она наша! Или оставьте ее намъ, или выкупите добрыми дѣлами“. Ангелы положили много изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а еще больше отъ дарованія Василия преподобнаго, и едва я избавилась отъ лютой бѣды.

(Мытарство 17-е). Дошли до мытарства „прелюбодѣянія“, гдѣ истязуются грѣхи людей, живущихъ въ супружествѣ, но не хранящихъ супружеской вѣрности другъ другу и не соблюдающихъ ложа своего несквернымъ, также блудныя похищенія и насилія. Здѣсь же строго истязуются блудныя грѣхопаденія лицъ, посвятившихъ себя Богу и обѣщавшихъ жить для Христа, но не соблювшихъ чистоты. И я много должна была на этомъ мытарствѣ; лукавые духи уже обличили меня и хотѣли вырвать изъ рукъ ангеловъ; но ангелы долго спорили съ ними, представляя всѣ мои послѣдующіе труды и подвиги, и едва искупили

меня—не только моими добрыми дѣлами, которыя положили тутъ всѣ до послѣдняго, сколько сокровищемъ отца моего Василия, котораго также очень много положили на вѣсы противъ моихъ беззаконій,—и, взявши меня, пошли далѣе.

(Мытарство 18-е). Приблизились мы къ мытарству „содомскихъ грѣховъ“, на которомъ истязуются всякіе противуестественные грѣхи, кровосмѣшенія и другія скверныя дѣла, совершаемыя тайно, о коихъ даже и вспоминать стыдно и страшно. Князь этого мытарства былъ мерзостнѣе всѣхъ бѣсовъ, опачканъ гноемъ и смрадомъ; таковы же и слуги его: смрадъ отъ нихъ былъ нестерпимъ, злообразіе невообразимо, ярость и лютость невыразима. Они окружили насъ, но, по милости Божіей, ничего не найдя во мнѣ, побѣжали отъ насъ со стыдомъ, а мы прошли дальше.

И сказали мнѣ святые ангелы: „ты видѣла, Θεодора, страшныя и мерзкія мытарства блудныя! Знай же, что мало какая душа проходитъ ихъ безъ остановки и выкупа, потому что весь міръ лежитъ возлѣ соблазновъ и скверны, и всѣ люди сластолюбивы. Мало кто бережетъ себя отъ нечистотъ блудныхъ и умерщвляетъ въ себѣ похоть плотскую. Потому и мало кто проходитъ тутъ свободно; весьма многіе, достигши блудныхъ мытарствъ, здѣсь погибаютъ. Начальники блудныхъ мытарствъ хвалятся, что они болѣе всѣхъ здѣшнихъ истязателей наполняютъ душами людей огненную пропасть ада. А ты, Θεодора, благодари Бога, что вотъ уже прошла блудныя истязанія, по молитвамъ преподобнаго Василия, отца твоего, и больше не увидишь страха“.

(Мытарство 19-е). Послѣ сего мы подошли къ мытарству „ересей“, гдѣ истязуются неправыя мудрованія о вѣрѣ, отступничество отъ православнаго исповѣданія вѣры, невѣріе, сомнѣніе въ вѣрѣ, порицаніе святыни, и прочее тому подобное. Я прошла это мытар-

ство безъ испытанія, и вотъ мы уже были недалеко отъ вратъ небесныхъ.

(Мытарство 20-е). Но насъ встрѣтили злобные духи послѣдняго мытарства—„немилосердія и жестокосердія“. Жестоки тутъ истязатели, и князь ихъ лютъ, съ вида сухой и унылый. Тутъ безъ милости истязуются души немилосердныхъ. Если бы кто совершалъ и самыя великіе подвиги, изнурялъ себя постами, непрестанно молился и сохранялъ чистоту тѣлесную, но былъ немилостивъ: таковой изъ этого мытарства низвергается въ адскую бездну и не получаетъ милости во вѣки. Но мы, благодатію Христовою, прошли безбѣдно чрезъ это мѣсто, при помощи молитвъ преподобнаго Василія.

„Такимъ образомъ, избавившись отъ страшныхъ мытарствъ, мы съ радостію приблизились, наконецъ, къ самымъ вратамъ небеснымъ. Небесныя врата были какъ будто изъ свѣтлаго кристалла и дивно сіяли. Въ нихъ стояли свѣтлые, какъ солнце, юноши, которые, увидѣвъ меня съ ангелами, радовались, что я милосердіемъ Божиимъ избавилась отъ воздушныхъ мытарствъ, и, привѣтливо встрѣтивши насъ, ввели меня внутрь. Но что я тамъ видѣла и что слышала, чадо Григорій, того нельзя и высказать. Я видѣла то, чего никогда не видѣло око человѣческое, и слышала, чего ухо никогда не слышало, и чего никому изъ живущихъ на землѣ не представляло желаніе или воображеніе.

„И приведена была я къ престолу Божію славы неприступной, окруженному херувимами, серафимами и множествомъ воиновъ небесныхъ, всегда славящихъ Бога неизреченными пѣснями. Падши, я поклонилась невидимому и непостижимому Богу, а небесныя силы воспѣли сладкую пѣснь, прославляя Божіе милосердіе, не побѣждаемое грѣхами человѣческими. И пришелъ гласъ отъ велелѣпной славы, повелѣвавшей приведшимъ меня ангеламъ показать мнѣ всѣ обители

святыхъ и потомъ всѣ муки грѣшниковъ, послѣ чего водворили бы меня въ обители преподобнаго Василія. И такъ водили меня всюду, и я видѣла прекрасныя обители апостольскія, пророческія, мученическія, святительскія и проч. Всѣ онѣ были красоты неизреченной и пространны, и вездѣ я слышала гласъ духовной радости и веселія, вездѣ видѣла торжество святыхъ. Всѣ они, увидѣвши меня, радовались о моемъ спасеніи и прославляли Бога, избавившаго меня отъ сѣтей вражїихъ.

„По обхожденіи свѣтлыхъ обителей низведена я была въ преисподнюю и видѣла тамъ страшныя и нестерпимыя муки грѣшниковъ. Показывая ихъ мнѣ, ангелы сказали: „смотри, Θεодора, отъ какихъ мукъ избавилъ тебя Господь по молитвамъ угодника своего Василія!“ Я слышала тамъ вопли, плачь и рыданіе мучившихся. Иные изъ нихъ страшно кричали и проклинали день рожденія своего, но никто не оказывалъ имъ милосердія. Оттуда провели меня ангелы въ эту видимую тобою обитель и водворили меня тутъ, сказавъ: сегодня преподобный Василій творить о тебѣ память. И поняла я, что тогда былъ сороковой день по разлученіи моемъ отъ тѣла, и въ этотъ день я пришла въ это мѣсто успокоенія“. (Четы-Минея 26 марта, въ житїи преп. Василія Новаго).

Ученіе о мытарствахъ встрѣчается у многихъ отцевъ Церкви, напримѣръ, у св. Аанасія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Нискаго, Евсевія Кесарійскаго, Епифанія Кипрскаго, Макарія Александрійскаго, Іоанна Милостиваго и др. „Такое непрерывное, всегдашнее и повсемѣстное употребленіе въ Церкви ученія о мытарствахъ, особенно же между учителями четвертаго вѣка,—говоритъ нашъ извѣстный догматистъ, высокопреосвященный Макарій,—непререкаемо свидѣтельствуетъ, что оно передано имъ отъ учителей предшествовавшихъ вѣковъ и основывается на пре-

даніи апостольскомъ“ (Прав. Догм. Бог., ч. II-я, стр. 535, изд. 1883 г.). Дѣйствительно, можно находить подтвержденіе ученію о мытарствахъ и въ Священномъ Писаніи, хотя косвенное, — именно, когда оно называетъ воздухъ областію злыхъ духовъ, а князя ихъ — княземъ власти воздушной. „Нѣсть наша брань“, — пишетъ св. апостоль Павелъ къ Ефесянамъ, — „къ крови и плоти, но къ началамъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ“ (Еф. VI, 12). Говоря о людяхъ, „сущихъ прегрѣшенми мертвыхъ“, св. апостоль выражается, что „они ходили по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя“ (Еф. II, 1 2). Зная, что воздушныя власти о томъ только и заботятся, чтобы причинить намъ всякое зло и лишитъ насъ свободнаго доступа къ небу, апостоль Павелъ увѣщаетъ: „пріимите вся орудія Божія, да возможете противитися въ день лють“ (Еф. VI, 13).

Всѣ ли проходятъ по смерти своей мытарства? Какъ видно изъ разсказа блаженной Теодоры о мытарствахъ, ими проходятъ только души христіанъ, души же невѣрующихъ во Христа не допускаются до нихъ: онѣ идутъ прямо въ адъ (Чет.-Мин., 26 марта).

Въ заключеніе ученія о мытарствахъ нужно помнить всегда слѣдующее замѣчаніе. Образъ истязаній въ мытарствахъ никогда не слѣдуетъ представлять въ смыслѣ грубомъ, чувственномъ, а сколько для насъ возможно, въ смыслѣ духовномъ, а также — не привязываться къ частностямъ, которыя у разныхъ писателей, при единствѣ основной мысли о мытарствахъ, представляются иногда различными и какъ бы противорѣчащими одна другой.

ГЛАВА IV.

Состояніе душъ послѣ частнаго суда.

О состояніи душъ вообще. — Состояніе душъ праведныхъ. — Ихъ блаженство. — Мѣсто, куда отходятъ души праведныхъ по смерти тѣла. — Неодинаковость наименованія этого мѣста въ свящ. Писаніи. — Рай. — Мѣстонахожденіе его. — Описаніе его. — Состояніе душъ грѣшныхъ. — Мученія ихъ. — Мѣсто мученія по изображенію св. Писанія. — Адъ. — Гдѣ онъ находится? — Мнѣніе св. Іоанна Златоуста и общецерковное мнѣніе. — Насколько страшны мученія въ аду? — Кто изъ людей находится въ аду? — Загробная участь младенцевъ. — Существуетъ ли различіе половъ въ загробной жизни и каково отношеніе тамъ членовъ семейства?

О посмертномъ состояніи нашихъ душъ послѣ частнаго суда открыто намъ въ Словѣ Божіемъ и ученіи Церкви столько, сколько нужно для насъ; а неоткрытое потому не открыто, что излишне для насъ въ настоящей нашей жизни, и потому, что осталось бы для насъ непонятнымъ, невмѣстимымъ для насъ. Св. апостоль Павелъ, при земной еще жизни удостоившійся проникнуть въ будущую жизнь, когда восхищенъ былъ въ рай, сказалъ, что слышалъ тамъ неизреченныя слова, которыхъ челоуѣку нельзя пересказать (2 Кор. XII, 4).

Состояніе душъ „вообще“, — и праведныхъ и грѣшныхъ, — будетъ слѣдующее. Во-первыхъ, оно не будетъ безсознательнымъ или соннымъ, какъ учили нѣкоторые древніе еретики (противъ которыхъ боролся учитель церкви Оригенъ) и какъ утверждаютъ и теперь люди, не признающіе личнаго безсмертія души. Такое утвержденіе, съ одной стороны, противорѣчитъ понятію о душѣ, которая хотя и находится въ тѣсной связи съ тѣломъ, однако, отнюдь не находится въ такой зависимости отъ него, чтобы безъ него не могла сознать себя; современная психологія показываетъ, что душа сознать себя и въ отдѣльности отъ тѣла. Съ другой стороны, св. Писаніе прямо утверждаетъ, что душѣ при-

— 50 —
суца дѣятельность самосознанія и въ загробномъ мірѣ. Всѣ силы души, дѣйствуя на землѣ, съ переходомъ человѣка въ будущую жизнь, дѣйствуютъ и тамъ. Такъ, упоминаемый въ Евангеліи Спасителемъ богачъ (Лук. XVI, 22—25), по смерти, душою сходитъ въ адъ. Здѣсь, въ адѣ, представлена въ притчѣ Иисусомъ Христомъ вся дѣятельность души во всемъ своемъ объемѣ: богачъ сознаетъ причины настоящаго, неизбѣжнаго уже дѣйствія; дѣйствіе чувствъ внутреннихъ и внѣшнихъ производитъ безотрадное мученіе; дѣятельность воли безуспѣшно стремится къ облегченію положенія души; дѣятельность памяти имѣетъ предметомъ своимъ судьбу братьевъ, оставшихся на землѣ. Все это немислимо въ состояніи безсознательномъ.

Во-вторыхъ, не будетъ это состояніе и безразличнымъ и неопредѣленнымъ,—состояніемъ одного празднаго ожиданія и бездѣйственности. Если загробная жизнь есть продолженіе, дальнѣйшее развитіе земной жизни, то душа, переходя въ загробный міръ со своими земными наклонностями, привычками и страстями, со всѣмъ содержаніемъ своего характера, и за гробомъ продолжаетъ свое развитіе—дѣятельность добрую или злую, смотря по характеру земной жизни.

Въ третьихъ, души не будутъ имѣть и полной самостоятельности, не имѣя возможности принять новый образъ мыслей и чувствованій, начать новый рядъ дѣйствій, вообще перемѣнить себя и явиться другими, какими были въ этой жизни, а могутъ только раскрывать начатое здѣсь. Вотъ почему послѣ смерти нѣтъ ни покаянія, ни исправленія. Да иначе это и быть не можетъ. Вѣдь, полная самостоятельность души обуславливается тѣломъ, какъ составною частію человѣка въ качествѣ самосознающей личности; а затѣмъ если бы послѣ смерти была возможность исправленія, въ такомъ случаѣ настоящая жизнь не имѣла бы никакой цѣли и цѣны по отношенію къ жизни будущей. Настоящая

— 51 —
жизнь есть время сѣянія, а будущая—только жатва, какъ объ этомъ учитъ и Священное Писаніе: „Что посеетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную“ (Гал. VI, 7, 8). Каковъ посѣвъ, такова и жатва,—законъ общій и неизмѣнный какъ для естественной, такъ и для духовно-нравственной жизни. „Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы“ (Матѣ. VII, 16)? Въ притчѣ Господа Иисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ, загробная жизнь поставляется въ неразрывную связь съ земною жизнью: „Чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь злое: нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь“ (Лук. XVI, 25),—если бы, то есть, ты жилъ иначе тамъ, то иная была бы твоя участь здѣсь. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта же притча говоритъ намъ и о бесплодности поздняго раскаянія за гробомъ: богачъ не можетъ ничего сдѣлать самъ для облегченія своихъ страданій и обращается для этого къ чужому посредству, хотя тоже тщетно (Тихоміровъ, „Загробная жизнь“, стр. 385).

Въ четвертыхъ, это состояніе душъ не будетъ рѣшительное и совершенное, которое послѣдуетъ лишь послѣ всеобщаго и страшнаго суда Божія. Тогда, по ученію Церкви, и награда праведныхъ увеличится, и мученіе грѣшныхъ будетъ тяжелѣе (Посл. восточ. патріарх. о правосл. вѣрѣ, чл. 18). Послѣ же частнаго суда души праведныхъ будутъ находиться только въ „предначатіи“ вѣчнаго блаженства, а души грѣшныхъ—въ „предначатіи“ вѣчнаго мученія (Простр. христ. Катехиз., объ 11 членѣ).

Разсмотримъ теперь „частнѣе“ состояніе праведныхъ и грѣшныхъ душъ до всеобщаго суда.

Души праведныхъ людей вслѣдъ за исходомъ изъ этой жизни награждаются за подвиги земной жизни блаженствомъ; такъ, праведный Лазарь, тотчасъ послѣ

смерти отнесенъ былъ на лоно Авраама (Лук. XVI, 22), и на крестѣ покаявшемуся разбойнику сказалъ Господь: „днесь со мною будеши въ рай“ (Лук. XXIII, 43). Блаженство праведныхъ будетъ состоять въ созерцаніи Господа Иисуса Христа, прославленіи Его и служеніи предъ престоломъ Его. Это созерцаніе составляетъ человѣку такое высочайшее благо, что св. апостоль Павелъ съ нетерпѣніемъ желалъ „разрѣшиться и со Христомъ быти“ (Филип. 1, 23). Въ Апокалипсисѣ также говорится, что множество народа „отъ всякаго языка и колѣна и людей и племенъ“ стоятъ предъ престоломъ и Агнцемъ и служатъ Ему день и ночь въ церкви Его (Апок. VII, 9—17). Созерцая непрестанно Христа, праведники находятся во взаимномъ общеніи съ ангелами (Евр. XII, 22—23) и между собою. Это видно изъ притчи евангельской о богачѣ и Лазарѣ, гдѣ сказано, что душу Лазаря ангелы несли на лоно Авраамово, т. е. привели ее въ общеніе съ нимъ. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ: „Что должны будемъ чувствовать, когда облобызаютъ насъ тамъ (въ загробномъ мірѣ) всѣ святые? Облобызаютъ тебя Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ, Моисей, Ной, Іовъ, Давидъ и апостолы, мученики и всѣ святые и праведные, благоудовившіе Богу въ жизни сей“ (Слово о терп. и конч. вѣка, ч. IV, стр. 62). Въ то же время праведники будутъ непрічастны никакимъ печалямъ и страданіямъ (Апок. VII, 16—17) и будутъ наслаждаться покоемъ или успокоеніемъ отъ трудовъ (2 Кор. V, 8; Евр. IV, 3, 11; Апок. XIV, 13).

Мѣсто, куда отходятъ души праведныхъ послѣ частнаго суда, въ Свящ. Писаніи имѣетъ разныя наименованія; самое употребительное и чаще всего встрѣчающееся названіе—рай (Лук. XXIII, 43; 2 Кор. XII, 4). Другія названія мѣстопребыванія праведниковъ: лоно Авраамово (Лук. XVI, 22), царство Божіе (Лук. XIII, 28—29; 1 Кор. XV, 50), царство небесное (Мѣ. V, III;

VIII, 11), домъ Отца небеснаго (Іоан. XcV, 2) и т. п. По ученію православной церкви, „какимъ бы кто именемъ изъ числа упомянутыхъ ни назвалъ мѣсто сіе, не согрѣшитъ: только бы зналъ, что души скончавшихся праведниковъ пребываютъ въ благодати Божіей, въ царствіи небесномъ и, какъ гласятъ церковныя пѣсни, на небеси“ (Послан. истин. каѳол. и ап. Церкви вост., ч. I, отв. на вопр. 68).

Возникаетъ вопросъ: гдѣ находится мѣсто блаженства—рай? Само Слово Божіе оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Православная церковь, не занимаясь отысканіемъ мѣстонахожденія рая во вселенной въ своихъ молитвахъ, особенно въ Великую Субботу и Воскресеніе Христово, высказываетъ свое мнѣніе о мѣстѣ рая на небѣ. Впрочемъ, человѣку, по мнѣнію св. Златоуста, гораздо полезнѣе и необходимѣе знать, что есть въ дѣйствительности, существуетъ рай, нежели только знать, гдѣ это мѣсто находится. Для спасенія довольно знать, что есть рай. „Ты спрашиваешь, въ какомъ мѣстѣ будетъ рай? Полагаю, что внѣ сего міра. Станемъ искать не того, гдѣ онъ находится, но средствъ пріобрѣсти его“. Златоустый, не одаряя любопытство при опредѣленіи мѣста рая, однако не воспрещаетъ тѣхъ полезныхъ размышленій и изысканій о раѣ, которыя приводятъ къ страху Божію и уклоняютъ отъ зла, но и завѣщаетъ постоянно упражняться въ нихъ непрестанно имѣя предъ глазами рай (Митрофанъ, „Какъ живутъ наши умершіе“, стр. 297).

У всѣхъ св. отцовъ и учителей Церкви рай представляется садомъ дивной, неописанной красоты, котораго природа вполне соответствуетъ тонкой, эфирной природѣ души, недоступной нашимъ огрубѣвшимъ чувствамъ. Нѣкоторые святые видѣли рай и передали намъ свои видѣнія. Подобно апостолу Павлу, восхищенному однажды въ рай, былъ восхищенъ въ рай и преподобный Андрей, Христа ради юродивый. Онъ такъ пере-

— 54 —
даетъ объ этомъ дивномъ видѣніи: „Я видѣлъ себя въ раю весьма красивомъ и дивномъ и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это значитъ? Мнѣ извѣстно, что мое обиталище въ Константинополѣ; но какую силою перенесенъ сюда, не знаю; да и не понималъ себя, съ тѣломъ ли былъ я, или внѣ тѣла... Но видѣлъ себя облеченнымъ въ пресвѣтлую одежду, вытканную какъ бы изъ молніи, опоясанъ былъ царскимъ поясомъ, а вѣнецъ, сплетенный изъ великаго и прекраснаго цвѣта, былъ сверху главы моей. Чрезмѣрно удивляясь неизглаголанной этой красотѣ, я восхищался умомъ и сердцемъ отъ невыразимой лѣпоты Божьяго рая и, пребывая въ немъ, исполнялся веселіемъ. Я видѣлъ тамъ много садовъ съ высокими деревьями; они, колеблясь своими вѣтвями, чрезвычайно услаждали зрѣніе, и великое благоуханіе разливалось отъ ихъ вѣтвей. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, а другія были украшены златовидными листьями; иныя были обременены различными плодами неизреченной красоты. Нельзя уподобить тѣхъ деревъ райскихъ ни одному дереву земному, самому красивому: ибо Божія рука насадила ихъ, а не человѣческая. Въ садахъ этихъ было безчисленное множество птицъ: однѣ изъ нихъ имѣли крылья золотыя, другія подобно снѣгу—бѣлыя; иныя были испещрены различными цвѣтами. Сидя на вѣтвяхъ райскихъ деревьевъ, эти птицы пѣли такъ прекрасно и усладительно, что отъ пріятнаго пѣнія ихъ я доходилъ до самозабвенія, и мнѣ казалось, что голосъ пѣнія ихъ былъ слышенъ на самой небесной высотѣ... Когда же съ веселіемъ сердца ходилъ я въ этихъ садахъ, то видѣлъ тамъ великую рѣку, текущую среди садовъ и напояющую ихъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки росъ виноградъ, который украшенъ былъ золотыми листьями и златовидными плодами. Съ четырехъ сторонъ дулъ тихій и благоухающій вѣтеръ, дуновеніемъ котораго колебались сады, а сотрясеніемъ листьевъ они производили дивный

— 55 —
шелестъ. Потомъ попалъ на меня нѣкоторый ужасъ; представилось мнѣ, что я стою выше тверди небесной, и какой-то юноша, одѣтый въ багряницу, съ лицомъ солнцеобразнымъ, ходилъ окрестъ меня. Слѣдуя за нимъ, я узрѣлъ великій и красивый крестъ, который видомъ былъ подобенъ радугѣ небесной. Окрестъ его стояли огнезрачные пѣвцы, и, пламенѣя любовью ко кресту, они пѣли дивную и пресладкую пѣснь, которою прославляли Господа, распятаго на крестѣ. Пламеннообразный юноша, сопутствовавшій мнѣ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я лобызалъ крестъ... Какъ скоро прикоснулся я къ нему устами, то пресытился потокомъ неизреченной сладости духовной и обонялъ гораздо большее благоуханіе, нежели въ райскихъ садахъ. Спутникъ мой подаль мнѣ руку, и мы явились выше второй тверди. Я видѣлъ тамъ дивныхъ мужей, ихъ покой, всегдашнюю радость празднованія ихъ—предметы, невыразимые для языка человѣческаго. Потомъ мы вошли въ удивительный пламень, который не опалялъ насъ, а только просвѣщалъ. Я пораженъ былъ страхомъ; но водитель мой, обращаясь ко мнѣ, подаль мнѣ руку, и мы обрѣлись выше третьяго неба, гдѣ я видѣлъ и слышалъ безчисленное множество небесныхъ силъ, поющихъ и славящихъ Бога. Приближаясь къ нѣкоторой завѣсѣ, я узрѣлъ необъятное множество небснаго воинства, предстоящаго со страхомъ. Сопутствовавшій мнѣ юноша сказалъ: „когда откроется таинственная завѣса, тогда ты увидишь Владыку Христа и преклонись престолу славы Его...“ Ужасъ и неизреченная радость наполняли мое сердце, и съ благоговѣніемъ я смотрѣлъ дотолѣ, пока отъята была завѣса. Когда же какая-то пламенная рука отдернула завѣсу, тогда я узрѣлъ Господа моего, сидящаго на высококомъ и превознесенномъ престолѣ; серафимы стояли окрестъ Его; Онъ былъ облеченъ въ багряную ризу, лице Его было пресвѣтло, Онъ взиралъ на меня очами прелюбезно. Узрѣвъ Господа,

я въ невыразимомъ волненіи духа палъ предъ Нимъ ницъ и поклонился пресвѣтлому и страшному престолу славы Его... Какая радость и восторгъ объяли сердце мое отъ видѣнія лица Его, изъяснить не можно, такъ что и понынѣ, вспоминая объ этомъ видѣніи, исполняюсь неизрѣченной радости..." (Чет.-Мин., окт. 2). Такими чертами описываютъ рай и другіе подвижники, видѣвшіе его; но нужно помнить, что всѣ описанія очень далеки отъ дѣйствительности. Все это чувственные образы, болѣе или менѣе приспособленные къ чувственному пониманію человѣка. Св. Андрей, описывая свое видѣніе, сказалъ: „Здѣсь уста нѣмѣютъ, языкъ коснѣетъ болѣе выражать духовные предметы, духовную радость въ чувственныхъ видахъ“. Это вполне согласно и съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ апостола Павла о невозможности передать то, что онъ видѣлъ въ раю (2 Кор. XII, 4).

Блаженству праведныхъ совершенно противоположно состояніе послѣ частнаго суда душъ грѣшныхъ. Вотъ что можно предполагать о состояніи этихъ душъ на основаніи Свящ. Писанія и ученія св. отцовъ. Удаленныя отъ свѣта лица Божія (Мѡ. VII, 23), грѣшныя души не могутъ наслаждаться, подобно душамъ праведнымъ, лицезрѣніемъ Божіимъ...

Въ постоянномъ и совершенномъ удаленіи отъ Бога и святыхъ Его, онѣ будутъ находиться въ сообществѣ съ другими несчастными душами и особенно злыми духами, испытывая муки, которыя представляютъ только начало будущихъ вѣчныхъ мукъ. Подобно евангельскому богачу, онѣ увидятъ праведныхъ, наслаждающихся блаженствомъ, но „пропасть велика“ будетъ между ними (Лук. XVI, 23, 26), такъ что никакого общенія между ними быть не можетъ. Грѣшныя будутъ ясно сознавать свои грѣхи, которыми они оскорбили Бога въ этой жизни, будутъ мучиться угрызениями совѣсти, которая тамъ пробудится со всею силою; имъ и

хотѣлось бы загладить свои грѣхи, но это будетъ уже невозможно (— ст. 25).

Мѣсто мученія грѣшныхъ въ Свящ. Писаніи называется различно: адомъ (Лук. XVI, 23, Дѣян. II, 51), тьмою кромѣшною (Мѡ. XXII, 13; XXV, 30, 40), темницею духовъ (1 Петр. III, 18), бездною (Лук. VIII, 31), преисподнею (Фил. II, 11), геенною (Мѡ. V, 22), пещію огненною (Мѡ. XIII, 50; Лук. XII, 12) и другими именами. Всѣ они выражаютъ одну мысль, что мѣсто для душъ, отшедшихъ отсюда въ грѣхахъ, есть мѣсто „осужденія и гнѣва Божія“ (Прав. исп., ч. I, отв. на вопр. 68). Гдѣ именно находится адъ или геенна, на это нѣтъ опредѣленнаго указанія въ Писаніи; размышляющему объ этомъ лучше всего помнить слова св. Златоуста, который говоритъ: „Ты спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до того за дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ она скрывается... Итакъ, будемъ доискиваться не о томъ, гдѣ она, но какъ избѣжать ея“ (Бес. на посл. къ Римл. XXXI). Однако, это не исключаетъ частныхъ мнѣній относительно мѣста нахождения ада. Одни, на основаніи словъ писанія (Иов. X, 21—22; Числ. XVI 29—35; Пс. LXXXV, 13; Ис. XIV, 15; Іез. XXXI, 16, 18 и др.), представляли себѣ адъ во внутренности земли, въ нѣдрахъ ея или преисподней (самое слово „адъ“ греческое, означаетъ низменное, весьма глубокое мѣсто). Другіе, какъ, напримѣръ, св. Златоустъ, полагали, что геенна находится „гдѣ-нибудь внѣ этого міра“, внѣ вселенной. Первое мнѣніе наиболѣе распространено и принято православною Церковію, какъ это особенно видно изъ торжественныхъ пѣснопѣній Великой Субботы и св. Пасхи.

Насколько страшны мученія грѣшниковъ въ аду, показываетъ слѣдующій рассказъ объ одномъ расслабленномъ, который, изнемогая отъ тяжелой болѣзни, съ воплемъ просилъ Господа прекратить его страданьяче-

скую жизнь. „Хорошо,—сказалъ явившійся къ больному ангель,—Господь, будучи неизреченно благу, соизволяетъ на твою молитву,—Онъ прекращаетъ твою временную жизнь, только съ условіемъ, вмѣсто одного года страданій на землѣ, которыми каждый человѣкъ, какъ золото въ огнѣ, очищается,—согласенъ-ли ты пребыть три часа въ вѣчныхъ мученіяхъ? Твои грѣхи требуютъ очищенія въ страданіяхъ собственной твоей плоти; ты долженъ бы еще быть въ расслабленіи годъ: потому что какъ для тебя, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, нѣтъ другого пути къ небу, кромѣ крестнаго, проложеннаго безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ. Этотъ путь тебѣ наскучилъ на землѣ; испытай, что значитъ вѣчныя муки въ адѣ, куда идутъ всѣ грѣшники; впрочемъ, испытай оныя только въ теченіе трехъ часовъ; а послѣ молитвами св. Церкви ты будешь спасенъ“. Страдалецъ задумался. „Годъ страданій на землѣ,—это ужасное продолженіе времени! Лучше же вытерплю три часа въ этихъ безконечныхъ мукахъ“,—сказалъ онъ самъ себѣ,—тѣмъ годъ на землѣ“.—„Согласенъ въ адъ“, сказалъ онъ, наконецъ, ангелу. Ангель тихо принялъ его страдальческую душу и, заключивши ее въ преисподнихъ ада, удалился отъ страдальца съ словами утѣшенія: „черезъ три часа явлюсь я за тобою“. Господствующій повсюду мракъ, тѣснота, долетающіе звуки неизъяснимыхъ воплей грѣшниковъ, видѣніе духовъ злобы, въ ихъ адскомъ безобразіи,—все это слилось для несчастнаго страдальца въ невыносимый страхъ и томленіе. Онъ всюду видѣлъ и слышалъ только страданіе и ни ползвуха радости въ необъятной безднѣ ада; одни лишь огненные глаза демоновъ сверкали въ преисподней тѣмнѣ, и носились предъ нимъ ихъ исполинскія тѣни, готовые сдвинуть его, сожрать и сжечь своимъ геенскимъ дыханіемъ. Бѣдный страдалецъ затрепеталъ и закричалъ; но на его крикъ отвѣчала только адская бездна своимъ замирающимъ впади эхомъ и клекотаньемъ геенскаго

пламени, которое клубилось въ виду трепетавшаго заключенника. Ему казалось, что цѣлые вѣка страданій протекли уже; съ минуты на минуту ждалъ онъ къ себѣ свѣтоноснаго ангела; но ангела не было. Наконецъ, страдалецъ отчаялся въ его появленіи и, скрежеща зубами, застоналъ; но никто не внималъ его воплямъ. Всѣ грѣшники, толпившіеся въ безднѣ геенской, были заняты собою, своимъ собственнымъ только мученіемъ, и ужасные демоны въ адской радости издѣвались надъ мученіями грѣшниковъ. Наконецъ, тихій свѣтъ ангельской славы разлился надъ бездною. Съ райской улыбкою приступилъ ангель къ этому страдальцу и спросилъ: „Что, каково тебѣ, братъ?“—„Не думалъ я, чтобы въ устахъ ангельскихъ была ложь“, прошепталъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ заключенникъ.—„Что такое?“ возразилъ ангель.—„Какъ что такое?“—произнесъ страдалецъ.—„Объщались взять меня черезъ три часа, а между тѣмъ цѣлые годы, цѣлые вѣка я провелъ въ невыразимыхъ страданіяхъ“.—„Помилуй, что за годы, что за вѣка!—кратко и съ улыбкою отвѣчалъ ангель.—Часъ только прошелъ со времени моего отсутствія, и два часа сидѣтъ тебѣ здѣсь“.—„Какъ, два часа?—въ испугѣ спросилъ страдалецъ.—Два часа? А это часъ только протекъ? Охъ, не могу болѣе терпѣть; нѣтъ силы! Если только можно, если только есть воля Господня, умоляю тебя, возьми меня отсюда! Лучше на землѣ буду я страдать годы и вѣки, даже до послѣдняго дня, до самаго пришествія Христова на судъ, только выведи меня отсюда. Невыносимо! Охъ, пожалѣй меня!“ со стономъ воскликнулъ страдалецъ, простирая руки къ свѣтлому ангелу. Тогда ангель сказалъ: „Богъ, какъ Отецъ щедротъ и утѣхи, удивляетъ на тебѣ благодать Свою, но ты долженъ знать и помнить, сколь жестоки и невыносимы адскія мученія“. При этихъ словахъ страдалецъ открылъ глаза и видить, что онъ по прежнему на своемъ болѣз-

ненномъ ложѣ. Всѣ чувства его были въ крайнемъ изнеможеніи, страданія духа отозвались и на самомъ тѣлѣ, но онъ съ той поры уже въ сладости терпѣлъ и переносилъ свои страданія, приводя себѣ на память ужасы адскихъ мученій и благодаря о всемъ милующаго Господа (Письма Святогорца, ч. I, 15 пис.).

Кромѣ нераскаянныхъ и ожесточенныхъ грѣшниковъ (невѣровъ, еретиковъ, вольнодумцевъ, богохульниковъ, человѣконенавистниковъ и т. п.), въ аду также находятся души состоянія нерѣшеннаго. Это тѣ грѣшники, которые на землѣ не принесли плодовъ, достойныхъ покаянія, но умерли съ сѣменами вѣры и благочестія. Милосердіе Божіе и сила заслугъ Спасителя, простирающихся на людей еще до послѣдняго суда, равно какъ и самое правосудіе Божіе, которое, наказывая за зло, не можетъ оставить безъ всякаго вознагражденія добра, даютъ намъ право вѣровать, что мученія таковыхъ душъ растворено нѣкоторою отрадою. Эти души не безнадежны и хотя не могутъ освободиться отъ своего состоянія сами, но жаждутъ и ожидаютъ для себя посторонней помощи, молитвъ и ходатайства Церкви.

Объ участи „младенцевъ“ за гробомъ изъ Свящ. Писанія ничего неизвѣстно. Церковный взглядъ на этотъ предметъ таковъ. Всѣ младенцы, умершіе послѣ св. крещенія, несомнѣнно, получаютъ спасеніе. Одни изъ нихъ только что успѣли омыться въ купели крещенія отъ вины прародительскаго грѣха. Другіе, скончавшись въ половинѣ своего младенческаго возраста (3 — 4 лѣтъ), еще не имѣли вольныхъ грѣховъ. Но и близкіе къ семилѣтнему возрасту, хотя начинали обнаруживать въ себѣ прирожденную склонность грѣшить (напримѣръ, оказывали непослушаніе своимъ родителямъ, сердились, завидовали, упрямылись и тайно брали чужое), допускали эти грѣхи безъ разумнаго сознанія и, слѣдовательно, не подлежатъ взысканію. Вотъ почему право-

славная Церковь въ участи всѣхъ этихъ младенцевъ не находитъ ничего печальнаго: „о мнѣ не рыдайте; плача бо ничто же начинахъ достойное; аче же самихъ себе согрѣшающихъ плачите всегда“..., зоветъ умершій младенецъ (Чинъ погреб. млад.). Препровождая этихъ младенцевъ въ вѣчность, Церковь молится не о прощеніи ихъ, а о томъ „еже по неложному обѣщанію тѣхъ царствія небеснаго сподобити“. По ученію св. Златоуста, души ихъ освобождаются даже отъ мытарствъ: „св. ангелы (говоритъ онъ отъ лица ихъ) мирно разлучили насъ отъ тѣла, и мы, имѣя добрыхъ путеводителей, безбѣдно прошли мимо воздушныхъ властей. Лукавые духи не нашли въ насъ того, чего искали; не замѣтили, чего хотѣли. Узрѣвъ тѣло безъ грѣха, они посрамились; увидѣвъ непорочную душу, устыдились; увидѣвъ неоскверненный языкъ, умолкли. Мы прошли мимо и посрамили ихъ“ (Слово XI о памят. усопш.). Крещенные младенцы удостоиваются райскаго блаженства за гробомъ и потому, что они преждевременно теряютъ жизнь, лишаясь съ ней всѣхъ благъ земныхъ. Церковь, молясь о нихъ, въ настоящемъ случаѣ прямо утверждаетъ на правосудіи Божіемъ: „земныхъ лишилъ еси, Владыко, младенца наслажденій,—небесныхъ благихъ сего, яко правосудецъ, сподоби“ (чинъ погреб. млад.). Сюда же относится рѣчь св. Златоуста отъ лица младенцевъ: „отлучилъ еси насъ отцовъ и матерей, но не отлучилъ отъ святыхъ; чисто тебѣ имамы принести младенчества ради“ (чинъ погреб. млад.). Степень блаженства крещеныхъ младенцевъ, по ученію отцовъ церкви, прекраснѣе, нежели дѣвственниковъ и святыхъ; они—чада Божіи и питомцы Духа Святаго (Твор. св. отц., ч. VI, стр. 207). Что же касается некрещеныхъ младенцевъ (иногда у христіанскихъ супруговъ, вслѣдствіе случайныхъ какихъ-либо обстоятельствъ или же у супруговъ-язычниковъ), то и ихъ участь нельзя назвать безотрадной. Вѣдь Самъ Спаси-

тель сказалъ: „Оставьте дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное“ (Мѡ. XIX, 14). Эти слова обращены были къ іудеямъ и ближайшимъ образомъ имѣли въ виду іудейскихъ дѣтей; іудейскія же дѣти, если и были крещены, то только крещеніемъ Іоанна, а не христіанскимъ. „Представимъ же себѣ, — говоритъ о. протоіерей Евг. Поповъ, — что одинъ изъ этихъ младенцевъ во время самаго поднесенія къ Спасителю, прежде чѣмъ Спаситель прикоснулся его, чтобы благословить, былъ бы застигнутъ смертію. Ужели, думаете, этотъ младенецъ, не получившій благословенія, которое могъ бы получить чрезъ нѣсколько же минутъ, остался бы отвергнутымъ? Ужели не удостоился бы вслѣдъ за смертію своею милости Божіей?

Нѣтъ, этотъ примѣръ мы можемъ считать прямымъ основаніемъ для своей надежды, что и языческіе младенцы найдутъ себѣ нѣкоторую милость у Господа Бога на томъ свѣтѣ“ (брош. прот. Евг. Попова „Участь за гробомъ младенцевъ“).

Правда, въ ветхомъ завѣтѣ при общихъ казняхъ (напр., всемірный потопъ) вмѣстѣ съ родителями погибали и дѣти, но это, по словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, было попускаемо Богомъ для лучшей участи младенцевъ въ загробной жизни. Вотъ слова великаго святителя: „милосердую убо о нихъ (неповинныхъ младенцахъ), Господь пресѣче имъ временную жизнь временною казною, души же ихъ соблюде свободны отъ вѣчныхъ мукъ, въ няже отцы ихъ впадоша“ (Лѣтоп., стр. 422). А есть въ библейской исторіи и противоположный примѣръ: язычествующая Ниневія помилована ради невинныхъ младенцевъ. Такимъ образомъ и некрещенные младенцы, особенно супруговъ-христіанъ (если только здѣсь не было чего-либо преднамѣреннаго), въ будущей жизни будутъ помилованы. „Вѣдати подобаетъ, говорится въ Синаксарѣ на мясопустную недѣлю, яко младенцы не-

просвѣщенніи (т. е. некрещенные) ниже въ геенну пойдутъ“.

Существуетъ ли различіе половъ въ будущей жизни, и, вообще, каково отношеніе тамъ членовъ семейства? Явленіе святыхъ на землѣ мужскаго и женскаго пола не оставляетъ никакого сомнѣнія въ существованіи двухъ половъ за гробомъ. Духовныя отношенія людей, начавшіяся на землѣ, сохраняются и въ загробномъ мірѣ, для котораго эти отношенія и предназначались. Братъ останется и тамъ братомъ относительно только своей сестры, если она только была на землѣ, и если она тоже участница райской жизни; жена останется относительно своего мужа женой, ея права на это при ней; ея отношенія къ мужу опредѣлены Самимъ Богомъ. Супружество христіанское не есть супружество ветхозавѣтное, это—бракъ новаго духовнаго человѣка, это—тѣснѣйшій духовный союзъ супруговъ, о которомъ Самъ Іисусъ Христосъ засвидѣтельствовалъ, что соединенные однажды Богомъ не могутъ быть разлучаемы ни на землѣ, ни за гробомъ, по свидѣтельству Апостола, потому что любовь безсмертна. Соединенные любовію на землѣ и за гробомъ, не разлучаются; потому что „неотпадающая николи же“ (1 Кор. XIII, 8) любовь соединяетъ на вѣки однажды связанныхъ ею на землѣ. Само собою понятно, что между супругами тамъ не будетъ какихъ-либо плотскихъ связей, возможныхъ только для тѣлеснаго человѣка; жизнь ихъ будетъ чисто духовная. Члены семейства—родители и ихъ дѣти, далѣе родственники, знаемые, послѣ праведной, земной жизни вступая въ новую загробную жизнь, не разъединяются, но живутъ вмѣстѣ, какъ ангелы Божіи. Св. Церковь и прославляетъ ихъ вмѣстѣ. Такъ, напримѣръ, въ двухъ кондакахъ 26 января она восхваляетъ цѣлое семейство,—св. Ксенофонта, его супругу Марію съ чадами: „Въ заповѣдяхъ бодрствовалъ еси Владычнихъ, нищимъ расточивый твое богатство блаженное тихо, съ супруж-

ницею и чады твоими, тѣмъ же наслѣдуеши божественное наслажденіе“. „Житейскаго моря избѣгше, Ксенофонтъ праведный, съ супружницею честною, на небесахъ свеселятся съ чады, Христа величающе“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда среди благочестивыхъ членовъ семейства есть и грѣшныя, нечестивыя, близкаго, взаимнаго отношенія между тѣми и другими въ будущей жизни, конечно, не можетъ быть, потому что одни будутъ находиться въ раю, а другіе—въ аду, между которыми, по слову Евангелія, „великая пропасть“ (Лук. XVI, 26).

ГЛАВА V.

Связь и общеніе міровъ загробнаго съ настоящимъ.

Дѣйствительность общенія душъ умершихъ съ живущими.—Залогъ общенія міровъ загробнаго съ настоящимъ—явленіе душъ умершихъ людямъ.—Возможность таковыхъ явленій.—Говорить ли въ пользу явленій на землѣ душъ умершихъ спиритизмъ и какъ смотрѣтъ на него съ христіанской точки зрѣнія?—Въ чемъ выражаются союзъ и общеніе душъ умершихъ съ живущими?—Молитва живыхъ за умершихъ; ея необходимость.—Милостыня.—Литургія за умершихъ.—Поминовеніе усопшихъ во время другихъ службъ.—Дни поминовеній: третій, девятый, сороковой, годовой.—Родительскія вселенскія субботы.—Дни поминовенія воиновъ.—Сила и дѣйственность молитвы Церкви за усопшихъ.—Ученіе Писанія и примѣры изъ житія святыхъ.—Кому изъ умершихъ не бываетъ спасительна для нихъ молитва живущихъ?—Католическое ученіе о чистилищѣ въ отношеніи его къ православно-церковному ученію о возможности для нѣкоторыхъ грѣшниковъ освободиться отъ адскихъ мукъ по молитвамъ Церкви.

Между мірами загробнымъ и настоящимъ существуетъ тѣсная связь и общеніе. Эти связь и общеніе умершихъ съ живыми—не вымыселъ или фантазія, а несомнѣнная истина, имѣющая для себя твердыя основанія. Правда, смерть какъ бы совсѣмъ разобщаетъ тѣхъ и другихъ; но она разобщаетъ ихъ только чувственно, а не духовно: духовная связь и общеніе не пре-

кращаются и не прерываются между продолжающими жить въ этомъ мірѣ и переселившимися въ міръ загробный. Св. Апостоль говоритъ: „Живемъ ли—для Господа живемъ; умираемъ ли—для Господа умираемъ. И потому живемъ ли мы или умираемъ, мы Господни“ (Римл. XIV, 8). Слѣдовательно, какъ живые, такъ и мертвые—Господни; какъ первые, такъ и вторые имѣютъ одного Господа Иисуса Христа, Спасителя челоуѣковъ, въ Него вѣрующихъ. Единый Богъ для живыхъ и умершихъ и Его вседѣйственная благодать,—вотъ первое основаніе связи и общенія міровъ загробнаго съ настоящимъ.

Второе основаніе единенія, союза и общенія живыхъ и умершихъ есть самое духовно-нравственное царство, въ составъ котораго входятъ обитатели міровъ какъ загробнаго, такъ и настоящаго. Царство, церковь, общество нельзя представить себѣ, чтобы духовно-нравственныя существа, его составляющія, не были въ единеніи, союзѣ, отношеніи и общеніи между собою. Апостоль Павелъ, желая эту истину показать осязательно, сравниваетъ духовно-нравственное существо съ нашимъ видимымъ тѣломъ и союзъ и общеніе членовъ духовно-нравственнаго царства съ союзомъ и общеніемъ членовъ нашего тѣла. Состояніе членовъ нашего тѣла взаимно зависитъ одинъ отъ другого. Члены тѣла, завися другъ отъ друга, помогаютъ одинъ другому: „страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ все члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются все члены“ (1 Кор. XII, 26). Болитъ ли членъ семейства, ему состраждутъ и прочіе. Неустройство обществъ, сословія вызываетъ участіе другихъ обществъ; горестное состояніе государствъ заставляетъ думать о помощи и другія государства. Словомъ сказать, одна природа духовно-нравственныхъ существъ, одинъ законъ, одна цѣль бытія и дѣятельности,—все доказываетъ неизбѣжность союза и общенія умершихъ съ живыми.

Залогомъ общенія міровъ загробнаго съ настоящимъ можетъ служить—явленіе душъ умершихъ людямъ. Въ своемъ мѣстѣ (см. 1 главу) мы уже привели нѣсколько примѣровъ явленій душъ изъ міра загробнаго живущимъ на землѣ. Здѣсь скажемъ только о „возможности“ такихъ явленій. Что явленія умершихъ „живымъ“ возможны и бывали, этого не отрицаетъ само Божественное Откровеніе. Изъ Свящ. Писанія видно, что іудеи не сомнѣвались въ возможности явленій умершимъ. У современныхъ Спасителю іудеевъ вѣра въ эти явленія была всеобщою вѣрою. Иисусъ Христосъ предполагалъ уже ее, какъ несомнѣнную, и никогда не говорилъ ничего такого, изъ чего бы можно было заключить, что Онъ не одобрялъ или осуждалъ эту вѣру. Апостолы также не сомнѣвались въ возможности и дѣйствительности явленій духовъ: увидѣвши Спасителя, идущаго къ нимъ по водамъ озера Генисаретскаго, они думали сначала, что видятъ духа (Матѣ. XIV, 26). Евангельскій богачъ, находясь въ адскихъ мученіяхъ, проситъ Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тотъ предостерегъ его братьевъ отъ опасности подвергнуться тому ужасному состоянію, какое онъ самъ испытывалъ. Онъ, такимъ образомъ, не сомнѣвался, что души умершихъ могутъ возвращаться въ міръ, по волѣ Божіей, и являться людямъ. Во время преображенія Иисуса Христа на Өаворѣ явились Моисей и Ілія, давно предъ тѣмъ отшедшіе въ загробный міръ, и бесѣдовали со Христомъ (Матѣ. XVII, 3). По воскресеніи Спасителя, многіе умершіе возстали и явились въ Іерусалимѣ (Матѣ. XXVII, 52—53). Блаженный Августинъ, говоря о явленіи умершихъ, сознается, что очень трудно найти объясненіе для многаго, происходящаго въ нашей душѣ какъ въ бодрственномъ, такъ и въ сонномъ состояніи. Но тотъ же Августинъ признаетъ, что часто умершіе являлись живымъ людямъ, указывали имъ мѣста, гдѣ были зарыты ихъ тѣла безъ должнаго погребенія, и

просили для себя таковаго погребенія. При этомъ онъ замѣчаетъ, что часто въ храмахъ, въ которыхъ были похоронены умершіе, слышенъ бываетъ шумъ, и раздается пѣніе, и что часто видѣли, какъ мертвые входили въ дома, въ которыхъ они жили на землѣ (Августинъ, гл. 10). Другіе отцы и учителя Церкви не только утверждали истину явленій умершихъ, но сами, такъ сказать, подчинялись видѣніямъ, исполняя то, что требовали отъ нихъ являвшіеся умершіе. Такъ, когда Іоанну Златоусту явился въ городѣ Комнахъ епископъ Василискъ, за сто лѣтъ до того умершій, и сказалъ: „мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ“,—святитель повѣрилъ этому видѣнію и прислалъ стражу на другой день не вести его дальше (это было въ то время, когда его отправляли въ заточеніе), одѣлъ на себя чистыя одежды, пріобшился св. Тайнъ, и, дѣйствительно, какъ было ему сказано, скончался. Пастыри нашей православной церкви также всегда вѣрили, что явленія умершихъ возможны и дѣйствительны, и учили своихъ пасомыхъ не отвергать этой истины.

Такъ, московскій митрополитъ Филаретъ, въ одномъ изъ своихъ поученій говоритъ: „Явленія изъ духовнаго міра неизъяснимы, но неопровержимы“, и самъ онъ не только не усомнился въ фактѣ, когда явился родитель его, который открылъ ему день смерти, но сталъ готовиться къ отшествію въ загробный міръ („Душеп. Чт.“ 1876 г., ч. I). А равно, тотъ святитель, когда увидѣлъ во снѣ умершихъ, которые ходатайствовали передъ нимъ за одного священника, не только не отнесъ это къ ассоціаціи идей, но уважилъ просьбу явившихся покойниковъ („Странникъ“ 1852, май). Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, говоритъ: „Изъ древнихъ сказаній видно, что вѣра въ безсмертіе души постоянно соединялась съ вѣрою въ явленія умершихъ. Сказанія о нихъ безчисленны... Есть явленія умершихъ

или ихъ дѣйствіа, кои не подлежатъ сомнѣнію, хотя они рѣдки" (Соч. Иннокентія, т. VII).

Повидимому, въ пользу возможности явленій душъ умершихъ говоритъ и такъ широко распространенный въ новѣйшее время „спиритизмъ“¹⁾. Но именно только повидимому. Между спиритизмомъ и вѣрой православной церкви въ возможность явленій душъ умершихъ нѣтъ ничего общаго. Церковь, признавая явленія душъ изъ загробнаго міра, считаетъ ихъ дѣломъ Самого Бога,

¹⁾ Спиритизмъ (отъ лат. слова spiritus — духъ), какъ вызваніе духовъ или душъ умершихъ людей, есть занятіе не новое, а древнее, которымъ, какъ извѣстно по исторіи, занимались, съ незапамятныхъ временъ не только многіе язычники, особенно жрецы ихъ, маги, чародѣи, пѣи, оракулы (въ Египтѣ, Индіи, Китаѣ, а также въ Греціи и Римѣ), но даже это чародѣйство иногда замѣтно было и въ народѣ іудейскомъ. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что Аэндорская волшебница, по желанію и просьбѣ нечестиваго царя Саула, вызвала изъ ада пророка Самуила (до сошествія Спасителя во адъ и праведные люди, какъ и сей пророкъ, были во адѣ). И Саулъ тогда узналъ его и „приклони лице свое на землю поклонися ему“ (1 Цар. XXIII, 14. 15). Самуиль, за это чародѣйство, грозно обличилъ Саула и предсказалъ ему гибель, которая на утро и постигла этого „отступника отъ Бога“. Еще раньше этого, при Моисеѣ, тоже были вызыватели отшедшихъ душъ изъ ада и волхвы, за что и была таковымъ назначена отъ Бога смертная казнь (Втор. XVIII, 11. 12). И въ Новомъ Завѣтѣ, при апостолахъ, была „нѣкая отроковица, имущая духъ пытливъ“ (Дѣян. XVI, 16), или что то же, прорицательный, которой они запретили это волхвованіе и бѣса изъ нея изгнали. Кромѣ того, тогда же, при апостолахъ, былъ нѣкто Симонъ-волхвъ, который не только дѣлалъ предсказанія, но даже чудеса творилъ, при помощи бѣсовской силы (Дѣян. VIII, 9—11). Объ этихъ же волхвованіяхъ и чародѣйствахъ, равно какъ и о вызваніи и вопрошеніи умершихъ, неоднократно говорится и въ Дѣяніяхъ святыхъ мучениковъ и великихъ подвижниковъ, которымъ иногда, съ цѣлью искушенія, являлись бѣсы, то въ видѣ людей, то въ видѣ даже ангеловъ святыхъ, то дерзали, наконецъ, принимать и видъ Спасителя. (Жит. Симеона Столп. 1 сент.)—Къ намъ спиритизмъ проникъ изъ Америки, гдѣ онъ появился впервые въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія.

чудесными явленіями, а не естественными, происходящими по желанію и произволу людей. Далѣе, цѣль явленій душъ умершихъ, посылаемыхъ къ людямъ по соизволенію Божію, всегда бываетъ разумна. Святые или даже обыкновенные умершіе люди являются и общаются живущимъ на землѣ волю Божію, предостерегаютъ отъ различныхъ опасностей, научаютъ, что дѣлать и какъ жить, и т. п. Откровенія духовъ въ медиумически-спиритическихъ сеансахъ оказываются, напротивъ, крайне мелочными, странными, не сообщающими рѣшительно ничего новаго и неизвѣстнаго намъ, ничего достойнаго вниманія, ничего серьезнаго, что могло бы давать имъ какую-нибудь цѣну и значеніе. Наконецъ, — и это самое главное, — если у спиритовъ иногда являются на ихъ сеансахъ имена извѣстныхъ умершихъ личностей, то въ данномъ случаѣ являются не сами души, а діаволъ въ образѣ почившихъ лицъ (О загробн. жизни, противъ спиритовъ, слово прот. Полисадова).

Итакъ, союзъ и общеніе міровъ загробнаго съ настоящимъ, залогомъ чего служатъ явленія душъ умершихъ, должны существовать. Въ чемъ они выражаются?

Вѣра и любовь—вотъ тѣ духовныя узы, которыя соединяютъ живыхъ съ умершими. Вѣра соединяетъ настоящее съ будущимъ, видимое съ невидимымъ. Вѣра соединяетъ человѣка съ невидимымъ Богомъ, съ невидимымъ міромъ и съ переселившимися въ невидимый міръ братьями его. Любовь, соединяющая насъ здѣсь на землѣ часто до готовности жертвовать жизнію за любимое лицо, переходитъ за гробъ. Любовь безсмертна, никогда не отпадаетъ, не умираетъ (1 Кор. XIII, 8). А проявленіемъ или плодомъ любви является живое сочувствіе, принятіе къ сердцу состоянія ближняго. Если только душа не потеряла божественной любви, то гдѣ бы она ни была—за гробомъ ли или еще въ тѣлѣ на землѣ, она не можетъ не принимать живого, дѣятельнаго уча-

стія въ состояніи душъ, ей близкихъ, гдѣ бы онѣ ни находились. И дѣйствительно, мы видимъ, что праведные люди, переходя въ загробный міръ, принимаютъ самое живое участіе въ братіяхъ своихъ, странствующихъ и подвизающихся на землѣ, вспооществуя имъ молитвами предъ Богомъ и содѣйствуя ихъ спасенію. Несомнѣнность участія праведныхъ въ живущихъ своими молитвами предъ Богомъ открывается изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится, что святые вопіютъ къ Богу и просятъ у Него суда и мзды святымъ, угнетаемымъ на землѣ, и нечестивымъ, растлившимъ землю (Апок. II, 18). Св. Григорій Богословъ въ своемъ надгробномъ словѣ св. Василию Великому говоритъ: „и теперь онъ на небесахъ; тамъ, какъ думаю, приноситъ за насъ жертвы и молится за народъ,—ибо и оставивъ насъ, не вовсе оставилъ“ (Твор. св. отц. IV, стр. 188).—Но не одни только умершіе совершенные или святые сочувствуютъ остающимся на землѣ грѣшнымъ собратіямъ. По Евангелію Христову, даже духъ богача немилосердаго, „сый въ мукахъ“, и притомъ такихъ, что для него желанною и, однако, недоступною отрадой было бы хоть одно чувственное прикосновеніе къ нему омоченнымъ пальцемъ или что-нибудь подобное тому въ порядкѣ и образѣ загробной жизни, озабочивается судьбою своихъ еще живущихъ братьевъ,—жалобно умоляетъ Авраама послать къ нимъ Лазаря съ предостереженіемъ, чтобы и они (путемъ своей жизни и мысли, конечно) не пришли на то же мѣсто мученія (Лук. XVI, 27—30). Что сдѣлалъ богачъ, то, безъ сомнѣнія, дѣлаютъ и другіе усопшіе.

Любовь къ своимъ ближнимъ, съ какою переходятъ отсель въ вѣчность добрые люди, по ту сторону гроба еще болѣе разгорается. Тамъ эти люди яснѣе видятъ, какъ губельны послѣдствія, происходящія отъ страстей, отъ обычаевъ мірскихъ, отъ искушеній сатаны, видятъ и принимаютъ въ насъ душевное участіе, желаютъ намъ

спасенія и, если имѣютъ дерзновеніе, молятся Господу Богу о ниспосланіи намъ помощи.

Съ своей стороны, живущіе на землѣ свою любовь къ умершимъ выражаютъ тѣмъ, что совершаютъ молитвы и благотворенія за тѣхъ, находящихся въ аду грѣшниковъ, которые до разлученія съ настоящею жизнію покаялись, только не успѣли принести плодовъ, достойныхъ покаянія, т. е. вообще добрыхъ дѣлъ. Такіе покаявшіеся грѣшники чрезъ молитву за нихъ живущихъ, могутъ получать въ аду облегченіе и даже освобожденіе изъ узъ мученія. Необходимость молитвы за усопшихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Св. апостоль Павелъ, заповѣдуя молиться о всѣхъ, проситъ, чтобы простые вѣрующіе молились о немъ самомъ (Ефес. VI, 18, 19), и притомъ въ то время, когда онъ уже приближался къ вѣнцу за подвиги апостольскіе. Если неизлишняя была молитва для первоверховнаго апостола Павла, то что сказать о нашихъ родныхъ и знакомыхъ, отходящихъ въ жизнь загробную, по большей части, безъ особеннаго приготовленія, хотя и съ покаяніемъ и напутствіемъ чрезъ пріобщеніе св. животворящихъ Таинъ?—Какъ болѣзнь одного члена въ тѣлѣ исцѣляется посредствомъ другаго, такъ равно и душевные недуги христіанъ умершихъ требуютъ врачебной помощи отъ насъ, пребывающихъ еще на землѣ и, по милосердію Божію, пользующихся благопріятнымъ временемъ спасенія. Заботиться о спасеніи душъ усопшихъ, молиться за нихъ Господу Богу, чтобы Онъ простилъ имъ всѣ согрѣшенія вольныя и невольныя, есть священная обязанность каждаго сына православной Церкви.

Къ молитвѣ за усопшихъ побуждаетъ насъ христіанская любовь, которою мы всѣ взаимно соединяемся во Іисусѣ Христѣ и составляемъ духовное братство. Усопшіе—ближніе наши, которыхъ Богъ приказываетъ намъ любить, какъ самихъ себя (Ме. XII, 31). Ибо Богъ не

сказалъ: любите ближнихъ, пока они живутъ на землѣ. Стало быть, Господь не ограничиваетъ любви къ ближнимъ землею. Онъ хочетъ, чтобы любовь эта перешла и за гробъ. Но чѣмъ, какъ не поминовеніемъ, какъ не молитвою за усопшихъ, и можемъ мы доказать любовь свою къ нимъ? Каждому изъ насъ желательно, чтобы, по отшествіи нашемъ изъ сей жизни, ближніе наши насъ не забывали и молились о насъ. Чтобы это исполнилось, надобно и намъ любить усопшихъ ближнихъ нашихъ. „Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“ (Лук. VI, 38), говоритъ Слово Божіе. Поэтому поминующаго усопшихъ помянетъ и Богъ и люди, по его отходѣ отъ сего міра. Велико утѣшеніе, велика награда тому, кто ближняго освобождаетъ и отъ временнаго несчастія. Каждую же награду приметъ тотъ, кто поможетъ ближнему усердными молитвами получить прощеніе грѣховъ, умилюетъ Бога, исторгнуться изъ безднъ вѣчнаго бѣдствія и наслѣдовать вѣчное блаженство. Не говоря о будущемъ воздаяніи, молитвенная память объ усопшихъ не ходатайствуетъ ли о насъ предъ Богомъ и въ настоящее время, не возвращается ли къ намъ съ обильнымъ благословеніемъ Божіимъ? Не отъ этого ли, при поминовеніяхъ, нерѣдко происходятъ необыкновенно сладкія, умиленные, облегчающія сердце чувствованія у тѣхъ, которые, любя усопшихъ, творятъ о нихъ поминовенія?

Помощь, оказываемая умершему живыми, есть: молитвы за него, поминовеніе, благодаренія, особенно принесеніе безкровной жертвы. Св. апостоль Іоаннъ говоритъ о дерзновеніи молитвъ вѣрующихъ предъ Богомъ: „вѣмы, яко послушаетъ насъ, еже аще просимъ по воли Его“ (1 Иоан. V, 14, 15). Молитвы по усопшимъ, съ вѣрою и любовію совершаемыя нами въ храмахъ Божіихъ и въ домахъ, должны быть пріятны Господу Богу потому, что мы просимъ въ оныхъ весьма добраго дѣла, просимъ спасенія созданной по образу Божію душѣ, до-

рогой для Самого Бога, какъ искупленной пречистою кровію Христа, Спасителя міра. Притомъ мы просимъ въ этихъ молитвахъ блага, пріятнаго для Бога. Самъ Богъ не хочетъ гибели души человѣческой, но желаетъ ей спасенія. „Не хочу смерти грѣшника“, говоритъ Онъ, „но еже обратится и живу быти ему“ (Іезек. XXXIII, 11).

Второе дѣйствіе, принадлежащее къ поминовенію усопшихъ, есть „милостыня“ или подаваніе какихъ-нибудь земныхъ благъ нищимъ, нашимъ собратіямъ. Это дѣйствіе также вѣрно споспѣшествуетъ къ отрадѣ усопшихъ частію потому, что, благодаря нищимъ, мы тѣмъ умножаемъ число людей, молящихся Богу о спасеніи души усопшаго, а частію потому, что, подавая милостыню во имя Христова, мы тѣмъ дѣлаемъ пріятнѣйшее для Христа дѣло. Мы этимъ одолжаемъ, снабжаемъ, утѣшаемъ братьевъ, которыхъ Онъ любитъ. Да притомъ кто подаетъ нищему, тотъ подаетъ не только брату Христову, но Самому Христу Господу Богу. О семъ свидѣлствуетъ Самъ Богъ устами премудраго такъ: „милуй нища, взаимъ даетъ Богу“ (Притч. XIX, 17). Слѣдовательно, по силѣ взаимности, есть неизблемое основаніе надѣяться, что Богъ не оставитъ безъ исполненія нашего прошенія о прощеніи грѣховъ усопшаго собрата нашего, когда, отъ лица имени этого усопшаго, и для спасенія его, подаемъ милостыню неимущимъ ближнимъ нашимъ—братьямъ Христовымъ, и тѣмъ какъ бы одолжаемъ Самого Бога.

Третье дѣйствіе, входящее въ составъ поминовенія усопшихъ, есть „литургія“ за умершихъ или принесеніе безкровной жертвы за спасеніе ихъ. Это дѣйствіе Церкви есть самое сильное, самое дѣйствительное къ достиженію усопшимъ милости Божіей. Тутъ Самъ Господь таинственно закаляется на жертвенникѣ и тѣмъ подвизаетъ свое Божественное милосердіе простить грѣхи усопшему, за котораго и ходатайствуетъ Величайшій

Ходатай, и за котораго приносится святѣйшая и могущественнѣйшая жертва. Нельзя ли тамъ ожидать прощенія и отрады преступнику, гдѣ самъ сынъ Царевъ ходатайствуетъ о прощеніи преступника? О, безъ сомнѣнія! Того же надобно ожидать и усопшему собрату нашему, за котораго приносится безкровная жертва съ несомнѣнною надеждою, что этимъ самымъ заглаждаются грѣхи усопшихъ, и они получаютъ возможность переходить въ лучшее состояніе. И эта несомнѣнная надежда св. православной Церкви основывается, съ одной стороны, на томъ, что состояніе умершихъ чадъ ея еще не рѣшительное; съ другой стороны, на томъ, что неизреченное милосердіе Божіе и сила заслугъ Христа Спасителя простираются и будутъ простираться на всѣ времена и на всѣхъ людей даже до страшнаго суда Господня. Св. апостолъ Павелъ увѣряетъ насъ въ истинѣ сказаннаго, говоря: „Иисусъ Христосъ единѣмъ приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ. Сей же, зане пребываетъ во вѣки, непреступное имать священство: тѣмже и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовать о нихъ“ (Евр. X, 14; VII, 24, 25).— Частицы, вынимаемая изъ просфоры на Божественной проскомидіи за поминаемая души усопшихъ, погружаются въ животворящую кровь Христову; причемъ іерей произноситъ: „омый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ кровію Твоею честною, молитвами Святыхъ Твоихъ“. А кровь Иисуса Христа очищаетъ отъ всякаго грѣха. Еще св. Церковь поминаетъ усопшихъ на особой ектеніи, послѣ евангелія, и кромѣ того іерей поминаетъ живыхъ и усопшихъ послѣ освященія св. Даровъ, когда поютъ: „Достойно есть яко воистину“...

Церковь, какъ заботливая мать, всегда помнитъ умершихъ и не забываетъ ихъ въ своихъ молитвахъ и во время другихъ службъ. „Помяни, Господи, яко благъ, рабы Твоя“,— молится она во время полунощницы,— „и

елика въ житіи согрѣшиша прости, никтоже бо безгрѣшенъ, токмо Ты, могій и представленнымъ дати покой. Со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ... всели я въ мѣста свѣтла, въ мѣста прохладна, въ мѣста покойна... отнюдуже отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе“... Потомъ св. Церковь молится объ усопшихъ въ концѣ „утрени“ и „вечерни“, на ектеніи: „помилуй насъ Боже“, а также въ концѣ „повечерія“, на послѣдней ектеніи.

Помимо поминовенія усопшихъ на своихъ повседневныхъ службахъ, православная Церковь установила еще особые дни для моленія о нихъ, и это, конечно, потому, что умершіе болѣе живыхъ имѣютъ нужду въ молитвѣ Церкви, ибо сами себѣ они уже не могутъ ничѣмъ помочь: вѣдь покаянія по смерти не бываетъ, и если они предъ смертію покаялись во грѣхахъ предъ священникомъ, но не успѣли засвидѣтельствовать это покаяніе дѣлами добродѣтелей христіанскихъ, то вся надежда спасенія ихъ возлагается на молитву Церкви и дѣла милосердія, творимыя ближними въ память ихъ. Св. Церковь особенно заповѣдуетъ поминать усопшаго въ слѣдующіе дни:

1) Въ „третій“ день по кончинѣ его, когда душа проходитъ страшный путь мытарствъ воздушныхъ, причемъ ее истязаютъ злые духи во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ грѣховныхъ. Труденъ и прискорбенъ этотъ путь и для праведника, но сказано: „и праведникъ едва спасается“ на сихъ страшныхъ истязаніяхъ князя тьмы: каково же бываетъ тогда душѣ грѣшной, отъ страстей не очистившейся?... „Молитесь о мнѣ сродницы и знаеміи“, вопіетъ тогда душа почившаго устами Церкви, „да не низведена буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія“... 2) Въ „девятый“ день по кончинѣ, когда душа предстанетъ на поклоненіе Богу. Въ это время Церковь молится о почившемъ, да будетъ причисленъ къ девяти ликамъ ангельскимъ. 3) Въ „соро-

ковой“ день по кончинѣ, когда душа опять поклоняется Богу, и когда изрекается о ней опредѣленіе Божіе. Великъ этотъ день для почившаго, и справедливо заповѣдуетъ Церковь прилежную молитву о немъ въ сей день: онъ рѣшаетъ участь усопшаго до страшнаго суда Божія!.. 4) Чрезъ „годъ“ по кончинѣ. Мы празднуемъ день своего рожденія; прилично вспомнить молитвою и день кончины ближнихъ нашихъ, ибо этотъ день для нихъ есть какъ бы день второго рожденія ихъ для новой, уже не земной, жизни.

Затѣмъ слѣдуютъ дни общаго поминовенія православныхъ христіанъ, такъ называемыя „родительскія“ вселенскія субботы. Родительскими эти субботы называются потому, что въ нашемъ простомъ народѣ покойники, свои и чужіе, обыкновенно называются „родителями“. Вселенскихъ родительскихъ субботъ пять: 1) „Суббота мясопустная“, или суббота предъ сырной недѣлей. Этотъ день назначенъ для поминовенія всѣхъ отъ вѣка усопшихъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія отъ Адама и понынѣ, потому что „во утріе“, т. е. въ воскресеніе, предвспоминается второе и страшное пришествіе Христово и кончина міра. Напоминая своимъ чадамъ о грядущемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ, чадолюбивая мать наша, православная Церковь, побуждаетъ насъ позаботиться не только о себѣ, но и о всѣхъ усопшихъ, наипаче же о скончавшихся внезапною смертію. „Грядый Судія придетъ и не укоснитъ“, какъ бы такъ говоритъ она намъ: „потщитесь, чада, уготовать себя, не забудьте и братій своихъ, которые уже не могутъ сами помочь себѣ!..“ 2) „Суббота накануне Троицына дня“. Въ день Пятидесятницы Церковь испрашиваетъ у Господа благодати всесвятаго и всеосвящающаго Духа Утѣшителя; желая, чтобы и усопшіе въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія были причастниками этой благодати, она накануне праздника молится о нихъ и въ самый день праздника приноситъ за нихъ

свои молитвы. Св. Василій Великій, составившій умиленные молитвы Пятидесятницы, говоритъ въ нихъ, что Господь наипаче въ сей день благоволитъ принимать молитвы даже и о „иже во адѣ держимыхъ“. 3) Три субботы св. и великаго поста: „вторая, третья и четвертая“. Подвигъ поста и покаянія не разлученъ съ подвигомъ любви и милосердія, а любовь христіанская не знаетъ земныхъ предѣловъ: для нея перешедшіе въ другой міръ братія еще дороже, чѣмъ пребывающіе на землѣ, ибо они болѣе живыхъ нуждаются въ помощи молитвы ближнихъ. Между тѣмъ пять дней каждой великопостной седмицы не бываетъ совершенной литургии, а слѣд. не бываетъ и литургійнаго поминовенія усопшихъ. Итакъ, учрежденное поминовеніе усопшихъ въ эти субботы весьма благопотребно какъ для усопшихъ, такъ и для самихъ живыхъ: ибо даетъ этимъ послѣднимъ случай засвидѣтельствовать чистоту подвиговъ покаянія дѣлами милосердія и любви къ усопшимъ братіямъ. (Прочія субботы великаго поста посвящены особымъ воспоминаніямъ и потому не имѣютъ заупокойной службы). 4) Къ числу дней общаго поминовенія усопшихъ относится и „понедѣльникъ“ или „вторникъ Өоминой недѣли“. Въ Страстную седмицу сердца вѣрующихъ были переполнены скорбными чувствами воспоминанія страстей Господнихъ; не было молитвы объ усопшихъ потому, что всѣ церковныя пѣнопѣнія, все богослуженіе этой седмицы посвящено страданіямъ Господа и великому подвигу искупленія, совершенному Богочеловѣкомъ; въ Свѣтлую же седмицу торжество радости Восресенія Христова и побѣды надъ смертію какъ бы отнимало преграду, отдѣляющую живыхъ отъ умершихъ: Церковь земная, воинствующая, сливалась во едино съ небесною, торжествующею,—и потому неблаговременно было молиться объ умершихъ, когда самая смерть поправа, адъ побѣжденъ, когда, по знаменитому похвальному слову св. Златоуста, никто

же да рыдаетъ убожества, никто же да плачетъ прегрѣшеній, ибо и сущимъ во гробѣхъ Христось животъ даровалъ... И вотъ, по прошествіи седмицы сего добраго и свѣтлаго торжества, чада православной церкви спѣшатъ привѣтствовать радостнымъ: „Христось воскресе!“ своихъ усопшихъ братій; и какъ умилительно это свиданіе живыхъ съ умершими, какъ сладостно душамъ усопшихъ слышать этотъ всеоживляющій привѣтъ воскресенія! Въ Патерикѣ Кіево-печерскомъ есть такой рассказъ: однажды, въ день Пасхи, богоугодный старецъ вошелъ съ діакономъ покадить св. мощи въ пещерной трапезѣ и въ восторгѣ душевномъ возгласилъ: „св. отцы и братія! сегодня—Христось воскресе!“ и вдругъ отъ всѣхъ гробовъ угодниковъ Божіихъ будто громъ небесный послѣдовалъ ему отвѣтъ: „воистину воскресе!“ Вѣруемъ и уповаемъ, что и наши усопшіе о Христѣ братія отвѣчаютъ намъ тѣмъ же на нашъ радостный привѣтъ воскресенія. Отъ этого взаимнаго радостнаго привѣта живыхъ и умершихъ и самый день поминовенія усопшихъ на Өоминой недѣлѣ (понедѣльникъ или вторникъ) извѣстенъ у русскаго народа подъ именемъ „радоницы“.

Для поминовенія воиновъ, на брани убіенныхъ, назначены еще особо два дня въ году: 1) „29 августа“, день усѣкновенія главы св. Предтечи Іоанна; Предтеча Господень пострадалъ за истину, какъ добрый воинъ Царя Небеснаго; его предстательству поручаетъ св. Церковь и своихъ чадъ—воиновъ, положившихъ свои души за вѣру, царя и отечество. 2) „суббота“ предъ 26 числомъ октября или „Димитріевская“, установленная по совѣту и благословенію преп. Сергія Радонежскаго великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ въ вѣчное поминовеніе павшихъ героевъ Куликовской битвы (1380 г. 8 сентября).

При такомъ усиленномъ и многократномъ поминовеніи, души, заключенныя въ аду, но не лишившіяся

способности къ райской жизни, имѣющія закваску добра и стремленіе, не смотря на недостатокъ добрыхъ дѣлъ, могутъ переходить изъ духовной темницы въ обители небесныя. И Церковь христіанская всегда несомнѣнно вѣровала и вѣруетъ въ силу и дѣйственность молитвъ своихъ за умершихъ. Господь Іисусъ Христось готовъ исполнить все то, о чемъ мы будемъ просить или Его Самого или во имя Отца Его Небеснаго. Въ Словѣ Божіемъ сказано такъ: „просите и дастся вамъ; аще что просите отъ Отца во имя Мое“, говоритъ Спаситель, „азъ сотворю“ (Мѣ. VII, 7; Іоан. XIV, 13—14). А такъ какъ всѣ наши молитвы, входяція въ составъ поминовенія, запечатлѣны именемъ Христовымъ и испрашиваютъ помилованіе усопшему именемъ Христовымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что молитвы эти, на основаніи непреложнаго обѣщанія Христова, имѣютъ успѣхъ въ умилоствленіи Бога и въ исходатайствованіи усопшему отпущенія грѣховъ. „За умершихъ моленіе сотвори, яко да отъ грѣха очистятся“, говоритъ писатель 2-й кн. Маккавейской (XII, 46). Господь, видя нашу любовь къ ближнимъ умершимъ, безъ сомнѣнія, услышитъ молитвы наши о нихъ „и отретъ всяку слезу отъ очію ихъ“ (Апок. VII, 17), и даруетъ имъ животъ вѣчный въ райскихъ обителяхъ. Вотъ нѣкоторые рассказы изъ жизни святыхъ, особенно ясно показывающіе силу молитвы и пользу милостыни и вообще поминовенія усопшихъ. Случаи, изъ которыхъ можно видѣть спасительную силу молитвъ за усопшихъ, нерѣдки въ жизни святыхъ подвижниковъ. Св. Іоаннъ Милостивый, патріархъ Александрійскій, поучая, что молитвенныя поминовенія весьма полезны душамъ, отшедшимъ отъ насъ, рассказывалъ, между прочимъ, слѣдующую повѣсть. Одинъ христіанскій плѣнникъ посаженъ былъ персами въ темницу. Нѣкоторые изъ сотоварищей его, убѣжавъ изъ Персіи и пришедши въ Кипръ, увѣрили родителей плѣннаго, что сынъ уже умеръ, и они—сотоварищи—

погребли его. Вслѣдствіе этого родители начали совершать поминовенія по усопшемъ три раза въ году. Чрезъ четыре года является къ родителямъ самъ мнимо-умершій, узнаеть, что о немъ молились, какъ объ усопшемъ, и спрашиваетъ, въ какіе дни года совершалось поминовеніе его? Родители отвѣчали: на праздникъ Богоявленія, на Пасху и на день Пятидесятницы. Тогда возвратившійся плѣнникъ сказалъ родителямъ: точно въ эти дни приходилъ ко мнѣ какой-то свѣтоносный мужъ, разрѣшалъ меня отъ оковъ, выводилъ изъ темницы, и я могъ цѣлый день свободно прохаживаться; на другой же день опять обрѣтался я въ темницѣ и въ оковахъ (Чет.-Мин., ноябрь 12 день).

Однажды, рассказываетъ св. мученица Перепетуя, въ темницѣ, во время общей молитвы, я нечаянно произнесла имя умершаго моего брата Динократа. Вразумленная этою нечаянностію, я начала молиться и вздыхать о немъ предъ Богомъ. Въ слѣдующую ночь было мнѣ видѣніе. Вижу я, будто изъ мѣста темнаго выходитъ Динократъ въ сильномъ жару и мучимый жаждою, нечистый видомъ и блѣдный; на лицѣ его рана, съ которою онъ умеръ. Между нимъ и мною была глубокая пропасть, и мы не могли приблизиться другъ къ другу. А подлѣ того мѣста, гдѣ Динократъ стоялъ, былъ полный водоемъ, котораго край былъ гораздо выше, чѣмъ ростъ моего брата, и Динократъ вытягивался, стараясь достать воды. Я жалѣла, что высота края препятствуетъ моему брату напиться. Тотчасъ послѣ сего я проснулась и узнала, что братъ мой въ мукахъ. Но вѣруя, что молитва моя можетъ помочь ему въ страданіяхъ, я всѣ дни и ночи въ темницѣ молилась съ воплемъ и рыданіями, чтобы онъ мнѣ былъ дарованъ. Въ тотъ день, въ который мы оставались связанными въ оковахъ, было мнѣ новое видѣніе: мѣсто, которое прежде я видѣла темнымъ, сдѣлалось свѣтлымъ, и Динократъ, чистый лицомъ и въ прекрасной одеждѣ, на-

слаждается прохладою. Гдѣ у него была рана, тамъ вижу только слѣдъ ея, а край водоема теперь былъ вышиною не болѣе, какъ по поясъ отроку, и онъ могъ безъ труда доставать оттуда воду. На краю стояла чаша золотая, полная воды. Динократъ, подошедши, сталъ изъ нея пить, и вода въ ней не уменьшалась. Насытившись, онъ отошелъ и началъ веселиться. Этимъ видѣніе и кончилось. Тогда я уразумѣла, что онъ освобожденъ отъ наказанія (Дѣян. мучен., гл. VII и VIII. Изд. 1802 г., стр. 210 и 211).

Но если одна молитва можетъ много значить для умершихъ, то тѣмъ болѣе она будетъ полезна для нихъ, когда будетъ соединяться съ милостынею и другими дѣлами благотворительности. У блаженнаго Киръ-Луки былъ родной братъ, который и по вступленіи въ монашескій чинъ мало заботился о душѣ своей. Въ состояніи такой безпечности постигла его смерть. Блаженный Лука, скорбя особенно о томъ, что братъ его не готовился, какъ должно, къ смерти, молилъ Бога открыть его участь. Однажды видитъ старецъ душу брата во власти злыхъ духовъ и тотчасъ послѣ этого видѣнія послалъ осмотрѣть келію его. Посланные нашли тамъ деньги и вещи, изъ чего старецъ уразумѣлъ, что душа его брата страдаетъ между прочимъ за нарушеніе обѣта нестяжанія. Все найденное старецъ отдалъ нищимъ. Послѣ этого, во время молитвы, старцу открылось судилище, на которомъ ангелы свѣта спорятъ съ душами злобы о душѣ усопшаго брата. Старецъ слышитъ вопль злыхъ духовъ: „душа наша, она творила дѣла наши!“ Но ангелы говорятъ имъ, что она избавляется отъ ихъ власти милостынею, розданною за нее; на это духи злобы возразили: развѣ усопшій роздалъ милостыню? не этотъ ли старецъ? указывая на Киръ-Луку. Блаженный подвижникъ отвѣчалъ: да, я сотворилъ милостыню, но не за себя, а за сію душу. Поруганные духи, услышавъ отвѣтъ старца, разсѣялись, а старецъ, успокоен-

ный видѣніемъ, пересталъ сомнѣваться и скорбѣть объ участи брата (Прол. 12 августа).

Другой примѣръ. Св. игуменія Аѳанасія предъ отшествіемъ своимъ отъ сей жизни заповѣдала сестрамъ своего монастыря поставлять въ память ея трапезу нищимъ до сорока дней. Случилось же, что сестры только до десяти дней соблюдали завѣщаніе своей начальницы. Это нерадѣніе вызвало святую изъ другого міра. Явившись въ сопровожденіи двухъ ангеловъ нѣкоторымъ изъ сестеръ обители, она говорила имъ: для чего преступили вы заповѣдь мою? да будетъ всѣмъ извѣстно, что творимыя до сорока дней за душу усопшаго милостыни и питаніе алчущихъ умилоствляютъ Бога. Если грѣшны души усопшихъ, то чрезъ это пріемлютъ онѣ отъ Господа отпущеніе грѣховъ; если безгрѣшны, благотворительность за нихъ служитъ ко спасенію благотворителямъ (Чет.-Мин., 12 апр.).

Но больше всѣхъ другихъ жертвъ умилоствляетъ Бога безкровная жертва, приносимая въ пречистыхъ Тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа. Вотъ и примѣръ, доказывающій, что поминовеніе на Божественной проскомидіи низводитъ милость Божию людямъ поминаемымъ. Во время жизни преподобнаго Венедикта, рассказываетъ св. Григорій Двоесловъ, были двѣ постницы, которыя, славясь святостію жизни, имѣли несчастную страсть говорить много, и много ложнаго и вреднаго. Св. старецъ умолялъ ихъ удерживать свой языкъ и за непослушаніе угрожалъ имъ отлученіемъ. Но онѣ не оставили укоренившейся привычки и чрезъ нѣсколько дней умерли, отлученныя вслѣдствіе угрозы праведника. Какъ постницы, онѣ погребены были въ церкви, но, какъ отлученныя, не могли оставаться въ ней. Когда діаконъ во время литургіи возглашалъ: „оглашенніи изыдите“,—онѣ, какъ открыто было нѣкоторымъ изъ христіанъ, выходили вонъ изъ церкви. Узнавъ о семъ, св. Венедиктъ послалъ въ церковь, гдѣ

онѣ были погребены, просфору, приказавши вынуть изъ нея часть за упокой душъ ихъ и поминать имена ихъ при совершеніи животворящихъ и страшныхъ Тайнствъ. Такъ какъ послѣ этого никто не видалъ, чтобы онѣ выходили изъ церкви, то вѣрные уразумѣли, что заупокойною жертвою, принесенною за нихъ, по желанію раба Божія, онѣ получили отъ Бога прощеніе (Бес. Григор. Двоесл., кн. II, гл. 23).

Чтобы лучше уразумѣть силу безкровной жертвы за души отшедшихъ, приведемъ еще одинъ случай изъ жизни св. Григорія Двоеслова, имъ самимъ рассказанный. „Въ монастырѣ моемъ,—говоритъ св. Григорій Двоесловъ,—былъ братъ Іустъ, занимавшійся врачевнымъ искусствомъ. Онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, и когда уже не оставалось ни малѣйшей надежды къ выздоровленію, то другіе братья, разбирая его вещи, въ одномъ лѣкарствѣ нашли скрытыя имъ златницы. Это было донесено мнѣ. Я, чтобы временнымъ наказаніемъ очистить брата отъ грѣха корыстолюбія и чтобы привести въ страхъ другихъ, приказалъ отлучить брата, доколѣ онъ еще живъ, отъ общенія съ прочею братіею монастыря, а по смерти похоронить вмѣстѣ съ тремя златницами вдали о братскихъ могилъ и лишить его церковныхъ молитвъ въ продолженіе тридцати дней. Какъ я приказалъ, такъ было и сдѣлано. По прошествіи тридцати дней отлученія, во мнѣ возбудилось чувство состраданія и любви къ несчастному брату, и, желая избавить его отъ мученій за гробомъ, я далъ другое приказаніе, чтобы въ теченіе другихъ тридцати дней совершаема была молитва за упокой души его. Въ ночь, послѣ послѣдней заупокойной литургіи, умершій является своему брату и говоритъ ему: „доселѣ худо мнѣ было, но теперь я благополученъ, потому что сегодня получилъ пріобщеніе“. Такимъ образомъ, чрезъ спасительную безкровную жертву, усопшій братъ избѣгъ наказанія“ (кн. 4, гл. 55).

Не всё, однако, умершимъ бываютъ полезны молитвы за нихъ живущихъ на землѣ и не за всёхъ можно молиться. Тотъ, кто отторгается здѣсь отъ св. Церкви, тотъ лишаетъ себя въ будущей жизни ея ходатайства и молитвъ. Другіе грѣшники отсѣкаются отъ тѣла церкви Христовой невидимымъ дѣйствіемъ суда Божія (Простр. христ. катех. о 9 чл.), когда грѣхи и страсти всецѣло овладѣваютъ ими и подавляютъ въ нихъ всякое добро. Такіе грѣшники не способны бываютъ воспринимать постороннюю добрую помощь или воспользоваться ею для своего блага и спасенія. Очевидно, если въ такомъ ужасномъ и безнадежномъ положеніи грѣшникъ умираетъ внезапно и безъ покаянія, то и церковь ничѣмъ не можетъ помочь ему и запрещаетъ за него молиться. Сюда относятся всё упорные нераскаянные грѣшники, умершіе безъ покаянія и отказавшіеся отъ него, а также самоубійцы, насильственнымъ образомъ прекратившіе свою жизнь, со всёмъ отчаявшіеся во спасеніи¹⁾.

Молитва и за тѣхъ, и за другихъ была бы напрасна и излишня,—она даже оскорбляла бы Бога. Къ нимъ могутъ относиться слова, которыя сказалъ нѣкогда Богъ

¹⁾ Молиться за самоубійцъ церковь запрещаетъ по 14 правилу Тимофея, патриарха александрійскаго (Помок. пр. 178); изъ нихъ только тѣ удостоиваются церковныхъ молитвъ, кто совершилъ самоубійство не въ здоровомъ разсудкѣ (по тому же правилу). Отъ самоубійцъ нужно отличать скончавшихся вообще напрасною смертію, но не сами по себѣ, а отъ другихъ; за нихъ, хотя они и не успѣли покаяться, св. Церковь усердно молится Господу, прося имъ помилованія. „Яже покры вода“, молится она въ субботу мясопустной недѣли, „и брань пожать, трусь же яже объять, и убійцы убиша, и огнь, яже попали, вѣрныя, Милостиве, въ части учини праведныхъ“ (Бан. въ субб. Мясопустн. нед. Пѣснь I, троп. 4). И еще: „Яже уби мечь, и конь восхити, градъ, снѣгъ и туча умноженная яже удави плинеа или переть посыпа, Христе Спасе нашъ упокой“. (Тогда же, пѣснь 4, троп. 4) и проч.

пророку Іереміи объ евреяхъ, которымъ опредѣлилъ наказаніе: „не молися о людѣхъ сихъ, и не проси, еже помилованнымъ быти имъ“ (Іер. VII, 16).

Ученіе римской церкви о „чистилищѣ“, какомъ-то среднемъ мѣстѣ между раемъ и адомъ, гдѣ очищаются души умершихъ съ покаяніемъ грѣшниковъ, не согласно съ ученіемъ православной церкви о возможности для такихъ грѣшниковъ освободиться отъ адскихъ мукъ по молитвамъ живущихъ: а) по римско-католическому ученію, души очищаются въ аду и заслуживаютъ отъ Бога помилованіе не чрезъ свои мученія и не сами собою, но по молитвамъ церкви, силою безкровной жертвы (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64); б) по ученію католиковъ, души умершихъ, покаявшихся передъ смертію грѣшниковъ, терпятъ въ чистилищѣ муки собственно потому, что не терпѣли на землѣ временнаго наказанія за грѣхи для удовлетворенія правды Божіей и терпятъ именно для того, чтобы удовлетворить ей; а по ученію православной церкви, эти грѣшники терпятъ мученія потому, что они хотя и покаялись предъ кончиною, но не успѣли принести плодовъ покаянія. Кромѣ того, католическое ученіе о чистилищѣ, неодинаково, до противоположности, излагаемое разными римскими богословами, не имѣетъ для себя твердыхъ основаній ни въ свящ. писаніи, ни въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей церкви.

ГЛАВА VI.

Великія событія конца міра.

Неизвѣстность дня второго пришествія Спасителя на землю.—Нѣкоторые признаки второго пришествія и кончины міра.—Нравственное извращеніе людей.—Проповѣдь Евангелія по всей вселенной.—Появленіе антихриста и его предтечъ.—Лицо и происхожденіе антихриста; продолжительность его царствованія.—Второе пришествіе Господа-Судіи.—Воскресеніе мертвыхъ. Свойства воскресшихъ тѣлъ.—Замѣчаніе о двоякомъ воскресеніи мертвыхъ въ древне-христіанскомъ ученіи, о хилиазмѣ, и несостоятельность этого ученія.—Измѣненіе живыхъ и всей неразумной природы.—Всеобщій судъ.—Характеристическія черты его.—Для кого страшень всеобщій судъ Божій и почему?—Какое дѣйствіе произведетъ страшный судъ на грѣшниковъ?—Торжественный приговоръ всемірнаго Судіи.—Конецъ благодатнаго царства Христова и начало царства славы.—Второй періодъ загробной жизни и общая характеристика состоянія душъ въ этотъ періодъ.

Неоконченное, нерѣшительное состояніе душъ въ загробномъ мірѣ будетъ продолжаться до дня суднаго, когда Іисусъ Христосъ придетъ во славу съ ангелами, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ.

Когда придетъ этотъ великій и страшный день, Господу Богу не угодно было открыть. Въ притчѣ о десяти дѣвахъ Спаситель пріурочиваетъ Свое второе пришествіе къ полуночному времени. „Въ полночь раздался крикъ: женихъ идетъ, выходите навстрѣчу ему“ (Мѡ. XXV, 6). Этимъ указывается на неожиданность пришествія Іисуса Христа. Въ полночь все спитъ спокойно; такъ и предъ пришествіемъ Іисуса Христа люди будутъ спокойно жить, ѣсть, пить, веселиться, не предчувствуя дня суднаго... „О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ. Но какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго. Ибо какъ въ дни предъ потопомъ пили, ѣли, женились и выходили замужъ, до того дня, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ: такъ бу-

детъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго“ (Мѡ. XXIV, 36—39). Второе пришествіе Сына Божія будетъ неожиданное и быстрое. „Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго“ (—27 ст.). Поэтому Іисусъ Христосъ заповѣдывалъ ученикамъ и всѣмъ Своимъ послѣдователямъ быть готовыми всегда. „Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ Человѣческій“ (Мѡ. XXV, 13).

При неизвѣстности дня суднаго, Господу угодно было для одобренія праведниковъ и вразумленія грѣшниковъ предугадать нѣкоторыя знаменія Своего второго пришествія и кончины вѣка, нѣкоторые признаки дня суднаго. Въ мірѣ физическомъ будутъ глады, землетрясенія, моровыя язвы, особенныя страшныя явленія въ природѣ и разныя небесныя знаменія (Мѡ. XXIV, 7). Въ нравственномъ мірѣ будетъ замѣчаться страданіе и изнеможеніе людей отъ страха и ожиданія чего-то страшнаго, грядущаго на вселенную (Мѡ. XXIV, 21). Вѣра до того оскудѣетъ между людьми, что Сынъ Человѣческій, пришедшій на землю, едва и найдетъ въ ней вѣру (Лук. XVIII, 8). Взаимныя отношенія людей будутъ измѣняться все къ худшему,—возникнутъ охлажденіе взаимной любви (Мѡ. XXIV, 12), ненависть и предательство (Мѡ. XXIV, 11), жестокая вражда даже между самыми близкими родными (Марк. XIII, 12). Имѣя въ виду будущія тяжелыя времена въ жизни и исторіи Человѣчества, великій апостоль языкъ во второмъ своемъ пастырскомъ посланіи къ ученику своему, епископу ефесскому Тимоѡею, прямо и рѣшительно говоритъ: „Знай же, что въ послѣдніе дни наступятъ времена тяжкія. Ибо люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящіе добра, предатели, наглы, напыщенны, болѣе

сластолюбивы, нежели боголюбивы, имѣющіе видъ благочестія, силы же его отрекшіеся“ (III, 1—5).

Послѣдовательнѣе людей, которые только внѣшнимъ образомъ будутъ христіанами, въ послѣдніе дни окажутся тѣ „нѣкоторые“, о которыхъ св. апостоль Павелъ свидѣтельствуемъ, что они рѣшительно отступятъ отъ вѣры (1 Тим. IV, 1). Указывая именно на этотъ печальный фактъ будущаго въ родѣ человѣческомъ, Божественный Учитель нашъ кратко, но сильно сказалъ: „Сынъ Человѣческой, пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ?“ (Лук. XVIII, 8). Но человѣчество не будетъ видѣть своего бѣдственнаго нравственнаго состоянія,—напротивъ, станетъ провозглашать о своемъ преуспѣяніи, ослѣпляясь преуспѣяніемъ для времени и земли и забывъ о преуспѣяніи христіанскомъ для духа, для вѣчности, для Бога (1 Сол. V, 2).

Несмотря на такое нравственное извращеніе людей, предъ концемъ міра будетъ проповѣдано Евангеліе „по всей вселенной“ (Мѣ. 24, 14). Второе пришествіе Спасителя на землю послѣдуетъ только тогда, когда совершенно исполнится Его святѣйшая воля—заповѣдь, данная Имъ святымъ Его ученикамъ и преемникамъ, предъ вознесеніемъ на небо: „Шедше научите всѣ языки“. (Матѣ. XXVIII, 19), „шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари“ (Мар. XVI, 15). Не останется на землѣ ни одного мѣста, ни народа, ни племени, гдѣ не возвѣщено бы было Евангеліе, т. е. радостная вѣсть о спасеніи принявшихъ оное и всѣмъ сердцемъ увѣровавшихъ въ оное: „и тогда только придетъ конецъ“ (Матѣ. XXIV, 14).

Вмѣстѣ съ необычайнымъ распространеніемъ Евангелія среди народовъ, въ послѣдніе дни міра явится множество лжемессій, лжепророковъ, которые будутъ всячески отвращать людей отъ св. христіанской вѣры. Повидимому, ревностные поклонники христіанства, воспитатели его духа въ духовной, удаляющейся отъ всего

чувственаго, жизни и мысли, лжеучители на самомъ дѣлѣ будутъ имѣть только образъ благочестія, силы же его отвергнутся. Отвергнувшись силы истиннаго благочестія, они станутъ дѣйствовать подъ вліяніемъ силы выше земной, но темной. Какъ сами лжесловесники, по внутреннему своему состоянію, будутъ находиться подъ сильнымъ, неотразимымъ вліяніемъ отца лжи, такъ и ученіе ихъ будетъ, по Апостолу, ученіемъ бѣсовскимъ (1 Тим. IV, 1). Не довольствуясь этимъ, діаволь, по допущенію Божію, воздвигнетъ чрезвычайное для себя орудіе—антихриста, чтобы чрезъ него вести войну и возвращать на путь гибели вѣрующихъ въ Иисуса Христа. Объ Антихристѣ Откровеніе положительно учитъ, что онъ будетъ опредѣленное лицо—человѣкъ беззаконія—будетъ находиться и дѣйствовать подъ особымъ вліяніемъ сатаны. По характеру онъ будетъ отличаться необыкновенною гордостью и будетъ выдавать себя за Бога. Для болѣе удобнаго достиженія своей цѣли онъ будетъ проповѣдывать ложное ученіе, противное спасительной вѣрѣ въ І. Христа, ученіе обольстительное, которое увлечетъ слабыхъ и недостойныхъ. Въ подтвержденіе своего ученія онъ будетъ творить ложныя знаменія и чудеса и, наконецъ, будетъ убитъ духомъ устъ Иисуса Христа. „Тогда откроется беззаконникъ, котораго Господь Иисусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего, котораго пришествіе, по дѣйствию сатаны, будетъ со всякою силою, и знаменіями, и чудесами ложными, и со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ; за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія“ (2 Сол. II, 8—10)¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о томъ, откуда произойдетъ Антихристъ, издавна занималъ св. отцевъ и учителей Церкви. По мнѣнію Иринея, Ипполита, Иларія, Амвросія, Иеронима, Августина, Антихристъ произойдетъ изъ колѣна Данова. Это выводили изъ словъ патріарха

Антихристъ будетъ царствовать на землѣ до самаго явленія на землю Царя Славы, до самаго дня суднаго. Въ этотъ великій день совершатся слѣдующія событія:

1) Придетъ съ неба Господь, Судія живыхъ и мертвыхъ. Увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою (Мѡ. XXIV, 30). Второе пришествіе Господа на землю будетъ совершенно отлично отъ перваго пришествія. Тогда Онъ приходилъ въ униженіи, въ образѣ раба (Фил. II, 3), подвергался преслѣдованіямъ и безчисленнымъ оскорбленіямъ и поруганіямъ, былъ распятъ, какъ зло-

Иакова: Данъ будетъ змѣемъ на дорогѣ, аспидомъ на пути (Быт. XLIX, 17) и особенно изъ того, что въ Апокалипсисѣ (гл. VII), при перечисленіи всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ, изъ которыхъ въ каждомъ запечатлѣно по двѣнадцати тысячъ рабовъ Божіихъ, вовсе не поименовано одно колѣно Даново. Это колѣно, въ удѣлъ котораго былъ поставленъ Иероваомомъ золотой телець, считалось представителемъ всякаго безбожія. Иудейское происхожденіе признавалось за Антихристомъ вслѣдствіе его противоположности Христу, а также и вслѣдствіе того, что Антихристъ усвоитъ себѣ мессіанское достоинство. Антихристъ будетъ могущественный властелинъ, который похититъ себѣ власть насильно и распространитъ свое вліяніе на всѣ народы (ср. Дан. XI, 36 и сл. VII, 25, Апок. XIII, 2). Для противоудѣствія ему Богъ пошлетъ съ неба двухъ свидѣтелей, которые будутъ возвѣщать истину, сотворить чудеса и, „егда скончаютъ свидѣтельство свое“, будутъ умерщвлены змѣемъ, потомъ черезъ три съ половиною дня воскреснутъ и вознесутся на небо. Подъ этими двумя свидѣтелями свв. отцы, на основаніи нѣкоторыхъ указаній въ словѣ Божіемъ, разумѣютъ Илію Тесвитаина и Еноха (Сир. XLIV, 14; XLVIII, 9—10; Малах. IV, 6). Предсказанія объ Антихриствѣ не разъ уже и въ древнія, и въ новыя времена прилагаемы были къ разнымъ лицамъ, на примѣръ, къ римскому императору Нерону, при которомъ было первое гоненіе на христіанъ; другіе видѣли Антихриста въ еретикахъ гностикахъ, третьи—въ римскомъ первосвященникѣ или вообще въ папствѣ, а наши раскольники—въ патриархѣ Никонѣ, и т. п. Съ идеей Антихриста всегда неразлучна и идея конца міра, и потому не прошло ни одного столѣтія, въ которомъ не появилось бы предсказанія о концѣ міра.

дей: теперь Онъ „прійдетъ во славу своей, и всѣ святыя ангелы съ Нимъ, и сядетъ на престолѣ славы Своей (Матѡ. XXV, 31), и предъ Нимъ преклонится всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Фил. II, 10). Тогда Онъ приходилъ, не для того, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ (Матѡ. XX, 28), не для того, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него“ (Іоан. III, 17); теперь Онъ „прійдетъ праведно судить вселенную (Дѣян. XVII, 31) и воздать каждому по дѣламъ его“ (Матѡ. XVI, 27).

Второе пришествіе Спасителя на землю предвѣряется явленіемъ на небѣ „знаменія“ (Мѡ. XXIV, 30), т. е. по изъясненію Златоуста и св. Ефрема Сирина, честнаго и животворящаго креста Господня, отъ свѣта котораго не видно будетъ солнца (Злат. Толк. на ев. Матѡ., бес. LXXVI; Ефр. Сир. Слово на честн. крестѣ). Явленіе креста будетъ для того, чтобы совершенно посрамить безстыдство іудеевъ; ибо Христосъ прійдетъ на судъ, имѣя величайшее оправданіе—Крестъ, показывая не только раны, но и позорную смерть. Восплачутся всѣ отъ страха славнаго пришествія Господня, видя этотъ міровой переворотъ, новый порядокъ вещей, разрывъ и преобразование всѣхъ отношеній предшествующей жизни.

Восплачутся рѣшительно всѣ колѣна земли іудейской, оплакивая свое непослушаніе, восплачутся и всѣ, мудрствующіе земное, хотя бы то были и христіане: „Нечестивіи не узрятъ славы Твоея, Христе, но мы Тя, Единородне, отеческія славы сіяніе Божества, отъ ноци утреннююще, воспѣваемъ Тя, Человѣколюбче“ (Гласъ 4, пѣс. 5).

2) По гласу Господа души всѣхъ умершихъ людей опять соединятся съ ихъ тѣлами и воскреснутъ нетлѣнными всѣ какъ праведники, такъ и грѣшники. „Наступитъ время, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Бо-

жия. И изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло—въ воскресеніе осужденія (Іоан. V, 28—29). Что же касается живыхъ людей, то ихъ грѣбныя тѣла мгновенно измѣнятся въ духовныя и безсмертныя. „Не всѣ мы умремъ“, говоритъ ап. Павелъ, „но всѣ измѣнимся вдругъ, въ мгновеніе ока при послѣдней трубѣ“ (1 Кор. XV, 51—52).

По качеству воскресшія тѣла будутъ, съ одной стороны, существенно тѣ же, какія соединены были съ извѣстными душами въ продолженіе настоящей жизни, но, съ другой стороны, будутъ и отличны отъ настоящихъ тѣлъ, потому что возстанутъ преображенными; именно будутъ: нетлѣнны и безсмертны, сильны и крѣпки, тонки и одухотворенны, подобно тѣлу воскресшаго Господа. „Тлѣнному сему подобаетъ облечься въ нетлѣніе и смертному сему облечься въ безсмертіе“ (1 Кор. XV, 53). „Наше жителство на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, Который уничтоженное тѣло преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его, силою котораго Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ Себѣ все“ (Фил. III, 20—21). Не всѣ тѣла по воскресеніи мертвыхъ будутъ обладать одинаковыми свойствами, а соотвѣтственно заслугамъ cadaго. Тѣло праведныхъ преобразится по образу воскресшаго тѣла Христова, подобно Ему, будетъ славно и свѣтоносно (Фил. III, 21,—сл. Мѣ. XIII, 43). Тѣло грѣшныхъ, напротивъ, хотя и будетъ нетлѣннымъ и крѣпкимъ, но не будетъ славнымъ; оно будетъ мрачнымъ, подвергнется страданіямъ и болямъ невыносимымъ и послужитъ къ увеличенію мученій души. „Всѣ пріемлютъ тѣло“, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, „сообразное собственнымъ дѣламъ. Тѣло праведныхъ сіяетъ свѣтлѣе свѣта солнечнаго, а тѣла грѣшниковъ оказываются темными и полными зловопія. Тѣло cadaго показываетъ дѣла его, потому что каждый изъ насъ носитъ дѣла свои въ своемъ тѣлѣ“

(Слово о судѣ и воскр.). Различіе дѣлъ, такимъ образомъ, производитъ и различіе въ самихъ тѣлахъ¹⁾.

3) Съ воскресеніемъ мертвыхъ и измѣненіемъ живыхъ будетъ соединено измѣненіе всей неразумной природы, всей вселенной. Весь міръ преобразится, небо и земля обновятся посредствомъ всемогущаго и непосредственнаго дѣйствія Творца. Ап. Петръ пишетъ, что когда придетъ день Господень, „тогда небеса съ шумомъ перейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ... Мы же, по обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда“ (2 Петр. III, 10, 13). Апостолъ Павелъ это измѣненіе природы поставляетъ въ тѣсную связь съ измѣненіемъ и обновленіемъ чело-вѣческой природы. Въ настоящей жизни чело-вѣкъ

¹⁾ Среди первенствующихъ христіанъ было широко распространено мнѣніе, что до кончины міра праведники будутъ воскресать дважды. Это мнѣніе нашло себѣ выраженіе въ такъ называемомъ „хилиазмѣ“ или ученіи о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ. Сущность этого ученія заключается въ слѣдующемъ: Задолго до кончины міра Христосъ опять придетъ на землю, поразитъ Антихриста, воскреситъ однихъ праведниковъ, устроитъ новое царство на землѣ, въ которомъ праведники, въ награду за свои подвиги и страданія, будутъ царствовать вмѣстѣ съ Нимъ въ продолженіе тысячи лѣтъ, наслаждаясь всеми благами жизни; затѣмъ уже послѣдуетъ второе всеобщее воскресеніе мертвыхъ, всеобщій судъ и всеобщее вѣчное мздовозданіе. Ученіе хилиазма несостоятельно. Спаситель со всею ясностію училъ, что будетъ только „одно“ воскресеніе мертвыхъ, всеобщее въ послѣдній день, когда, по гласу Его, возстанутъ изъ гробовъ всѣ—и праведники, и грѣшники, и непосредственно примутъ отъ Него послѣдній судъ и окончательное мздовозданіе (Іоан. V, 25, 28, 29; VI, 40, 54; Матѣ. XIII, 40—42; XXV, 31—46). Затѣмъ Слово Божіе проповѣдуетъ только два пришествія Христова: первое, уничтоженное, и второе, славное, и два царства—царство благодати и царство славы. А хилиасты допускаютъ еще какое-то среднее, третье царство Христово по окончаніи царства благодати и прежде царства славы, имѣющее окончиться послѣ тысячелѣтнаго существованія.

живетъ въ окружающей природѣ, здѣсь же получаетъ все необходимое для тѣла. Здѣсь, въ природѣ, совершается раскрытіе его духовныхъ силъ; здѣсь же въ природѣ, проклятой Богомъ за грѣхъ человѣка, онъ получаетъ страданія, болѣзни и смерть. Такимъ образомъ, въ настоящей природѣ нѣтъ условій для вѣчной жизни безъ болѣзней и страданій. Если же мы вѣруемъ, что послѣ воскресенія мертвыхъ тѣла будутъ нетлѣнны и безсмертны, то необходимо измѣненіе природы, чтобы въ ней были всѣ условія для жизни и проявленія дѣятельности людей прославленныхъ, безболѣзненныхъ и безсмертныхъ. Ап. Павелъ пишетъ, что сама „тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ, потому что будетъ освобождена отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ (Рим. VIII, 19, 21).

4) Наконецъ, послѣдуетъ и всеобщій, страшный судъ Божій. Вотъ потрясающая душу картина окончательнаго суда надъ человѣкомъ, картина, которую представляетъ намъ Слово Божіе. „Егда придетъ Сынъ Человѣческій во славу Своей и вси святіи ангели съ Нимъ“, говоритъ Самъ Христосъ Спаситель: — „тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ нимъ вси языцы (Мѣ. XXV, 31) и тогда воздастъ комуждо по дѣяніямъ его“ (Мѣ. XVI, 27). Судъ этотъ будетъ торжественный и открытый, потому что Судія явится во всей славі Своей со всѣми святыми ангелами и произведетъ судъ предъ лицомъ цѣлаго міра, небснаго, земнаго и преисподняго. Никто изъ насъ не избѣжитъ послѣдняго суда Божія. „Всѣмъ бо явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла“ (2 Кор. V, 10). Всѣ, отъ Адама до кончины міра рожденные женами, всѣ люди, великіе и малые, богатые и бѣдные, праведные и неправедные, юные и старые, мужчины и женщины, знатные и незнатные,

вѣрные и невѣрные, всѣ погребенные въ землѣ, сгорѣвшіе въ огнѣ, потопленные въ водѣ, съѣденные хищными звѣрями, птицами и рыбами, всѣ мертвые всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, по гласу трубы архангельской, оживутъ и возстанутъ; всѣ сухія кости облекутся плотию, соединятся съ своими душами, воскреснутъ, и всѣ, какъ воскресшіе изъ гробовъ, такъ и оставшіеся въ живыхъ, въ одно мгновеніе ока, явятся у подножія престола Господня, преисполненнаго пламенемъ и дымомъ и колеблющаго основанія земли. Прострется судъ этотъ и на падшихъ духовъ, которыхъ, по свидѣтельству апостола, „Богъ не пощадѣ, но пленицами мрака связавъ, предаде на судъ мучимыхъ блюсти“ (2 Петр. II, 4; ср. Іуд. 6 ст.).

Страшенъ будетъ окончательный судъ Божій для всѣхъ разумно-нравственныхъ существъ. По словамъ св. Ефрема Сирина, „и небесныя воинства и полчища преисподнихъ вострепещутъ предъ немилующимъ Судією, Который придетъ, сопровождаемый ужасомъ и смертію“ (Слово о страхѣ Бож. и послѣдн. судѣ. Твор. св. отц. XV, 302—303). Страшенъ будетъ судъ Божій для праведниковъ; ибо тогда и праведные строго истязуются даже въ добрыхъ дѣлахъ своихъ,—и праведникъ едва будетъ для грѣшниковъ, когда они предстанутъ на судъ со своимъ мерзостнымъ, переполненнымъ грѣхами тѣломъ. „Проклято ты, окаянное тѣло“, скажетъ тогда душа, „ты любосластіемъ грѣховнымъ пресытило меня и ввело меня въ лютыя беззаконія“; а тѣло отвѣтитъ душѣ: „Проклята ты, окаянная душа моя, за то, что ты худо управляла мною и не удерживала меня отъ злыхъ дѣлъ, ты соизволяла и содѣйствовала всякому грѣху, и мы вмѣстѣ прогнѣвали Создателя нашего Бога“. И опять скажетъ душа тѣлу своему: „Проклято ты, окаянное тѣло, за то, что всякій день опивалось и объѣдалось и меня тянешь въ бездну адскую“; а тѣло отвѣтитъ: „Проклята и ты, душа моя

окаянная; ты со мною ѣла съ одного и того же блюда и пила съ одной и той же чаши, а не учила воздержанію ни меня, ни себя“. И скажетъ еще душа: „Горе тебѣ, окаянное тѣло мое, за то, что ты оскорбляло ближняго, грабило, похищало чужое и убивало“. Тѣло же противъ этого скажетъ: „Горе тебѣ, окаянная душа моя, потому что во всемъ ты мнѣ споспѣшествовала“ (Св. Дим. Ростовск. Слово въ недѣлю мясопустную).

На всеобщемъ судѣ обнаружатся не только всѣ дѣла, сдѣланныя праведниками и грѣшниками въ продолженіе всей жизни (2 Кор. V, 10; Римл. II, 6), но и всѣ слова (Мѡ. XII, 36—37), всѣ мысли, намѣренія и самыя сокровенныя желанія (1 Кор. IV, 5). Никакой поступокъ нашъ тогда не утаится. Все, въ чемъ ни согрѣшили мы дѣломъ до малѣйшаго помышленія, въ чемъ ни согрѣшили языкомъ—до празднаго слова, въ чемъ ни согрѣшили дѣломъ—до самомалѣйшаго проступка,— все это будетъ испытано, взвѣшено и представлено предъ наши очи. И какой стыдъ, а вмѣстѣ со стыдомъ какой и страхъ покроетъ насъ, когда всѣ грѣхи, всѣ мерзости, всѣ беззаконія наши, которыя мы теперь съ такою заботливостію стараемся скрыть отъ другихъ, въ тотъ страшный день вдругъ обнаружатся предъ цѣлымъ свѣтомъ, во всей своей наготѣ! Къ страху стыда и обличенія присоединится еще страхъ и отъ того, что грѣшники увидятъ тѣхъ, которыхъ въ жизни этой ненавидѣли, оскорбляли, мучили, убивали. „Увидитъ,— говоритъ св. Димитрій Ростовскій,— тогда Каинъ Авеля, котораго убилъ неповинно, увидитъ Иродъ святаго Іоанна Предтечу, котораго главу неправедно усѣкъ мечемъ, увидятъ гонители христіанъ многое множество исповѣдниковъ имени Христова, которыхъ замучили. Увидятъ всѣ тѣхъ, кого обидѣли, и услышатъ вопль къ Богу: суди, Господи, обидящихъ насъ! Тогда всякъ обиженный скажетъ обидѣвшему его: за что ты меня преслѣдовалъ, за что ты меня оскорблялъ, за что ты меня

билъ безъ милосердія? И не найдутся грѣшники, что отвѣчать на эти упреки, только смутятся и возмутятся страхомъ тяжкимъ“ (Слово въ нед. мясопустн.). Тщетно будутъ ждать они себѣ помилованія со стороны Праведнаго Судии или же ходатайства за себя другихъ. Тогда отецъ не защититъ сына, сынъ не исходатайствуетъ пощады отцу; мать не упроситъ за дочь, дочь не умолитъ за мать. Дружба и родство, пріязнь и уваженіе прекратятся навсегда. Тогда погибшія дѣти будутъ проклинать своихъ родителей, что они не учили ихъ вѣрѣ и страху Божію; родители будутъ поражены отчаяніемъ, видя гибель своихъ дѣтей. Подчиненные будутъ проклинать своихъ начальниковъ, что они не удерживали ихъ отъ худыхъ дѣлъ; начальники будутъ терзаться ужаснымъ раскаяніемъ, что равнодушно смотрѣли на пороки своихъ подчиненныхъ. Пасомые будутъ проклинать своихъ пастырей, что они не учили ихъ Закону Божію; пастыри будутъ снѣдаться адскою тоскою, что не отклоняли пасомыхъ отъ путей нечестія. Самые искреннѣйшіе друзья будутъ проклинать друзей своихъ, что они поблажали ихъ страстямъ. Ужаснѣйшая скорбь овладѣетъ душами грѣшныхъ. Отъ неслосной тоски и горести они будутъ взывать къ горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ; но ни горы, ни холмы не скроютъ ихъ! Они пожелаютъ умереть, уничтожиться, но убѣжить отъ нихъ смерть, смерти бо не будетъ кому! (Димитрій Ростовскій).

Среди отчаянныхъ воплей грѣшниковъ послѣдуетъ торжественный приговоръ всемірнаго Судии, обращенный сначала къ праведникамъ, а потомъ и къ грѣшникамъ. Тогда скажетъ царь тѣмъ, которые по правую сторону Его (т. е. праведникамъ): „Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня;

былъ боленъ и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ“. Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: „Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили? или жаждающимъ—и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ—и приняли? или нагимъ—и одѣли? Когда мы видѣли Тебя больнымъ или въ темницѣ—и пришли къ Тебѣ?“ И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: „Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“. Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону (т. е. грѣшникамъ): „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня“. Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: „Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ или жаждающимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ—и не послужили Тебѣ?“ Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: „Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ“. И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную (Мѣ. XXV, 31—46).

Всеобщимъ судомъ закончится дѣло спасенія людей чрезъ искупительныя заслуги І. Христа; прекратится возможность измѣняемости нравственнаго состоянія рода человѣческаго. „Сынъ Божій предастъ царство Богу Отцу“ (1 Кор. XV, 24). Кончится благодатное царство Христово, и наступитъ вѣчное царство славы для однихъ и вѣчное мученіе для другихъ; это—второй періодъ загробной жизни. Православная Церковь учитъ, что будущая загробная жизнь во второй періодъ будетъ состоять въ вѣчномъ, полномъ, совершенномъ и рѣшительномъ блаженствѣ однихъ и мученіи другихъ. Въ полномъ, т. е. не для одной только души, какъ послѣ

частнаго суда, а для души и вмѣстѣ для тѣла, для полнаго человѣка,—въ совершенномъ, потому что будетъ состоять не въ предначати только блаженства для праведниковъ и мученія для грѣшниковъ, какъ послѣ частнаго суда, а во всецѣломъ блаженствѣ и мученіи соотвѣтственно заслугамъ каждаго,—въ рѣшительномъ, потому что для всѣхъ пребудеть неизмѣннымъ во вѣки, и ни для кого изъ грѣшниковъ не останется никакой возможности освободиться когда-либо отъ мученій, какъ остается она для нѣкоторыхъ послѣ частнаго суда.

ГЛАВА VII.

Вѣчное блаженство праведниковъ.

Несомнѣнность вѣчной, блаженной жизни праведниковъ.—Въ чемъ будетъ состоять вѣчное блаженство праведныхъ?—Лицервініе Бога.—Совершенство умственныхъ и нравственныхъ силъ.—Блаженство тѣла праведниковъ.—Общеніе ихъ съ ангелами и святыми людьми.—Трудность представленія всего неизсякаемаго источника вѣчнаго блаженства праведниковъ.—Святоотеческое изображеніе благъ вѣчной жизни.—Степени блаженства праведниковъ.—Непрерывное развитіе вѣчнаго блаженства.

При откровеніи царства славы, послѣ всеобщаго суда, праведники наслѣдуютъ царство, уготованное имъ отъ созданія міра, гдѣ они будутъ наслаждаться вѣчными благами. Слово Божіе ясно увѣряетъ насъ, что истинный христіанинъ не долженъ сомнѣваться въ вѣчной, блаженной жизни праведниковъ. Святой апостоль Павелъ говоритъ, что жилище, въ которомъ они будутъ обитать на небѣ, есть вѣчное. „Вѣмы,—говоритъ онъ,—яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ“ (2 Кор. V, 1,—сл. Лук. XVI, 9). Царство, которымъ праведники будутъ обладать, св. апостоль Петръ называетъ царствомъ вѣчнымъ (2 Петр. I, 11). Будущее блаженство въ священномъ писаніи назы-

вается вѣчною славою (2 Кор. IV, 17), вѣнцомъ не-
гнѣннымъ (1 Кор. IX, 25), наслѣдіемъ негнѣннымъ и
неувядаемымъ (1 Петр. I, 4). Самъ Спаситель бла-
женство праведниковъ называетъ жизнію вѣчной (Мѣ.
XXV, 46) и радостію, которой никто не возьметъ отъ
нихъ (Іоан. XVI, 22), а св. апостоль Іоаннъ открываетъ,
что праведники воцарятся во вѣки вѣковъ (Апок.
XXII, 5).

Удостоившіеся получить наслѣдіе вѣчной жизни
праведники будутъ наслаждаться всѣми благами какъ
внутренними, такъ и внѣшними въ совершенной ихъ
мѣрѣ. Какъ и въ первый періодъ загробной жизни (до
всеобщаго суда), главнымъ источникомъ блаженства
будетъ для нихъ постоянное сопребываніе, сожительство
съ Самимъ Богомъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ.
Если святые люди еще и здѣсь, въ земной жизни, не
видѣвши Его (Бога) любятъ, и на Него не зряще, вѣ-
рующе же, радуются радостію неизглаголанною (1
Петр. I, 8), то какое чувство радости преисполнитъ ихъ,
когда они узрятъ незаходимое Солнце правды во всей
Его красотѣ и величіи! Въ этомъ лицезрѣніи Всевыш-
няго они будутъ находить полнѣйшее удовлетвореніе
для всего своего богоподобнаго существа, ощущать въ
себѣ высокое совершенство и согласіе какъ духовныхъ,
такъ и тѣлесныхъ силъ.

Совершенство умственныхъ силъ въ будущей, вѣч-
ной жизни апостоль Павелъ выражаетъ самыми рази-
тельными чертами. Онъ говоритъ, что нынѣ мы „отчасти
разумѣваемъ... Егда же пріидетъ совершенное, тогда,
еже отчасти, упразднится. Видимъ убо нынѣ якоже зер-
цаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу: нынѣ
разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познавъ
быхъ“ (1 Кор. XIII, 9, 10, 12). Въ этихъ немногихъ
словахъ апостоль изображаетъ возвышенное состояніе
умственной дѣятельности по сравненію съ настоящимъ
ея состояніемъ, которое можно назвать состояніемъ мла-

денца по отношенію къ будущему состоянію—состоянію
мужа (1 Кор. XIII, 11). Теперь мы познаемъ только
„отчасти“, по частямъ, отрывками, а тогда „еже отчасти
упразднится“, не будетъ такового отрывочнаго познанія.
Притомъ, теперь то, что доступно намъ „отчасти“ мы ви-
димъ „яко зеркаломъ въ гаданіи“, познаемъ гадательно,
по заключеніямъ, и потому—не ясно. Напротивъ, тогда
„узримъ лицомъ къ лицу“, будемъ видѣть предметы
близко и прямо, такими, каковы они на самомъ дѣлѣ
(1 Кор. XIII, 10, 12). Поэтому, много откроется намъ
такого, что на землѣ было вовсе неизвѣстно или пони-
малось не ясно и не полно, такъ какъ теперь многое мы
принуждены принимать только на вѣру, „вѣрою бо хс-
димъ, а не видѣніемъ“ (2 Кор. V, 7). Познаніе наше
будетъ, такимъ образомъ, непосредственное, точное и
полное, совершенное познаніе,—„тогда познаю, якоже и
познавъ быхъ“, говоритъ апостоль (1 Кор. XIII, 12).
„Теперь, какъ въ зеркалѣ,—говоритъ св. Василій Вели-
кій,—видимъ тѣни вещей, а впослѣдствіи, освобо-
дившись отъ сего земнаго тѣла и облекшись въ тѣло
негнѣнное и безсмертное, увидимъ ихъ первообразы“
(Твор. св. отц. X, 42). Таково вообще будетъ наше по-
знаніе въ будущей загробной жизни. Особенная высота
и совершенство умственной дѣятельности праведниковъ
раскроется тогда въ чистѣйшемъ, обширнѣйшемъ и
яснѣйшемъ познаніи Бога. Они узнаютъ Бога не по
догадкамъ и предположеніямъ, но такъ, какъ Онъ дѣй-
ствительно есть по Своему существу, Своимъ каче-
ствамъ и совершенствамъ (1 Іоан. III, 2). Св. Григорій
Богословъ говоритъ, что будущее блаженство, по его
разумѣнію, „есть совершеннѣйшее познаніе Отца и
Сына и Святаго Духа“ (Слово прот. арианъ. Твор. св.
отц. III, 182). Праведники, по его выраженію, „наслѣ-
дуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе Святыя Тро-
ицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище, и
всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ, — въ чемъ

единомъ и поставлю особенно царствіе небесное“,—прибавляетъ онъ (Твор. св. отц. II, 56). Въ познаніи Бога праведники найдутъ познаніе и всего въ Немъ сотвореннаго. Разрѣшатся тогда для человѣка всѣ недоумѣнія, какія только рождались, при взглядѣ на многія несовершенства въ мірѣ; раскроются великіе планы Божіи какъ о всемъ сотворенномъ вообще, такъ особенно о человѣкѣ. Міръ духовный представится человѣку въ чистѣйшемъ свѣтѣ; онъ ясно увидитъ множество другихъ существъ, узнаетъ ихъ свойства и назначенія, ихъ мѣсто въ порядкѣ всего творенія. Вообще въ будущей вѣчной жизни начнется въ человѣкѣ истинная жизнь ума, въ которой праведники будутъ находить одинъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ блаженства.

Желанія сердца праведниковъ найдутъ себѣ въ царствѣ небесномъ полное удовлетвореніе. Наслаждаясь блаженствомъ познанія Всесвятѣйшаго Существа, они будутъ вкушать неизглаголанную радость (1 Петр. I, 8). Любовь будетъ служить имъ средствомъ блаженнаго общенія съ этимъ Высочайшимъ благомъ. „Богъ любви есть,—говоритъ апостоль,—и пребывая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“ (1 Иоан. IV, 16).

Сколь велико и радостно будетъ это блаженство сердца, мы не можемъ ни чувствовать, ни понимать теперь, ни тѣмъ болѣе выразить словомъ. „То, что будетъ послѣ (всеобщаго суда),—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—какое изобразить намъ слово, т. е. происходящую отъ сообщенія со Христомъ сладость, пользу и веселіе? Ибо душа, получивши опять свое благородство и пришедши, наконецъ, въ состояніе, съ дерзновеніемъ видѣть своего Господа, нельзя сказать, какое обрѣтаетъ наслажденіе, какую выгоду въ томъ, что увеселяется не только обладаемыми благами, но и увѣренностію, что сіи блага никогда не окончатся. Итакъ, радость эту невозможно вполне ни словомъ изобразить, ни умомъ

достигнуть“... (Слов. къ Феод. падш. Хр. Чт. 1844, I, 380).

Высокъ и совершенъ будетъ блаженный обитатель царства славы и по своему нравственному состоянію. Въ настоящей жизни самые праведные люди, при всѣхъ средствахъ, данныхъ имъ отъ Бога, непрестанно чувствуютъ внутри себя борьбу своихъ силъ (Римл. VII, 15—24) и сознаютъ себя нечистыми и грѣшными предъ Богомъ (1 Иоан. 1, 8). Но въ другомъ мірѣ праведники достигнутъ несравненно высшей степени духовнаго совершенства. Воля ихъ будетъ свободна отъ всякой нечистоты и грѣховности, ничто не будетъ побуждать ее къ грѣховнымъ дѣйствіямъ, къ уклоненію отъ закона Божія; потому что грѣха тамъ совершенно не будетъ (1 Кор. XV, 56, 57) и ничто скверное не войдетъ туда (Апок. XXI, 27). Праведники насытятся тогда „правды“, которой здѣсь только алкали и жаждали (Мѣ. V, 6); объятая любовью къ Богу, душа ихъ всѣмъ существомъ своимъ устремится прямо къ источнику всего высокаго, добраго и прекраснаго; будетъ желать и дѣлать только благоутодное Богу и такимъ образомъ непрестанно приближаться къ Нему святостію и приходить въ тѣснѣйшее нравственное съ Нимъ единеніе, о которомъ молился Христосъ Отцу Своему предъ отшествіемъ изъ этого міра (Іоан. XVII, 21, 23).

Въ замѣчательномъ соотвѣтствіи съ внутреннею духовною жизнію праведника въ раю будетъ его жизнь тѣлесная, физическая. Тѣло, которое теперь у насъ служитъ источникомъ безчисленныхъ скорбей, и болѣзней, тогда будетъ изъято отъ всѣхъ недостатковъ и нуждъ, и не потребуетъ тѣхъ изнурительныхъ заботъ и тяжкихъ трудовъ, какихъ требуетъ теперь для своего сохраненія, питанія, одѣянія. „Не вжалчуть ктому, ниже вжаждуть,—говоритъ св. Іоаннъ Богословъ,—не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякій зной... И отъиметь Богъ всяку слезу отъ очей ихъ“ (Апок. VII, 16,

17). Освободившись от разрушительнаго дѣйствія стій, тѣло праведниковъ будетъ безболѣзненно и безсмертно, — „и смерти не будетъ кому, ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ кому: яко первая мимоидоша“ (Апок. XXI, 4), — говоритъ апостоль. Это тлѣнное тѣло не будетъ отягощать святую душу въ ея духовныхъ стремленіяхъ, не будетъ препятствовать ей въ исполненіи того, чего она пожелаетъ, но будетъ служить лучшимъ и дѣйствительнымъ орудіемъ къ приведенію въ дѣйствіе и исполненіе ея благочестивыхъ и возвышенныхъ желаній, — будетъ храмомъ „Бога живаго“ (ср. 2 Кор. VI, 16).

Къ этому присоединится ближайшее, блаженнѣйшее общеніе праведниковъ между собою и съ ангелами; они будутъ связаны между собою узами чистѣйшей взаимной любви, какъ дѣти одного общаго Отца, Который „будетъ все во всемъ“ (1 Кор. XV, 28). „Мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, — говорится въ Писаніи, — и возлягутъ съ Авраамомъ, и Исаакомъ и Иаковомъ въ царствіи небеснѣмъ“ (Мѣ. VIII, 11). Такимъ образомъ каждый блаженный обитатель царства славы войдетъ тамъ въ общеніе съ тѣми, съ которыми здѣсь былъ связанъ тѣсными духовными узами чистой любви, родства и дружбы.

И особенно отрадно для него то, что онъ увидитъ и узнаетъ тамъ всѣхъ святыхъ Божіихъ праотцевъ, патриарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, исповѣдниковъ и всѣхъ праведниковъ, и съ ними войдетъ въ общеніе. А что святые будутъ имѣть тамъ общеніе и съ ангелами, это видно изъ слѣдующихъ словъ св. апостола Павла: „Приступисте къ сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, торжеству, и церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ“ (Евр. XII, 22, 23). Такое общеніе не можетъ не быть обильнѣйшимъ источникомъ блаженства для праведниковъ, тѣмъ болѣе, что взаим-

ной любви ничто тамъ нарушать не будетъ, потому что не будетъ ни честолюбія, ни корыстолюбія, ни зависти, ни другихъ страстей, и людей съ такими пороками. „Какая будетъ слава, какая радость“, — восклицаетъ св. Кипріанъ... привѣтствовать Авраама, и Исаака, и Иакова, и всѣхъ патриарховъ, и пророковъ, и апостоловъ, и мучениковъ; вмѣстѣ со святыми и друзьями Божіими наслаждаться сладостію дарованнаго безсмертія (Пис. IV) Святой Іоаннъ Златоустъ говоритъ о будущемъ блаженствѣ: „А что всего важнѣе, — это непрерывное наслажденіе общеніемъ со Христомъ, вмѣстѣ съ ангелами, съ архангелами, съ горними силами... Ни въ чемъ не будетъ тогда смятенія и борьбы, потому что велико будетъ согласіе въ ликѣ святыхъ, по причинѣ взаимнаго между всѣми единомыслія“ (Слово къ Θεод. падш.). Находясь во взаимномъ общеніи, праведники будутъ тѣсно связаны между собой и единствомъ своей дѣятельности, состоящей въ служеніи и исполненіи воли Божіей (Ап. VII, 15; XXII, 3). Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣшнія ихъ добродѣтели: вѣра, челоуѣколюбіе, любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, кротость, воздержаніе и другія процвѣтутъ въ царствѣ небесномъ, — „дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ за ними“.

Но вообще челоуѣку весьма трудно и представить всю высоту, весь неизсякаемый источникъ вѣчнаго блаженства праведниковъ. Св. Іоаннъ Златоустъ въ извѣстномъ словѣ къ Θεодосію падшему говоритъ: „Представь себѣ состояніе той жизни, сколько возможно это представить, ибо къ надлежащему изображенію ея недостанетъ никакого слова; только изъ того, что слышимъ, какъ бы изъ какихъ-нибудь загадокъ, мы можемъ получить нѣкоторое неясное представленіе объ ней. „Отбѣже“, сказано, „болѣзнь, и печаль, и воздыханіе“ (Ис. XXXV, 10). Что же можетъ быть блаженнѣе этой жизни? Не нужно тамъ бояться ни бѣдности, ни болѣзни, не увидишь ни обижающаго, ни обижаемаго, ни

раздражающаго, ни раздражаемаго, ни гнѣвающагося, ни завидующаго, ни распаляемаго гнусною похотію, ни мучимаго заботою о снисканіи потребнаго къ жизни, и жорбящаго о начальствѣ и власти; ибо вся буря нашихъ страстей, затихнувши, перестанетъ, и все будетъ въ мирѣ, веселіи и радости, все тихо и спокойно, все день и ясность, и свѣтъ; свѣтъ не этотъ нынѣшній, но другой, во столько кратъ свѣтлѣе этого, во сколько этотъ (солнечный) ярче свѣта отъ свѣчи. Ибо тамъ свѣтъ не помрачается ни ночью, ни набѣгомъ облаковъ: не жжетъ и не палитъ тѣль; потому что нѣтъ тамъ ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемѣны времени; но иное какое-то состояніе, такое, которое узнаютъ одни достойные. Нѣтъ тамъ ни старости, ни спутниковъ старости; но все тлѣнное изгнано, потому что повсюду господствуетъ нетлѣнная слава. Не нужно тамъ бояться ни діавола, ни демонскихъ козней, ни угрозы геенской, ни смерти—ни этой нынѣшней, ни той, которая гораздо страшнѣе этой; но всякій такого рода ужасъ прекращенъ будетъ“ (Хр. Чт. 1844 г., I, 370—372). Св. Ефремъ Сиринъ, говоря о благахъ вѣчной жизни, въ такихъ возвышенныхъ выраженіяхъ, изображаетъ ихъ безпредѣльность и вѣчность. „Тамъ,—говоритъ онъ:—великій даръ, несравненная радость, неизмѣнное веселіе, непрекращающееся пѣснопѣніе, немолчное славословіе, непрестанное благодареніе, непрерывное Богословіе, нескончаемое царство, несмѣтное богатство, безпредѣльны вѣки, бездна щедротъ, море милосердія и челоуѣколюбія“ (Слов. на втор. прип. Господа. Твор. св. отц. XVI, 404).

Блаженство праведниковъ въ царствѣ небесномъ будетъ имѣть разныя степени, соотвѣтственно нравственному достоинству каждаго. „Въ домѣ Отца Моего обителей много“ (Іоан. XIV, 2), сказалъ Господь Іисусъ Христосъ. И еще Онъ сказалъ: „Прійдетъ Сынъ челоуѣческій во славу Отца Своего съ ангелами Своими, и

тогда воздастъ каждому по дѣламъ его“ (Мѡ. XVI, 27) „Каждый получить награду по своему труду“ (1 Кор. VII, 8): таковъ законъ строгой справедливости. Основаніе блаженства заключается въ самомъ челоуѣкѣ, въ его внутреннемъ совершенствѣ, — „царствіе Божіе внутрь васъ есть“,—говоритъ Спаситель (Лук. XVII, 21). Въ какой мѣрѣ высоко будетъ нравственное совершенство праведника, въ такой же мѣрѣ высока будетъ и степень уготованнаго ему блаженства въ царствѣ небесномъ. „Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается, —говоритъ св. Ефремъ Сиринъ,—всякій по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущій вѣкъ всѣ праведники водворятся нераздѣльно въ одной радости. Но каждый въ своей мѣрѣ озаряется единымъ мысленнымъ Солнцемъ и по степени достоинства очерпаетъ радость и веселіе, какъ бы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ“ (О блаж. обит. Тв. св. отц. XIV, 496). Такимъ образомъ, по слову апостола, „сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ: а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ“ (2 Кор. IX, 6). Но съ другой стороны, область добродѣтели необъятна, и захватить ее всю одному невозможно; каждый выбираетъ себѣ свойственный образъ дѣятельности. Это также служитъ основаніемъ для различія въ полученіи райскаго блаженства. Спаситель говоритъ: „Пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріемлетъ; а пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведнику пріемлетъ; а иже аще напоить единого отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, токмо во имя ученика.., не погубитъ мзды своея“ (Мѡ. X, 41, 42). „Каждая изъ добродѣтелей,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—есть особый путь ко спасенію, и несомнѣнно приводитъ къ одной какой-либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ оби-

телей. Ибо какъ различны роды жизни, такъ и обителей у Бога много (Иоан. XIV, 2), и онѣ раздѣляются и назначаются каждому по его достоинству“. По словамъ Златоуста, „есть тамъ обитель вѣры и упованія,—въ нее зоветъ отецъ вѣрующихъ, Авраамъ; есть обители произвольной нищеты и самоотверженія,—въ нее зоветъ Моисей; есть обитель терпѣнія и преданности на волю Божию,—въ ней обитаетъ Іовъ; есть обитель чистоты и цѣломудрія,—въ нее приглашаютъ Іосифъ и Сусанна; есть обитель ревности по Богѣ и добродѣтели,—ее предлагаютъ Финеесъ и Илія; есть обитель милосердія,—въ нее зоветъ Самъ Господь премилосердый“ (Бес. на I посл. къ Кор. XI, 1, 3). Итакъ, по качеству и количеству заслугъ, будутъ различаться и степени блаженства. Однѣ души будутъ стоять на высшей степени духовнаго совершенства и святости, другія на низшей; слѣдовательно, однѣ болѣе другихъ будутъ ощущать внутри себя удовольствія. Да и самыя дѣла, сообразно съ различнымъ совершенствомъ душъ, хотя всѣ будутъ прекрасны, свѣтлы и совершенны, но иныя болѣе, другія менѣе, какъ и св. апостолъ Павелъ подтверждаетъ этими словами: „ина славу солнцу, и ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуеть во славѣ“ (1 Кор. XV, 41, 42). Можно думать, что тѣ, кто болѣе приблизился къ образу совершенства—Христу,—тѣ будутъ и въ ближайшемъ общеніи съ Нимъ, болѣе будутъ наслаждаться Его лицезрѣніемъ и непосредственно принимать въ себя истекающую изъ Него жизнь и блаженство. „Иные упокоются во свѣтлости Божія явленія“,—говоритъ св. Василій Великій,—„а иные подъ покровомъ небесныхъ силъ, другіе же во славѣ свѣта закроются какъ бы дымомъ“ (Твор. св. отц. VI, 182). Но, во всякомъ случаѣ, и послѣдняя, самая низшая степень будущаго блаженства будетъ превосходить всякое наше представленіе о высочайшемъ для человѣка благѣ.

Вѣчное блаженство праведниковъ не будетъ состояніемъ бездѣятельнаго, безразличнаго покоя, мертвымъ квіэтизмомъ,—оно будетъ непрестаннымъ гармоническимъ развитіемъ. Согласно Свящ. Писанію, „они пойдутъ отъ силы въ силу“ (Пс. LXXXIII, 8). Душа каждаго праведника, утвердившаяся въ добрѣ и святости, будетъ стараться непрестанно, все болѣе и болѣе приближаться къ Богу и какъ бы непосредственно переживать Его въ себѣ,—и въ этомъ непосредственномъ переживаніи Высочайшаго Существа, въ опытномъ познаніи Его и будетъ заключаться для праведнаго человѣка непрерывное, безконечное развитіе его вѣчнаго блаженства.

ГЛАВА VIII.

Вѣчное мученіе грѣшниковъ.

Безотрадность состоянія грѣшниковъ послѣ всеобщаго суда.—Главный источникъ ихъ вѣчнаго мученія—отверженіе отъ лица Божія.—Душевные муки грѣшниковъ.—Вѣшнія мученія.—Тьма кромѣшная и адскій огонь; отличіе этого огня отъ настоящаго.—Червь неумирающій.—Ужасное сообщество грѣшниковъ.—Ихъ позднее раскаяніе.—Степени вѣчныхъ мученій грѣшниковъ.—Православно-церковное ученіе о безконечной продолжительности адскихъ мученій.—Фактическая и психологическая необходимость вѣчности мученій грѣшниковъ.—Возраженія противъ вѣчности мученій.—Какъ примирить ученіе о вѣчности адскихъ мученій съ общей цѣлью созданія Богомъ тварей для блаженства?—Умѣстны ли вѣчныя адскія мученія послѣ искупленія человѣчества Сыномъ Божиимъ?—Какъ примирить ихъ съ понятіями о Божіемъ правосудіи, благи и всевѣдѣніи?—Шаткость подобныхъ возраженій и гдѣ причины этого.—Возможность нераскаяннаго ожесточенія грѣшниковъ во злѣ, влекущаго за собой неизбѣжность и естественность вѣчности адскихъ мученій.

Блаженно, счастливо состояніе праведниковъ, но крайне безотраднo будетъ состояніе грѣшниковъ послѣ всеобщаго, страшнаго суда. Отверженные, несчастные грѣшники, по слову Писанія, „идутъ въ муку вѣчную“

(Мѣ. XXV, 46), идутъ безвозвратно, навсегда, навѣки,—таковъ приговоръ, хотя и безконечно Милосердаго, но Всеправеднаго, Непогрѣшимаго, Нелицеприятнаго Судіи. Тѣ муки, которыя они испытываютъ послѣ частнаго суда только въ „предначати“, во второй періодъ загробной жизни, послѣ всеобщаго суда, раскроются въ полной силѣ. Самое тяжкое наказаніе, которое будутъ испытывать грѣшники въ безконечной вѣчности, это—удаленіе ихъ отъ Бога и проклятіе. „Идите отъ Мене проклятій“ (Мѣ. XXV, 41),—скажетъ имъ праведный Судія,—„не вѣмъ васъ... отступите отъ Мене вси дѣлатели неправды“ (Лук. XIII, 27—сл. Мѣ. VII, 21). Это отверженіе отъ лица Божія будетъ величайшимъ наказаніемъ для грѣшниковъ. „Для имѣющаго чувства и разумъ,—говоритъ св. Златоустъ,—быть отверженнымъ отъ Бога значитъ вытерпѣть уже геенну“ (Бес. V на посл. къ Римл.). Въ другомъ мѣстѣ онъ разсуждаетъ: „Нестерпима геенна и мученіе въ ней; впрочемъ, если представить и тысячи гееннъ, то все это ничего не будетъ значить въ сравненіи съ несчастіемъ лишиться оной блаженной славы, возненавидѣну быть отъ Христа и слышать отъ Него: „не вѣмъ васъ!..“ Ибо лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть кроткое лицо Господа, отъ насъ отвращающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на насъ“ (23 бес. на Ев. Матѳея). Это удаленіе отъ Источника свѣта и жизни составитъ для отверженныхъ мучительнѣйшую казнь. Они, такимъ образомъ, навсегда удалены будутъ отъ Того, въ Комъ одномъ только могли бы найти удовлетвореніе своей душѣ, созданной по образу Божію. Не развлекаемые болѣе ни міромъ, ни плотію, которые въ настоящей жизни заставляли ихъ постоянно забываться, они тѣмъ сильнѣе будутъ чувствовать томительную жажду души своей, по естеству стремящейся къ Богу, жажду ничѣмъ тогда не удовлетворяемую. Вслѣдствіе удаленія отъ

Бога, они не будутъ имѣть ни внутреннихъ благъ, пищи для удовлетворенія стремленіямъ бессмертнаго своего духа: свѣта для ума, добра для воли, красоты и покоя для сердца, ни внѣшнихъ благъ, потребныхъ для удовлетворенія тѣлесной природы ихъ. Тогда настанетъ для несчастныхъ „смерть вторая“ (Апок. XX, 14), смерть лютѣйшая въ вѣчномъ удаленіи отъ Источника жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тяжки будутъ внутреннія душевныя муки грѣшниковъ. „Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое“ (Римл. II, 9),—говоритъ апостоль. Каждая изъ душевныхъ силъ будетъ грѣшнику на томъ свѣтѣ врагомъ. Для ума его не будетъ уже никакого свѣта потому, что онъ навсегда удалится отъ Источника свѣта и истины, которымъ можетъ быть для разумныхъ тварей только Богъ. Въ волѣ его не будетъ движенія къ добру, такъ какъ воля его сохранитъ въ себѣ только грѣховныя навыки и страсти, которымъ онъ въ то же время не будетъ имѣть возможности удовлетворять внѣшнимъ образомъ. Въ особенности память и совѣсть будутъ увеличивать душевныя страданія грѣшниковъ. Св. Григорій Богословъ учитъ, что грѣшникъ на томъ свѣтѣ „въ наказаніе свое сохраняетъ свое сознаніе и свою память“ (Бес. 40 на Ев. Лук.). Вся прошедшая жизнь, которую они такъ безразсудно погубили на порочныя дѣла, ясно представитъ предъ ихъ умственными очами. Память ихъ будетъ настойчиво представлять имъ „благая въ животѣ“ ихъ (Лук. XVI, 25), которыми злоупотребляли они на землѣ. Мучительны будутъ укору совѣсти за всѣ, когда либо содѣланныя преступленія. Отсюда, само собою, возникнетъ у нихъ позднее раскаяніе, зачѣмъ они потеряли время, для чего промѣняли вѣчное блаженство на кратковременныя удовольствія, почему не воспользовались богодарованными средствами къ спасенію. Это раскаяніе, это сожалѣніе увеличится тягостнѣйшимъ сознаніемъ, что уже нѣтъ возможности покаяться, испра-

виться и спастись. „И рекуть,—говоритъ премудрый Соломонъ объ этихъ мученикахъ своей совѣсти,—въ себѣ кающеса и въ тѣснотѣ духа въздыхающе:—заблудихомъ отъ пути истиннаго, и правды свѣтъ не облистамъ, и солнце не возсія намъ. Беззаконныхъ исполнихомся стезь и погибели, и ходихомъ въ пустыни непроходимыя, пути же Господни не увѣдѣхомъ. Что пользова намъ гордыня? и богатство съ величаніемъ что воздаде намъ? преидоша вся, яко сѣнь и яко вѣсть претекающая... Тако и мы рождени оскудѣхомъ, и добродѣтели убо ни единаго знаменія можемъ показать, во злобѣ же нашей скончахомся“ (Прем. V, 3, 6, 9, 13).

„О, сколько времени погубили мы, проживъ въ нерадѣніи,—говоритъ отъ лица осужденныхъ грѣшниковъ св. Ефремъ Сиринъ,—какую пользу доставили намъ мірскія пріятности? гдѣ богатство? гдѣ ужины?.. Для чего мы не покаались, когда было время покаянію, но провели жизнь смѣясь, роскошествуя, предаваясь разсѣянности?..“ (Слово на втор. прип.; слово о всеобщ. воскресеніи). И ужасный стыдъ охватитъ душу грѣшниковъ при этомъ воспоминаніи ихъ грѣховной жизни

Къ внутреннимъ мученіямъ грѣшниковъ присоединятся и муки внѣшнія. Удаленные отъ Источника свѣта духовнаго, грѣшники будутъ лишены и свѣта естественнаго. Они будутъ изгнаны, какъ говоритъ Самъ Спаситель, „во тьму кромѣшную“ (Мѣ. VIII, 31,—ср. XXII, 13; XXV, 30). Это будетъ какая-то таинственная, непроницаемая тьма, въ которой не будетъ ни луча свѣта, столь необходимаго для жизни, столь отраднаго для всего живущаго. „Кто на землѣ грѣшилъ и оскорблялъ Бога, тотъ будетъ вверженъ во тьму кромѣшную, гдѣ нѣтъ ни луча свѣта“,—говоритъ св. Ефремъ Сиринъ (О страх. Бож. и о послѣд. судѣ. Твор. св. отц. XV, 308). Трудно представить, какъ тяжка будетъ эта потеря свѣта, какъ давить будетъ грѣшниковъ облегающая ихъ со всѣхъ сторонъ непроницаемая тьма. Но въ

этой глубокой тьмѣ будетъ горѣть какой-то особый, ужасный огонь, въ который будутъ ввержены осужденные на мученіе. Праведный Судія скажетъ на послѣднемъ судѣ стоящимъ по лѣвую сторону: „идите отъ Мене проклятїи въ огонь вѣчный“ (Мтѣ. XXV, 41). Св. апостоль Павелъ свидѣтельствуемъ, что будущій Судія живыхъ и мертвыхъ „во огни пламеннѣ дастъ отмщеніе невѣдущимъ Бога и непослушающимъ благовѣствованія Господа нашего Исуса Христа“ (2 Сол. I, 8). Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: „иже не обрѣтесе въ книзѣ животнѣй написанъ, вверженъ будетъ въ озеро огненное“ (Апок. XX, 15). Вообще, адскія мученія всего болѣе и чаще изображаются въ Словѣ Божіемъ подъ видомъ пребыванія въ огнѣ вѣчномъ или озерѣ огненномъ, такъ что адъ и вѣчный огонь, на языкѣ Писанія, слова, почти равнозначущія.

Каковъ будетъ адскій огонь? Относительно свойства будущаго огня, въ которомъ будутъ мучиться грѣшники, можно положительно сказать, что онъ будетъ вещественный, хотя и не такой, какой мы видимъ теперь. Новозавѣтное Писаніе даетъ ясныя указанія на эту вещественность будущаго огня, представляя его, съ одной стороны, мѣстомъ мученія для грѣшниковъ, облеченныхъ плотію воскресенія, съ другой,—указывая, какъ на подобіе ему и образецъ, на огонь Содома и Гоморры (2 Петр. II, 6), или же называя геенною, по имени долины сыновъ Энома въ Іерусалимѣ, въ которой поддерживался постоянно дѣйствительный огонь для очистки нечистотъ. Несмотря, однако, на свою вещественность, огонь будущихъ мученій будетъ рѣзко отличаться отъ теперешняго огня. Признакъ благотворности огня, никому теперь не безызвѣстный, въ томъ будущемъ огнѣ совершенно утратится, напротивъ, качество вреда, испытываемаго теперь отъ огня—гибельный жаръ, противъ котораго и современная наука и житейскій опытъ оказываются совершенно безсильными, возрастетъ въ своей

степени и силѣ (Виноградовъ „О конеч. суд. міра и челов., 293 стр.). По мнѣнію св. отцевъ, огонь вѣчныхъ мученій не будетъ имѣть „свѣтозарности“,—онъ будетъ горѣть безъ свѣта (Василій Великій, Бес. пс. XXXIII, 12. Твор. св. отц. V, 302). Вотъ почему мѣсто этихъ мученій называется „тьмою кромѣшною“ или „внѣшнею“. Хотя смыслъ этого наименованія объясняютъ и образно (см. Арх. Михаила, Толк. Ев. на Мѣ. 138 стр.), однако, нельзя отказать ему и въ нѣкоторой степени соотвѣтствія будущей горькой дѣйствительности для грѣшниковъ: наименование неугасимаго огня „тьмою кромѣшною“ указываетъ на дѣйствіе давленія этого огня на грѣшниковъ непроницаемою ничѣмъ извнѣ тьмою; это тѣмъ болѣе, что закоснѣлые грѣшники удалены будутъ отъ Истиннаго Свѣта и Жизни—Бога. Съ другой стороны, будущій, вѣчный огонь лишень будетъ такой теплоты, которая предохраняла бы отъ холода и оцѣпененія: осужденные на пребываніе въ вѣчномъ огнѣ испытываютъ скрежетъ зубовный—дѣйствіе чрезмѣрнаго холода. Далѣе, огонь адскій будетъ тоньше, духовнѣе, такъ сказать, нашего огня, имѣя способность жечь, но не сжигать и не истреблять. По словамъ церковнаго писателя Лактанція, огонь будущей „тою же самою силою и будетъ жечь нечестивыхъ и не сжигать и сколько будетъ отнимать у нихъ, столько и возвращать, и тѣмъ доставлять себѣ самому пищу вѣчную“ (Divin instit. 7, 21). „Услышавши объ огнѣ“,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—„не думай, будто тамошній огонь похожъ на здѣшній: этотъ, что захватить—сожжетъ и измѣнить на другое, а тотъ, кого однажды обыметъ, будетъ жечь всегда и никогда не перестанетъ“ (Слово къ Θεод. падш. Христ. Чт. 1884. I, 366). Несмотря на свою тонкость, адскій огонь будетъ несравненно лютѣ нынѣшняго огня. „Если баня и горячка такъ мучать и беспокоятъ насъ,—восклицаетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—то что мы будемъ

чувствовать, когда попадемъ въ ту огненную рѣку, которая будетъ течь предъ страшнымъ судилищемъ?“ (см. тамъ же). „Чѣмъ тоньше будутъ тѣла грѣшниковъ въ вѣчности, говоритъ преосвященный Теофанъ, тѣмъ мучительнѣе будетъ дѣйствіе огня, приспособленнаго къ нимъ, соотвѣтственно ихъ свойствамъ“ (Брош. „Вѣчность адск. муч.“ Москва 1891 г., стр. 6). Прекрасно изображаетъ различіе настоящаго огня и адскаго св. Димитрій Ростовскій. „О, коль страшень тотъ огонь, котораго и самъ сатана трепещетъ,—пишетъ онъ,—„если для бѣсовъ бездна геенская страшна, кольми паче для людей должна быть ужасна и трепетна. Если и здѣсь огненная казнь, на которую когда человѣкъ бываетъ осужденъ, страшна: то несравненно страшнѣе то наказаніе, которое послѣдуетъ въ гееннѣ огненной. Бѣсы не боятся здѣшняго огня такъ же, какъ и мы не боимся огня, изображеннаго на доскѣ, а геенскаго огня трепещутъ. Сей огонь сожигаетъ только тѣлесное вещество, угасаетъ, а геенскій никогда не угаснетъ... Здѣшній огонь, когда горитъ, свѣтитъ; а пламя онаго огня, когда горитъ, только жжетъ, но нисколько не освѣщаетъ тьмы внѣшней... Здѣшній огонь, объявши человѣка, вверженнаго въ него, тотчасъ умерщвляетъ, и въ одинъ часъ сожигаетъ и обращаетъ въ пепель; а оный, геенскій огонь, жжетъ, но не умерщвляетъ: грѣшники, вверженные въ геенскій огонь, не умрутъ, будучи жегомы и мучимы вѣчно“... (Лѣтопис. 122, 113). Насколько страшно будетъ мученіе грѣшниковъ въ адскомъ огнѣ, видно изъ словъ Христа Спасителя, Который сказалъ: „добрѣйше ти есть со единымъ окомъ внити въ животъ, неже двѣ оцѣ имущу ввержену быти въ геенну огненную“ (Мѣ. XVIII, 9). Мученіе отъ адскаго огня еще увеличится непрестаннымъ терзаніемъ таинственнаго червя. Спаситель, говоря о будущихъ мученіяхъ грѣшниковъ, выражается: „червь

ихъ не умираеть“ (Марк. iX, 44). Неизвѣстно, что это именно за червь; несомнѣнно только, что это будетъ дѣйствительный червь, который будетъ причинять узникамъ ада ужасныя физическія страданія. Св. Василій Великій, разсуждая объ адскихъ мукахъ, говоритъ, что въ гееннѣ огненной будетъ „какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающій съ жадностію, никогда не насыщаемый, и своимъ пожираниемъ производящій невыносимыя болѣзни“... (Твор. св. отц. V, 302).

Ужасныя душевныя и тѣлесныя страданія грѣшниковъ еще болѣе увеличатся отъ того сообщества, въ которомъ они будутъ находиться. Безмѣрно удаленные отъ Бога и святыхъ Божіихъ, грѣшники будутъ видѣть вокругъ себя подобныхъ себѣ грѣшниковъ, осужденныхъ на одинаковую съ ними участь, и злобныхъ демоновъ, съ которыми имъ тогда придется жить. Такъ „внѣ“ града небеснаго, по словамъ св. Іоанна Богослова, будутъ только „псы, и чародѣи, и любодѣи, и убійцы, и идолослужители, и всякій любяй и творяй лжу“ (Апок. XXII, 15). „Къ совершившему въ жизни много худыхъ дѣлъ,—говоритъ св. Василій Великій,—приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которыхъ и взоръ огненный, и дыханіе огненное, по жестокости ихъ воли и лица подобныя ночи, по унылости и человѣконенавидѣнію“ (Бес. на пс. XXXIII, 12). Какъ злобные демоны, такъ и люди, мучимые въ аду, ничего не могутъ сообщить осужденнымъ на вѣчное мученіе грѣшникамъ, кромѣ стенаній безотрадной скорби, кромѣ проклятій ожесточенной злобы,—этой сторонней давящей тьмы. Такъ ужасно будетъ сообщество грѣшниковъ въ аду. Находясь въ такомъ сообществѣ, грѣшники увидятъ райское блаженство праведныхъ, тѣхъ, которыхъ онѣ нѣкогда притѣсняли и мучили,—и ихъ адская мука еще тяжелѣе будетъ чувствоваться ими. Увидавъ праведныхъ, они, какъ

говорить премудрый Соломонъ,—„смятутся страхомъ тяжкимъ и рекутъ къ себѣ кающеся и стещающа: се тии, ихже имѣли нѣкогда въ посмѣхъ и въ притчу поношенія, како вмѣнишася въ сѣнѣхъ Божіихъ, и въ святыхъ жребій ихъ есть?“ (Прем. V, 2—3, 5). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мученій услышатся во адѣ плачь и скрежетъ зубовъ: „туть будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“, сказалъ Спаситель (Мѣ. VIII, 12,—ср. XIII, 42, 50, XXV, 30). Плакать будетъ грѣшникъ, какъ отъ нестерпимыхъ болѣй своихъ, такъ и о вѣчной гибели своей души. Скрежетать зубами будетъ грѣшникъ отъ досады, что погубилъ себя, что не можетъ уже никуда скрыться. „Когда отойдемъ туда,—разсуждаетъ св. Златоустъ,—то если покажемъ и самое сильное раскаяніе, никакой уже не получимъ отъ того пользы; но сколько ни будемъ скрежетать зубами, сколько ни будемъ рыдать и молить тысящекратно, никто съ конца перста не капнетъ на насъ, объятыхъ огнемъ... Будемъ скрежетать зубами отъ страданій и мукъ нетерпимыхъ, но никто не поможетъ. Будемъ крѣпко стенать, когда пламень сильнѣе станетъ охватывать насъ, но не увидимъ никого, кромѣ мучимыхъ вмѣстѣ съ нами и кромѣ великой пустоты“... (Слово I къ Θεод. падш.).

Какъ блаженства праведныхъ будутъ неодинаковы, такъ равнымъ образомъ и мученія грѣшниковъ. Слово Божіе, согласно съ здравымъ смысломъ, увѣряетъ, что наказанія назначаются людямъ, смотря по дѣламъ ихъ (Рим. II, 6; 2 Кор. V, 10), соразмѣрно со степенью и мѣрою грѣховъ. Спаситель сказалъ, что Тиру и Сидону „отраднѣе“ будетъ, чѣмъ Хоразину и Висаидѣ (Мѣ. XI, 21—22), землѣ Содомской и Гоморской „легче“, чѣмъ тому городу, который не приметъ апостоловъ (Мѣ. X, 15); рабъ, вѣдѣвый волю господина и не сотворившій по ней, биень будетъ „много“, а не вѣдѣвый биень будетъ „мало“ (Лк. XII, 47—48).

Св. отцы и учителя Церкви также учили, что будутъ различные роды мученій для грѣшниковъ. „Кто большее получилъ наставленіе“, — говоритъ св. Златоустъ—„тотъ долженъ вытерпѣть большую казнь за преступленіе. Чѣмъ мы свѣдущее и могущественнѣе, тѣмъ тяжелѣе будемъ наказаны за грѣхи“ (Бес. V на посл. къ Римл.). Св. Ефремъ Сиринъ пишетъ: „иначе мучится прелюбодѣй, иначе блудникъ, иначе убійца, иначе воръ и піяница“ (Слово на втор. приш. Твор. св. отц. XIV, 50). „Если Богъ есть праведный Судія не только добрыхъ, но и порочныхъ, воздающій каждому по дѣламъ его“, —учитъ св. Василій Великій,—„то иной можетъ быть достоинъ огня неугасимаго, или слабѣйшаго, или болѣе пожигающаго, другой—червя неумирающаго, но опять или сноснѣе, или нестерпимѣе причиняющаго боль, по достоинству каждаго, и иной—геенны, въ которой, безъ сомнѣнія, есть разные роды мученій, и другой—тѣмы кромѣшной, гдѣ одинъ доведенъ только до плача, а другой отъ усиленныхъ мученій и до скрежета зубовъ“ (Твор. св. отц. IX, 346—347). Вообще различіе въ адскихъ мученіяхъ будетъ зависѣть и отъ качества грѣха, и отъ степени грѣховности. Но, во всякомъ случаѣ, мученія грѣшниковъ будутъ вѣчны. Вѣчными, въ значеніи нескончаемаго продолженія, называютъ эти мученія. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, точно такъ же, какъ и блаженство праведныхъ—вѣчно: „отыдите отъ Мене проклятїи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его,—скажетъ Онъ (Мѣ. XXV, 41). И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный“ (—46). Точно такъ же говоритъ о состоянїи грѣшниковъ и пророкъ Данїиль (Данїил. XII, 2). Св. апостоль Павелъ ясно учитъ, что грѣшники „муку примутъ, погибель вѣчную отъ лица Господня, и отъ славы крѣпости Его: егда придетъ прославиться во святыхъ Своихъ, и дивенъ быти во

всѣхъ вѣровавшихъ (2 Сол. I, 9, 10). Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ, что „дымъ мученія грѣшниковъ во вѣки вѣковъ восходитъ: и не имутъ покоя день и ночь“ (Апок. XIV, 11; ср. XX, 10; XVIII, 15; VII, 12; XV, 7; XI, 15). Ученіе о вѣчности мученій есть общее ученіе св. отцевъ и учителей Церкви. На пятомъ вселенскомъ соборѣ Церковь торжественно осудила лжеученіе Оригена, будто демоны и нечестивые люди будутъ страдать во адѣ только до опредѣленнаго времени, а затѣмъ снова будутъ возстановлены въ свое первобытное невинное состоянїе (Преосвящ. Макарій. Правосл. догмат. богосл. V, 296). И до сихъ поръ св. Церковь въ недѣлю Православія торжественно произноситъ анаѣму тѣмъ, кто отщещетъ „вѣчное за грѣхи осужденіе“ (Чин. анаѣ. въ нед. правосл., возгл. 8).

Содрагается мысль человѣческая, представляя вѣчность мученій. Невозможно представленіе болѣе ужащающее и потрясающее душу. Вотъ какъ говоритъ о вѣчности мученій одинъ изъ нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ: „Разсудокъ отказывается отъ уразумѣнія плачевной вѣчности; воображеніе теряетъ образы для представленія ея мученій. Есть болѣзни, въ коихъ секунды считаются часами, минуты днями, — такъ онѣ мучительны и страшны! Но подобнаго той, геенской болѣзни, мы ничего здѣсь не испытали и испытать не можемъ. Господь описалъ ее подъ образомъ вѣчнаго горѣнія. Довольно и сего. Духъ трепетно мятется, языкъ сохнетъ и гортань пламенѣетъ, при живомъ представленїи безпредѣльнаго огненнаго моря, въ которомъ глубоко-глубоко... отвсюду палимые, отвсюду задушаемые... въ мракѣ, въ шумѣ, въ страхѣ, въ тоскѣ, въ замиранїи, въ безпрестанномъ ужасѣ. изнывая и истаявая... съ воемъ, стономъ, со скрежетомъ зубовъ, будутъ страдать... И не будетъ смѣны часовъ, дней, лѣтъ и тысячелѣтїй! Одна страшная, неослабная, безнадежная, безконечная, вѣчная мука!“

(Кругъ подвижныхъ празд. „Слово въ недѣлю мясопустную“).

Какъ ни тяжело согласиться съ вѣчностью мученій, но это непреложная истина. Знаменитый своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, Іоаннъ, епископъ смоленскій, фактически и психологически доказываетъ необходимость вѣчныхъ мученій, когда говоритъ о смерти грѣшника и о состояніи его за гробомъ. О смерти грѣшника онъ говоритъ такъ: „Особенно невыразимы ужасы, какими сопровождается отшествіе души злой. Она не знала въ жизни, не имѣетъ и въ часъ смерти ни самосознанія, ни самообладанія, ни покорности. Всѣ чувства ея волнуются; но эти чувства злы, и раздраженіе ихъ въ послѣднія минуты доходитъ до крайней степени. Ея зло, освобождаясь вмѣстѣ съ нею отъ послѣднихъ узъ, которыми еще сдерживалось сколько-нибудь въ здѣшной жизни, со всею силою поднимается, и, въ виду ужасовъ смерти, ожесточается до отчаянія. Душа хочетъ бороться съ этими ужасами; она какъ будто бы вызываетъ на бой самую смерть и силою собственнаго зла хочетъ одолѣть ее; она усиливается овладѣть отлетающею жизнью, но въ то же время, чувствуя подъ собою разверзающуюся бездонную пропасть вѣчнаго зла, неодолимо увлекается въ нее силою сродныхъ стремленій своей злой природы. По смерти грѣшника, его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло; его зло дѣлается безконечнымъ, его скорби и духовныя болѣзни обращаются въ безпредѣльныя страданія. Представляете ли вы себѣ весь ужасъ такого состоянія? Душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая въ себѣ зло, тамъ явится злою до безконечности; худое чувство, здѣсь еще чѣмъ-нибудь сдержанное, если не искоренить его здѣсь, обратится тамъ въ бѣшенство; если здѣсь человѣкъ еще сколько-нибудь владѣетъ собою, тамъ онъ уже ничего не можетъ съ собой сдѣ-

лать: все въ немъ и съ нимъ перейдетъ туда и разовьется въ безконечность. Чѣмъ тогда человѣкъ сдѣлается? Если онъ здѣсь не хорошъ,—тамъ будетъ темнымъ, злымъ духомъ. Тогда онъ самъ себя не узнаетъ, или нѣтъ, онъ тогда слишкомъ хорошо узнаетъ себя, и еще гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. Помощи никакой и ни откуда уже не будетъ, и понесетъ его зло его — собственнымъ своимъ тяготѣніемъ — туда, гдѣ живетъ вѣчное, безконечное зло,—въ сообщество темныхъ, злыхъ силъ. И на этомъ пути онъ не можетъ ни остановиться, ни возвратиться, и во вѣки вѣковъ будетъ страдать — чѣмъ? — бѣшенствомъ отъ своего собственнаго зла, которое не подастъ злему человѣку уже никакой надежды къ лучшему, и не дастъ ему покоя въ самомъ себѣ и—отъ той злой среды, которая будетъ сильнѣе его, будетъ вѣчно окружать его и терзать его до конца“ (Слово на Успеніе Б. М.).

Не смотря на столь твердое ученіе православной Церкви о вѣчности мученій, нѣтъ ни одной откровенной истины, противъ которой съ такимъ упорствомъ вооружался бы слѣпотствующій разумъ, съ какимъ возстаетъ онъ противъ этого ученія. Различными вопросами и недоумѣніями онъ старается подорвать, или, — по крайней мѣрѣ, — заподозрить и ослабить церковное ученіе о вѣчности мученій, хотя всѣ усилія его остаются въ этомъ отношеніи несостоятельными.

1) Богъ, говорятъ руководящіеся однимъ своимъ разумомъ, безъ откровенія Божія и ученія Церкви,—сотворилъ всѣхъ разумныхъ и свободныхъ тварей для блаженства въ соединеніи съ Собою. Если же будутъ вѣчныя мученія, состояція прежде всего въ удаленіи грѣшниковъ отъ Бога, то Богъ не будетъ достигать Своей цѣли сотворенія разумно свободныхъ существъ, или будетъ достигать ее не вполне. А такая недостижимость цѣли возможна ли для премудрости Всемогущаго?

Правда, что Богъ воззвалъ къ бытію разумныя и свободныя существа для вѣчной и блаженной жизни въ соединеніи съ Собою; но если Богъ сотворилъ существа свободныя, то этимъ самымъ уже обусловилъ Свою цѣль сотворенія ихъ, или поставилъ ее въ зависимость отъ свободы тварей. Свободное существо свободно, сердечно и непринужденно должно стремиться къ указанной ему цѣли... И Богъ никогда не дѣйствуетъ на свободу тварей силою одного Своего всемогущества: не насильно влечетъ Онъ человѣка ко спасенію. Слѣдовательно, если свободная тварь не хочетъ идти къ предназначенной ей цѣли, то вина здѣсь нисколько не падаетъ на Божіе всемогущество. Всемогущество Божіе все можетъ; но оно не разрушаетъ нравственнаго царства,—не превращаетъ всего міра въ машину, движимую силою необходимости, не отнимаетъ у разумно свободныхъ существъ ихъ свободы—того преимущества, посредствомъ котораго они могутъ не только располагать и управлять сами собою, но и уподобляться Всемогущему, и которое также необходимо для существъ одаренныхъ умомъ и словомъ, какъ дыханіе для животныхъ. Мало того, премудрость Божія требуетъ, чтобы свободная тварь имѣла достаточныя средства для достиженія предназначенной ей цѣли. Совершенно достаточныя для этого средства даны были и человѣку невинному, а по паденіи съ преизбыткомъ достаточныя дарованы человѣку возстановленному (2 Петр. I, 2—3). Слѣдовательно, не премудрость Божія виновата, если свободное существо, имѣя средства ко спасенію и блаженству, не принимаетъ этихъ средствъ, но отвергаетъ ихъ (Евр. X, 29), и тѣмъ лишаетъ себя блаженства. Такимъ образомъ, вѣчныя мученія ожесточенныхъ тварей нисколько не противорѣчатъ ни Божію всемогуществу, ни Божіей премудрости! Богъ достигаетъ Своей цѣли творенія въ такой мѣрѣ, въ какой достиженіе ея дѣлаетъ возможнымъ свобода тварей. Слѣдовательно, до-

стигаетъ ее исполнѣ, потому что и первоначально въ умѣ Божіемъ цѣль эта была не безусловная, а условливалась свободою тварей.

2) Находятъ еще не возможными вѣчныя мученія, послѣ того, какъ совершенно искупленіе рода человѣческаго. Неужели, говорятъ, заслуги Икупителя не сильны покрыть предъ правосудіемъ Божіимъ всѣ человѣческія прегрѣшенія? Неужели и послѣ икупительной жертвы Спасителя міра, принесенной за людей, нѣкоторые изъ нихъ еще будутъ осуждены на вѣчныя мученія?

Икупительная жертва, принесенная за людей Спасителемъ, дѣйствительно, безконечно превышаетъ всѣ человѣческія долги предъ Божіимъ правосудіемъ: они предъ нимъ, какъ капля предъ моремъ. Но и благодать, приобрѣтенная намъ Икупителемъ, не есть сила, необходимо и насильственно влекущая человѣка ко спасенію. Благодать не дѣйствуетъ насильственно,—съ непреодолимою силою. Она требуетъ со стороны человѣка свободнаго согласія, сочувствія и содѣйствія,—желанія спасенія, покаянія во грѣхахъ, принятія ея съ вѣрою и проч. (Апок. III, 20; Дѣян. VII, 51; 1 Солун. V, 19; Ефес. II, 8).

Что же дѣлать благодати Христовой съ ожесточенными грѣшниками, которые не имѣютъ ни вѣры, ни покаянія, но съ гордостію отвергаютъ благодатныя средства, и снова распинаютъ Сына Божія, поносятъ и попираютъ Его,—не почитаютъ за святыню кровь Завѣта, которою освящены, и ругаются надъ духомъ благодати? (Евр. VI, 6; X, 29). Кровь Икупителя, ими попранныя, будетъ вопіять на нихъ предъ Богомъ, благодать, ими отвергнутая и попранныя, только усугубитъ вину ихъ. Такимъ образомъ, и безцѣнныя заслуги Спасителя не принесутъ спасенія ожесточеннымъ грѣшникамъ, не потому, что онѣ не сильны спасти ихъ, но потому, что сами грѣшники своимъ произвольнымъ упорствомъ дѣ-

лаютъ себя неспособными къ участию въ дарахъ, приобрѣтенныхъ заслугами Спасителя.

3) Невѣріе въ вѣчность мученій думаютъ основывать еще на понятіяхъ—о Божіемъ правосудіи, благодати и всевѣдѣніи. Правосудно-ли, говорятъ, за кратковременные грѣхи земной жизни осуждать на вѣчныя мученія? Но „не по времени согрѣшенія судимы бываютъ, а по естеству ихъ“,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ (Бес. XXXVIII на еванг. Іоанна). Притомъ въ вѣчныхъ мученіяхъ будутъ казнимы не только временные грѣхи земной жизни, глубоко повредившіе и ожесточившіе душу, но гораздо болѣе—нераскаянная злоба и непримиримая ненависть къ добру; такъ что вѣчное мученіе будетъ сопутствовать вѣчному ожесточенію твари противъ ея Творца и ея нескончаемому пребыванію въ грѣховности.

4) Какъ согласить съ благодію Божіею вѣчныя мученія тварей, по благодати вызванныхъ къ бытію? Но на вѣчныя мученія будутъ осуждены такія существа, которыя отвергнутъ всѣ спасительные и благодатные дары благодати Божіей, подавятъ въ себѣ всѣ сѣмена добра,—грѣшники нераскаянные, враги Божіи, презирающіе всѣ щедроты Божіей благодати, на цѣлую вѣчность остающіеся въ ожесточенной злобѣ и враждѣ противъ Бога. Конечно, не отъ Бога зависитъ гибель такихъ людей. Благодать Божія спасла бы ихъ, если бы они хотѣли принять спасеніе. Если гибнутъ, значитъ отвергаютъ спасеніе. Что же благодать Божія можетъ сдѣлать съ такими существами, которыя сами сдѣлали себя неспособными къ духовнымъ благамъ и благодатнымъ дарамъ, и еще съ гордостію отвергаютъ ихъ? Она можетъ только оставить имъ бытіе, которое сами они наполнили муками безсильной злобы и страданіями.

5) Говорятъ: Богъ зналъ несчастную судьбу такихъ существъ; зачѣмъ же Онъ создалъ ихъ? Не лучше ли было бы имъ вовсе не существовать, чѣмъ существо-

вать въ вѣчныхъ мученіяхъ? Богъ, конечно, еще до творенія міра зналъ число людей, которые подвергнутся вѣчнымъ мукамъ; но Богъ также отъ вѣчности провидѣлъ, что безчисленное множество людей будутъ наслаждаться вѣчною блаженною жизнію. Если бы провидѣнная Богомъ гибель ожесточенныхъ грѣшниковъ могла остановить творческую благодать, восхотѣвшую создать разумныхъ тварей, то почему же и блаженство праведныхъ и спасаемыхъ, также провидѣнное Богомъ, не могло подвигнуть Его къ творенію? Неужели хотятъ, чтобы изъ-за злыхъ Богъ отказалъ въ бытіи—съ его радостями—и добрымъ? „Въ такомъ случаѣ зло побѣдило бы благодать Божію“,—говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ (Изл. прав. вѣры, стр. 287). „Богъ зналъ, что Адамъ падетъ; но видѣлъ, что отъ него произойдутъ Авель, Енохъ, Енохъ, Ной, Ілія,—произойдутъ пророки, дивные апостолы—украшеніе естества, и богоносная облака мучениковъ, источающія благочестіе“,—говоритъ Іоаннъ Златоустъ (Apud Phot Biblioth. Cod. CCLXXVII, p. 1548).

Вообще противники этого ученія стараются поставить его въ противорѣчіе съ свойствами Божіими; но нисколько не обращаютъ вниманія на природу человѣческаго духа, тогда какъ въ этой-то природѣ и полагается человѣкомъ основаніе, условливающее неизбѣжность для него вѣчныхъ мученій. Если духъ человѣческій, подобно падшимъ безплотнымъ духамъ, можетъ на цѣлую вѣчность оставаться въ нераскаянномъ ожесточеніи и постоянно возрастать въ своей злобѣ и ненависти къ Богу, то—при этой мысли—уже совершенно безсильны дѣлаются указанная выше возраженія противъ ученія о вѣчности мученій.

Итакъ, можетъ ли духъ человѣческій на всю вѣчность оставаться въ нераскаянномъ ожесточеніи? Можетъ.—Человѣческій духъ сотворенъ со способностію нескончаемаго развитія, возрастанія и преуспѣянія, и

эту способность нескончаемаго развитія онъ можетъ обращать какъ къ добру, такъ и къ злу. Какъ по пути къ добру онъ можетъ усовершаться до уподобленія Богу, такъ и по пути къ злу онъ можетъ доходить до уподобленія начальнику зла. Какъ любовь къ добру постоянно возрастаетъ въ человѣкѣ, крѣпнеть и усиливается до самой невозможности зла, такъ и злоба можетъ постепенно возрастать и усиливаться въ человѣкѣ до полной невозможности въ немъ добра. Такимъ образомъ, по свойству человѣческаго духа, для него возможно и ему предназначено вѣчное преуспѣяніе и усовершеніе въ добрѣ, какъ въ ангелахъ; но возможно для него и вѣчное коснѣніе и нескончаемое возрастаніе въ злѣ, какъ въ демонахъ.

И въ настоящей жизни бываютъ примѣры ужасающей силы зла. Злоба, достигающая до чрезвычайно напряженной силы, въ короткое продолженіе земной жизни,—за предѣлами этой жизни, конечно, можетъ скоро созрѣть и усилиться до нераскаяннаго ожесточенія въ злѣ. Судя по опытамъ настоящей жизни, естественно предполагать, что душа, вынесшая изъ сей жизни глубокое и закоренѣлое стремленіе къ злу,—и за предѣлами этой жизни будетъ продолжать и постоянно усиливать свое стремленіе.

Чтобы убѣдиться въ возможности нераскаяннаго ожесточенія въ злѣ, нужно вникнуть во внутреннее начало и въ сущность этого ожесточенія. Грѣхъ, который за свою нераскаянность будетъ осужденъ на вѣчныя мученія, есть тотъ же грѣхъ, коорымъ палъ начальникъ зла и которымъ онъ увлекъ и человѣка. Это—духовная гордость, дерзкое стремленіе твари къ независимости отъ Бога, къ равенству съ Нимъ, къ самообожанію, или самообоготворенію. Этотъ именно грѣхъ, постоянно возрастая и усиливаясь въ мірѣ существъ нравственныхъ, предъ началомъ вѣчныхъ мученій откроется съ особенно страшною силою и обнаружитъ въ себѣ явную

и открытую вражду на Бога, презрѣніе ко всѣмъ Его дарамъ и обѣтованіямъ, и до безумія гордое притязаніе твари на Божескую честь и достоинство,—въ лицѣ Антихриста и его послѣдователей (2 Сол. II, 3—4; 2 Тим. III, 1—5; Лук. XVIII, 8; Матѹ. XXIV, 12). Въ такомъ то ужасномъ состояніи ожесточенной вражды противъ Бога и ненависти къ Нему, нераскаянные враги Божіи сойдутъ въ мѣсто мученія! Возможно-ли, чтобы существо, ожесточенное противъ Бога, горделиво презирающее самые дары Божіи и обѣтованіе, примирилось съ Богомъ, вслѣдствіе тѣхъ мученій, которымъ оно будетъ подвергнуто по праведному суду Божію?! И на землѣ видимъ примѣры, что человѣкъ, объятый гордостью, не только не смягчается наказаніями и не исправляется мученіями, но еще болѣе отъ нихъ ожесточается. Если такъ упорна гордость и на землѣ; уступчивѣе-ли она будетъ въ гееннѣ, въ существахъ ожесточенныхъ противъ Бога?

Мысль о всемогуществѣ Божіемъ постоянно будетъ только усиливать ихъ ожесточеніе. Они будутъ находить для себя пищу въ сознаніи своего неподчиненія и открытой вражды съ Тѣмъ, могуществу Котораго нѣтъ предѣловъ. Такимъ образомъ, если разумное существо на всю вѣчность можетъ оставаться въ состояніи нераскаянной злобы и непримиримой вражды съ Богомъ, то, какъ существо неспособное къ блаженному единенію съ Богомъ, оно должно быть удалено отъ Него и, какъ существо злобное, должно быть ограничено въ своей злой дѣятельности, заключено въ темницу, и притомъ на всю вѣчность, потому что и злоба такого существа есть злоба нераскаянная и непримиримая, которая никогда не прекратится, но будетъ продолжаться и усиливаться цѣлую вѣчность. Въ царствахъ земныхъ и временныхъ преступникъ, не показывающій надежды исправленія, изгоняется изъ общества, или заключается въ темницу на всю жизнь, обре-

кается на политическую смерть, или же прямо лишается жизни. Человѣческое правосудіе находить это совершенно законнымъ и справедливымъ. Что же несправедливаго, если, въ вѣчномъ царствѣ Божіемъ, преступникъ, нераскаянный и неисправимый, изгоняется изъ этого царства, обрекается на „вторую“ смерть—въ гееннѣ, на всю вѣчность? (О возраженіяхъ противъ вѣчн. муч. и отвѣт. на нихъ—см. у Теофана „Вѣчность адск. муч.“, стр. 15—22, брош. М. 1891 г.; также—у проф. Голубинск. Премудр. и благость Бож., стр. 444—456. М. 1885 г.).

Словомъ, для вѣчныхъ и нераскаянныхъ враговъ Божіихъ должны быть вѣчныя мученія такъ же, какъ для неисправимыхъ преступниковъ на землѣ необходимы пожизненные изгнанія, или заключенія, или смерть.

З а к л ю ч е н і е.

Необходимость размышленія о будущей вѣчной жизни и достойномъ приготовленіи къ ней.—Средства, указанныя Спасителемъ для полученія вѣчной блаженной жизни.—Вѣра и добрыя дѣла.—Какъ и сколько мы должны дѣлать этихъ послѣднихъ?—Высшая христіанская добродѣтель—любовь и лѣтательное проявленіе ея въ отношеніи къ ближнимъ и Богу, какъ надежный путь полученія вѣчныхъ благъ на землѣ и за гробомъ.

Мучиться вѣчно... можетъ ли быть что-нибудь тяжелѣе, несчастнѣе этого? Вѣчность неизмѣрима!.. Это—безграничное море, предѣловъ котораго не объемлетъ око смертное; это—бездна, въ которую не проникаетъ взоръ сотворенный. Когда обветшаетъ и свѣтятся небо какъ риза; когда солнце померкнетъ, какъ уголь угасшій; когда звѣзды спадутъ съ неба, какъ листья осенью съ деревьевъ; когда всѣ племена и народы падутъ подъ сѣкирою времени, какъ падаетъ трава подъ косою земледѣльца; когда пройдетъ земля; когда время, утрудившись въ полетѣ своемъ, перестанетъ течь предъ престо-

ломъ Сотворившаго время—настанетъ вѣчность, и все это не составитъ и капли въ необъемлемомъ океанѣ. Вѣчность есть начало безъ конца, пространство безъ предѣловъ, время безъ времени. Тамъ тысячи лѣтъ—день одинъ, и день одинъ—тысячи лѣтъ; тамъ одно мгновеніе есть вѣчность, и вѣчность—одно мгновеніе; тамъ протекутъ вѣка, тысячелѣтія за тысячелѣтіями, потеряется, затѣмъ, всякое счисленіе времени,—и вѣчность, все-таки, будетъ, и лѣта ея не оскудѣютъ.

Православный христіанинъ! устрями свой взоръ и обними обширное пространство своей безконечной будущности. Размысли о будущей загробной жизни и достойно приготовь себя къ ней. Тебѣ Самимъ Богомъ указаны средства для полученія будущей, блаженной загробной жизни и для избѣжанія вѣчныхъ адскихъ мученій, и ты воспользуйся этими средствами. Вотъ что Онъ говорилъ о приготовленіи людей къ блаженной будущей жизни въ притчѣ о десяти дѣвахъ:

„Царство небесное подобно десяти дѣвамъ, которыя взявъ свѣтильники, вышли навстрѣчу жениху. Пять изъ нихъ было мудрыхъ и пять неразумныхъ. Неразумныя, взявъ свѣтильники свои, не взяли съ собою масла. Мудрыя же, вмѣстѣ съ свѣтильниками своими, взяли масла въ сосудахъ своихъ. И какъ женихъ замедлилъ, то задремали всѣ и уснули. Въ полночь раздался крикъ; вотъ женихъ идетъ, выходите навстрѣчу ему. Тогда встали всѣ дѣвы тѣ и поправили свѣтильники свои. Неразумныя же сказали мудрымъ: дайте намъ вашего масла, потому что свѣтильники наши гаснутъ. А мудрыя отвѣчали: чтобы не случилось недостатка и у насъ, и у васъ, пойдите лучше къ продающимъ и купите себѣ. Когда же пошли онѣ покупать, пришелъ женихъ, и готовыя вошли съ нимъ на брачный пиръ, и двери затворились. Послѣ приходятъ и прочія дѣвы и говорятъ: Господи! Господи! отвори намъ. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ, не

знаю васъ“ (Мѡ. XXV, 1—12). Въ этой притчѣ подѣ вами разумѣются всѣ вѣрующіе въ Іисуса Христа; подѣ свѣтильниками, съ которыми дѣвы вышли на встрѣчу жениху, разумѣется вѣра христіанская, а подѣ елеемъ—добрыя дѣла. Только та вѣра угодна Богу, которая сопровождается добрыми дѣлами. Безъ добрыхъ дѣлъ, наша вѣра будетъ мертвою, не дѣятельною и не можетъ привести къ вѣчному спасенію. Бѣсы имѣютъ вѣру въ Бога и трепещутъ, но эта вѣра не спасетъ ихъ. Свѣтильники гаснутъ безъ масла, и вѣра безъ добрыхъ дѣлъ также гаснетъ.

Какъ и сколько мы должны дѣлать добрыхъ дѣлъ, это Іисусъ Христосъ объяснилъ въ притчѣ о талантахъ.

„Одинъ человекъ, отправляясь въ дальнюю страну, призвалъ рабовъ своихъ и поручилъ имъ имѣніе свое. Одному онъ далъ пять талантовъ, другому два, иному одинъ, каждому по его силѣ, и тотчасъ отправился. Получившій пять талантовъ пошелъ, употребилъ ихъ въ дѣло и приобрѣлъ другіе пять талантовъ. Точно также и получившій два таланта приобрѣлъ другіе два. Получившій же одинъ талантъ пошелъ, закопалъ его въ землю и скрылъ серебро господина своего. Спустя долгое время приходитъ господинъ рабовъ тѣхъ и требуетъ у нихъ отчета. Получившій пять талантовъ принесъ другіе пять талантовъ и говоритъ: господинъ, пять талантовъ ты далъ мнѣ, вотъ другіе пять талантовъ я приобрѣлъ на нихъ. Господинъ сказалъ ему:—хорошо, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставлю, войди въ радость господина твоего. Тоже онъ сказалъ другому рабу, который на два таланта приобрѣлъ другіе два таланта. Пришелъ и получившій одинъ талантъ и сказалъ:—господинъ! я зналъ тебя, что ты человекъ жестокій; жнешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не расточалъ. Я убоился и скрылъ талантъ твой въ землю; вотъ тебѣ твое. Господинъ же сказалъ ему въ отвѣтъ:—лукавый рабъ и

лѣнивый! ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ, и собираю, гдѣ не расточалъ. Поэтому не надлежало ли тебѣ отдать серебро торгующимъ и я, пришедъ, получилъ бы свое съ прибылью! Итакъ, возьмите у него талантъ и дайте имѣющему десять талантовъ. Ибо всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющего отнимется и то, что имѣетъ. А негоднаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. (Сказавъ сіе, возгласилъ: кто имѣетъ уши слышать да слышитъ)“ (Мѡ. XXV, 15—30).—Въ этой притчѣ подѣ человекомъ, отправившимся въ далекую страну, разумѣется Господь Богъ. Подѣ талантами разумѣются естественные дары Божіи, какъ то: жизнь, способности душевныя, здоровье тѣла и благодатные дары, или Божественная благодать, сообщаемая христіанину въ таинствахъ. Господь Богъ даетъ каждому человеку столько силъ, сколько онъ вмѣститъ можетъ. Одному Онъ даровалъ пять талантовъ, другому—два и третьему—одинъ. Каждый, получившій отъ Бога силы, долженъ употребить ихъ въ дѣло, долженъ развить и укрѣпить ихъ въ добрѣ и, затѣмъ, дѣлать столько добрыхъ дѣлъ, сколько онъ можетъ съ Божіею помощію, при правильномъ развитіи богодарованныхъ силъ. Имѣщій пять талантовъ, если сдѣлаетъ добра на два таланта, то онъ за три долженъ отвѣчать. Поэтому никто не долженъ указывать на другихъ, что тѣ сдѣлали менѣе. Каждый долженъ дѣлать столько, сколько можетъ, а за недѣланное онъ отвѣчаетъ: во-первыхъ, предъ собою, предъ своею совѣстію, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, предъ всевѣдущимъ и всемогущимъ Богомъ, своимъ Творцомъ.

Въ чемъ проявляется то, что мы христіане дѣйствительно съ Божіею помощію укрѣпляемся въ добрѣ, развиваемъ богодарованные таланты? Это проявляется въ нашей любви къ ближнимъ, созданнымъ по образу Божію, и въ дѣлахъ милосердія къ нимъ. Въ любви къ

ближнимъ мы покажемъ нашу любовь ко Христу Спасителю и вмѣстѣ любовь къ Богу. Чистая, безкорыстная любовь къ ближнему, лишенная всякихъ мелкихъ земныхъ расчетовъ, любовь, направленная исключительно къ тому, чтобы помогать ближнему жить свято, удерживать его отъ худыхъ дѣлъ, возможна только при слѣдованіи Иисусу Христу. Онъ первый показалъ примѣръ безкорыстной, честной, святой любви ко всѣмъ людямъ и даже врагамъ Своимъ. По любви Онъ сошелъ на землю, по любви рождается въ пещерѣ и полагается въ ясли, по любви не знаетъ, гдѣ главу преклонить; по любви терпитъ заблужденія Своего народа; по любви молится за враговъ и по любви къ людямъ переноситъ позорную смерть на крестѣ. Чѣмъ болѣе въ насъ будетъ развиваться такая безкорыстная любовь къ ближнимъ, тѣмъ болѣе мы слѣдуемъ Иисусу Христу и достойно называемся христианами. Любя безкорыстною любовію ближняго, мы не можемъ не любить Бога, какъ высочайшаго Первообраза, къ Которому стремится душа человѣческая и въ общеніи съ Которымъ находитъ для себя высочайшее блаженство. „Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ?“ (1 Иоан. IV, 20).

Пусть каждый изъ насъ всецѣло, до самозабвенія, будетъ проникнуть этимъ одухотворяющимъ закономъ бытія, любовію къ Богу и ближнимъ. Любовь—основная заповѣдь христианства и, пламенѣя ею, мы и здѣсь, на землѣ, положимъ начало нашей блаженной вѣчной жизни, въ общеніи съ Богомъ. Вѣдь высшее благо будущей, загробной жизни въ томъ и состоитъ, что святая души соединяются своею чистою, безграничною любовію съ Трїединымъ Богомъ любви.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Русскія народныя воззрѣнія на загробную жизнь.

(Историко-бытовой очеркъ).

Воззрѣнія русскаго народа на загробную жизнь носятъ довольно своеобразный характеръ,—въ нихъ и до сихъ поръ можно замѣтить странную смѣсь христианскихъ понятій съ понятіями древне-языческими. Правда, благодаря все болѣе и болѣе распространяющемуся въ послѣднее время народному образованію и настойчивой церковной проповѣди, воззрѣнія эти значительно уже освободились отъ грубыхъ языческихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ еще и теперь видны отголоски языческой славянской старины. Нисколько не посягая на истинность и чистоту ученія православной Церкви о будущей жизни, а, напротивъ, мирно уживаясь съ нимъ, русскія народныя воззрѣнія на существованіе человѣка за гробомъ характерны, какъ бытовые особенности нашего недостаточно пока просвѣщеннаго, особенно въ глухихъ уголкахъ Россіи, простонародья, и въ этомъ отношеніи ознакомленіе съ ними не безынтересно.

Въ представленіяхъ древне-русскихъ славянъ о загробной жизни не было какой-либо опредѣленности, что было слѣдствіемъ неразвитости ума народа, только что начавшаго свою историческую жизнь. Древній славянинъ жилъ подъ вліяніемъ природы, всѣ явленія и дѣйствія своей жизни объяснялъ вліяніемъ природы и

не могъ освободиться отъ этого вліянія; онъ во всемъ видѣлъ проявленіе одной живой силы, причемъ легко отождествлялъ физическія явленія съ духовными. Это отразилось на всемъ складѣ его первоначальнаго мышленія,—и неудивительно поэтому, что и воззрѣнія его на загробную жизнь тоже были проникнуты слишкомъ матеріалистическимъ отпечаткомъ. Хотя у предковъ нашихъ и было различіе между тѣломъ и душой, но душу они всегда мыслили подъ матеріальными образами. Душа въ сознаниі русскихъ славянъ представлялась искрой небеснаго огня, которая сообщаетъ глазамъ блескъ, крови—жарь, а всему тѣлу—внутреннюю теплоту; отсюда слѣдующія народныя примѣты: чья свѣча у стоящихъ подъ вѣнцомъ скорѣе сгоритъ, тотъ первымъ умретъ; яркое пламя подвѣчныхъ свѣчей сулитъ счастливое супружество и, наоборотъ, когда свѣчи эти горятъ тускло—жизнь новобрачныхъ будетъ печальная¹⁾; отсюда же возникъ обычай—давать свѣчу въ руку умирающаго. Существуетъ въ народѣ повѣрье объ огонькахъ на могилахъ покойниковъ—это души умершихъ²⁾. По другимъ вѣрованіямъ, душа—это звѣзда. Отсюда повѣрье, что у cadaго человѣка есть своя звѣзда; падаетъ звѣзда—кто-нибудь умеръ и т. п.³⁾. Представлялась душа еще въ видѣ дыма или пара; въ XVI вѣкѣ, даже въ рассказѣ о смерти князя Василія Ивановича говорится, что приближенный князя Шигой видѣлъ его душу „отшедшую аки парь“⁴⁾. Наблюдая явленія природы, наши предки не могли не замѣтить и того обстоятельства, что дымъ или парь въ пространствѣ принимаетъ видъ облака. Это, въ свою очередь,

¹⁾ Афанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, т. III, стр. 197.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 206.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 206.

⁴⁾ Афанасьевъ, т. III, стр. 109.

дало имъ поводъ представлять душу и въ образѣ облака. Остатки такого представленія можно видѣть въ сохранившихся плачахъ по умершимъ, гдѣ говорится:

„Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ ликовалася,
Бывъ какъ облако она да подымалася“¹⁾

Таковы были представленія души у русскихъ славянъ въ періодъ ихъ бессознательнаго обоготворенія силъ природы. Когда же первобытный человѣкъ сталъ различать то, что онъ видѣлъ, отъ того, что побуждало видимое къ дѣйствию, словомъ—различать внутреннее отъ внѣшняго,—тогда представленіе души изъ области стихійной перешло въ область зооморфическую, и въ этомъ направленіи онъ сталъ представлять ее въ образѣ птицъ, бабочки, или вообще крылатаго насѣкомаго²⁾. Въ Ярославской губерніи подъ вліяніемъ такого воззрѣнія мотылекъ называется душечка, а на югѣ Россіи поселяне, увидѣвъ мотылька, летающаго около свѣчки, совершаютъ поминовеніе о родныхъ: этотъ мотылекъ, по ихъ вѣрованію, есть душа какого-нибудь родственника. Въ Малороссіи старухи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту, т. е. медъ, разведенный водою; онѣ убѣждены, что душа непременно прилетитъ въ образѣ мухи и станетъ пить приготовленный для нея напитокъ³⁾.

Представленіе души въ образѣ птицъ—довольно обычно въ похоронныхъ надгробныхъ причитаніяхъ. Здѣсь она представлялась то голубемъ, то кукушкой, то соколомъ, то уткой и проч. Такъ, въ одномъ причитаніи говорится:

„Появись—приди надежная головушка,
Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,

¹⁾ Барсова. Причит. сѣв. края, стр. 205, 20—21.

²⁾ Афанасьевъ, т. III, стр. 214—215.

³⁾ Афанасьевъ, т. III, стр. 220.

Съ темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой“¹⁾.

Простолюдины до сихъ поръ убѣждены, что кукушка можетъ предсказывать имъ срокъ ихъ жизни, и потому, увидя ее, обращаются къ ней съ такими словами: „кукушка, кукушка, сколько мнѣ лѣтъ жить?“—и по числу ея кукованій, полагая каждое за годъ, заключаютъ сколько лѣтъ осталось до смерти. Это представленіе души въ образѣ птицъ послужило основаніемъ существующаго и теперь у крестьянъ Курской губерніи обыкновенія кормить птицу въ продолженіе шести недѣль по смерти кого-либо изъ семьи, съ каковою цѣлю родственники умершаго каждое утро осыпаютъ могилу хлѣбными зернами²⁾.

Гораздо рѣже было представленіе души подъ образами животныхъ—зайца, горностая, волка и т. п.³⁾.

Съ развитіемъ сознанія о человѣческомъ достоинствѣ представленіе души въ своемъ развитіи приняло форму антропоморфическую (человѣческую); оправданіе этого мы видимъ въ похоронныхъ надгробныхъ причитаніяхъ, существующихъ до сихъ поръ, гдѣ представленія души встрѣчаются то въ образѣ добраго молодца, то калѣки переходжей, то московскаго купца. Такъ, мать, оплакивая сына, говоритъ:

„Приди—появись, сердечно мое дитяtko,
Хоть въ крылечку приди добрымъ молодцемъ,
Хоть незнамой калѣкой (нищимъ) переходжей,
Хоть бушомъ приди московскимъ...“⁴⁾

Было еще антропоморфическое представленіе души въ видѣ тѣни легкой какъ воздухъ, неуловимой для

1) Барсова. Причит., стр. 174, 71—74.

2) Аванасьевъ, т. III, стр. 220.

3) Миллеръ. Опытъ историч. обзор. русск. слав. ч. I, 95; Барсовъ, Причит. сѣв. края, 19, 21.

4) Барсовъ. Причит. стр. 104, стих. 25.

осязанія, которая называлась у нашихъ предковъ „навье“¹⁾. Въ лѣтописи подъ 1092 г. говорится, что жители Полоцка были избиваемы мертвецами—неуловимыми для взора привидѣніями: „и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди плотскыя и его (ихъ) область; тѣмъ и человекы глаголаху, яко навье быють палочаны“²⁾.

Въ связи съ такими представленіями души, у русскихъ славянъ въ старину было вѣрованіе въ переселеніе и превращеніе душъ въ животныхъ и растенія. Сохранились до настоящаго времени слѣды вѣрованія въ переселеніе душъ по смерти тѣла. Въ Малороссіи говорятъ, что душа, отдѣлившись отъ своего тѣла, можетъ побывать въ растеніяхъ, насѣкомыхъ, птицахъ, звѣряхъ и, наконецъ, опять войти въ человекъ. Души женщинъ-самоубійцъ, утопленницъ и души дѣвицъ, подпавшихъ родительскому проклятію, послѣ котораго несчастныя уводились нечистою силою въ подводныя селенія, поселяются въ тѣла русалокъ³⁾. Особенно въ растенія на могилахъ любятъ переходить души умершихъ, гдѣ ихъ нерѣдко видятъ и живые⁴⁾.

Смерть, умираніе человекъ представлялись въ пониманіи нашихъ предковъ также матеріалистически. Младенческой умъ человекъ, находящагося на низшей степени своего умственнаго развитія, дѣлалъ всѣ заключенія изъ наблюдений надъ явленіями природы. Онъ видѣлъ, что съ помраченіемъ яркихъ лучей солнца зимними туманами и облаками, начинаются стужи и морозы, небо перестаетъ блистать молніями и посылать дожди, природа вслѣдствіе этого замираетъ—а весной, съ разъясненіемъ солнца оживаетъ. Это дало ему воз-

1) Аванасьевъ, т. III, стр. 236.

2) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 92

3) Терещенко. Быть русск. нар. VI, 125.

4) Аванасьевъ. Народн. русск. сказ. V, 17; VI, 25—26.

возможность отождествить жизнь съ свѣтомъ и теплотою, а смерть съ мракомъ и холодомъ. Дѣйствительность такого воззрѣнія отражается и въ языкѣ; такъ слова: смерть, морь, умирать въ основѣ своей имѣютъ одинъ общій корень съ словами: мракъ, мерцать, померкнуть¹⁾. По другому, болѣе позднѣйшему, представленію смерть есть сонъ. Такое представленіе, очевидно, могло сложиться подъ вліяніемъ того обстоятельства, что сонъ неразлученъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ собою умершаго, потому что у него также смежаются очи, и онъ дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта, какъ и умершій. На этомъ основаніи въ народныхъ выраженіяхъ, существующихъ до сихъ поръ, умершій называется усопшимъ, покойникомъ, т. е. какъ бы на время уснувшимъ. Въ причитаніяхъ же эта мысль получаетъ болѣе опредѣленный характеръ. Такъ, дочь, оплакивая смерть своего отца, прямо говоритъ ему:

Стань, пробудись, мой родимый батюшка,
Отъ сна отъ крѣпкаго,
Отъ крѣпкаго сна, отъ мертваго²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, чтобы пробудить мать отъ сна мертваго, дочь обращается за содѣйствіемъ къ вѣтрамъ, говоря:

„Возбужайте вѣтры буйные
Со вѣхъ ли четырехъ сторонъ,
Понесите вы къ Вожьей церкви,
Разметите вы сыру землю,
Вы ударьте въ большой колоколъ,
Разбудите мою матушку“³⁾.

Вѣтры въ причитаніяхъ имѣютъ весьма важное значеніе; имъ однимъ присвоится сила призывать мерт-

¹⁾ Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій яз. стр. 69.

²⁾ Барсовъ. Причит., стр. 59, стих. 24—26.

³⁾ Барсовъ. Причит., стр. 68, стих. 18—23.

выхъ къ жизни, одухотворять ихъ трупы и кости¹⁾; они сочувствуютъ человѣку въ его горѣ и радостяхъ²⁾.

Если актъ смерти, умираніе, отождествились съ мракомъ, холодомъ и сномъ, то сила, которая причиняетъ самую смерть, представлялась обыкновенно или страшилищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣриное, или сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ, съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ. Славяне смерть олицетворяли въ видѣ женщины. Она неожиданно сходитъ съ небесъ, изнимаетъ изъ тѣла человѣка душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Смерть, являсь человѣку, вступаетъ съ нимъ въ борьбу, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти³⁾. Иногда смерть олицетворяли собой черный воронъ и сизый голубь. Причитанія подтверждаютъ это намъ слѣдующими выраженіями:

„Злодѣй эта скорая смеретушка,
Незначай она въ домъ нашъ залетѣла,
Она тихонько ко постели подходила,
Она крадцы съ грудей душу вынимала,
И чернымъ ворономъ въ окошечко залетѣла“⁴⁾,

Или въ другомъ мѣстѣ:

„Нонько крадцы пришла скорая смеретушка,
Пробиралась въ наше хоромное строенье;
Ко крылечку прилетѣла малой пташечкой,
Въ окошечко влетѣла сизымъ голубемъ“⁵⁾

Въ настоящее время болѣе распространено въ народѣ представленіе смерти въ видѣ человѣческаго скелета съ косою въ рукѣ, какъ это видно на многихъ лубочныхъ картинкахъ.

¹⁾ Барсовъ. Причит. стр. 28. стих. 105—119; стр. 35, стих. 12—19; стр. 55.

²⁾ Сахаровъ. Сказанія русск. народа, т. I, стр. 104.

³⁾ Аванасьевъ. Поэт. возр. слав. на прир., т. II, стр. 209.

⁴⁾ Барсовъ. Причит. стр. 212, 3.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 176.

Переходъ души въ загробную жизнь представляется у русскихъ славянъ обыкновенно, какъ „отправленіе въ путь дорогу“. Въ одномъ похоронномъ причитаніи плачущіе родственники спрашиваютъ покойника:

„Ужь ты куды да снаряжаешься,
Ужь ты куды да сокручаешься;
Во избу ли ты во земскую,
Аль ко обѣднѣ богомольной,
Аль ко утрени воскресной?
У тебя платица не адѣшняя
И обуточка не прежняя“¹⁾.

Этотъ путь отшествія души въ другую жизнь, по мнѣнію нашихъ предковъ, былъ тяжелымъ, безотраднымъ, съ нимъ соединялись нерадостныя представленія, онъ наводилъ даже трепеть своей безызвѣстностью, и потому о немъ прямо говорится:

„На путь бо иду долгій,
По нему же николи же ходихъ“²⁾.

Самый исходъ души изъ тѣла наши предки представляли или спокойнымъ, или мучительнымъ, что зависѣло отъ характера жизни человѣка. Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему было облегчить смертную борьбу или разставаніе души съ тѣломъ. Для этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Руси, доселѣ еще снимаютъ надъ умирающимъ потолокъ или приподымаютъ матицу, отсюда и примѣта:—матица трещитъ, кто-нибудь умретъ. Для того же кладутъ умирающаго на разостланную по полу солому или сѣно³⁾. По народному вѣрованію, ни одинъ колдунъ или колдунья не могутъ умереть до тѣхъ поръ, пока не передадутъ своего чародѣйства другому, смерть же ихъ всегда бы-

1) Тамъ же, стр. 45—46.

2) Безсоновъ. Сборникъ стихотв., кн. 6, стр. 63.

3) Никифоровскій. Русск., явч., стр. 70.

ваетъ страшна и люта, и они въ теченіе нѣсколькихъ часовъ претерпѣваютъ страшныя, адскія мученія. Злой духъ, съ которымъ они при жизни были въ стачкѣ, дѣлается при смерти ихъ тираномъ и мучителемъ, онъ раздираетъ тѣло колдуна и помѣщается въ его внутренности. При смерти колдуна вынимаютъ одну доску изъ потолка для того, чтобы душа его могла скорѣе улетѣть.

Относительно той области, въ которую душа вступаетъ по разлученіи съ тѣломъ, народный стихъ говоритъ:

„Во страну иду чюжю,
Идѣ же никто же знаетъ мя,
Отюду же никто же прииде,...
Се вѣдомъ есть—не вѣмъ камо“¹⁾.

Эта „страна чужая“ чаще всего представляется воздушной сферой, гдѣ въ зимній періодъ души, окованныя стужею и морозами, повергаются въ оцѣпенѣніе и сонъ, какъ и всѣ творческія силы природы, и пребываютъ печальными узниками, заключенными въ мрачныхъ туманахъ и снѣжныхъ тучахъ, въ этомъ холодномъ царствѣ зимы. Весною же, вмѣстѣ съ возрожденіемъ солнца, души пробуждаются для новой жизни, заявляютъ свою дѣятельность въ шумныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ и открываютъ ясное небо. Народныя повѣрья до сихъ поръ связываютъ съ душами усопшихъ атмосферныя явленія, указывая тѣмъ самымъ на ихъ стихійный характеръ; такъ, когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, станетъ вдругъ оттепель, русскіе поселяне объ этомъ выражаются: „родители вздохнули“, т. е. мертвые повѣяли (дохнули) теплымъ вѣтромъ²⁾. Кроме того, мѣстопребываніемъ душъ народная фантазія представляла еще солнце и луну³⁾.

1) Безсоновъ. Сборн. стих. кн. 6, стр. 63.

2) Аванасевъ. Поэт. возр. слав. на прир., т. III, стр. 137.

3) Барсовъ. Причит., стр. 33.

Загробная жизнь души, по представлению русских славянъ, носила такой же чувственный характеръ, какъ и земная. Покойному приписывались все обычные нужды, занятія, желанія и чувства живого. Такъ, пастухъ, находить въ будущей жизни луга для своего скота, охотникъ ловить и убиваетъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ; за нимъ отправляются его лошади, собаки, оружіе; за рыболовомъ слѣдуютъ въ обитель душъ его лодки и рыболовные снасти; здѣсь есть господа и рабы, мужья и жены! Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія наши предки славяне нѣкогда заживо зарывали съ покойникомъ любимую его жену, лошадь, орудія и другіе предметы соотвѣтственно образу его занятія; женщинѣ же клали иголку съ ниткой для того, чтобы она могла починить, что оборвется у ней на томъ свѣтѣ. Ставили также при умираніи человѣка на окно чашу съ водою и вѣшали полотенце, чтобы душа могла, по выходѣ изъ тѣла, умыться, отереться и отправиться въ новую жизнь¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это обыкновение соблюдается и понынѣ.

Наши предки вѣрили также, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, нуждается въ почестяхъ и угощеніи. Отсюда издавна возникъ обычай поминовенія усопшихъ различными явствами и питьемъ. Въ старину въ третій, шестой, девятый и сороковой день по погребеніи русскіе славяне совершали поминальныя приглашенія къ себѣ души покойнаго, стоя предъ дверьми. Вкушали пищу молча и совсѣмъ не употребляли ножей. Нѣкоторые изъ участниковъ трапезы бросали отъ каждаго кушанья частицу подъ столъ, гдѣ, по ихъ понятіямъ, находятся души тотчасъ по разлученіи ихъ съ тѣломъ; туда же проливали понемногу и напитковъ. Что случайно было обронено на землю, того не поднимали, но оставляли душамъ, не имѣющимъ ни родственниковъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 304—305.

ни друзей, ни знакомыхъ, которые могли бы имъ предлагать угощеніе¹⁾.

Поминовеніе усопшихъ приурочивалось къ различнымъ временамъ года. Въ первый годовою праздникъ „коляды“ (въ концѣ декабря) наши предки вспоминали умершихъ. У насъ еще до сихъ поръ хранятся слѣды древняго языческаго малороссійскаго и польскаго обряда въ честь мертвыхъ ѣсть, въ вечеръ передъ Рождествомъ Христовымъ и Новымъ годомъ, кутью, медовую сыту и подобныя поминальныя кушанья. Праздникъ масляницы имѣлъ также отношеніе къ умершимъ, что доказываетъ употребленіе въ это время блиновъ,—кушанье, которое употреблялось издревле при погребеніи. Въ послѣдній день масляницы (прощальное воскресенье) до сихъ поръ существуетъ обычай ходить на могилы родственниковъ прощаться и служить по нимъ панихиду. Весною праздникомъ въ честь мертвыхъ была радоница или радуница. На радоницу поминавшій приносилъ на кладбище вино, сыченое пиво, пироги, блины и, по отправленіи священникомъ литіи, взявъ чарку съ виномъ или стаканъ съ пивомъ, отливалъ часть на могилу, а остатки допивалъ самъ. Женщины въ это время плачевнымъ голосомъ прославляли добродѣтели покойниковъ. Во многихъ мѣстахъ на Руси до сихъ поръ простолоудины приносятъ на могилы блины, яйца, водку и проч. и приглашаютъ усопшихъ „хлѣба-соли откусать“. Съ весеннимъ праздникомъ въ честь мертвыхъ находился въ тѣсной связи такъ называемый „семикъ“. Въ Троицкую субботу сходились мужчины и женщины на кладбища и плакали на могилахъ съ великимъ крикомъ; а когда начинали играть скоморохи и гудошники, тогда, переставъ плакать, скакали и били въ ладоши. Семицкая недѣля въ старину называлась также русальной, а русалки, какъ

¹⁾ Котляревскій. Погреб. обыч. язык. слав., стр. 150.

известно, по повѣрью славянъ, были души умершихъ. Точно также поминовение умершихъ совершалось и осенью, когда души, по вѣрованію древнихъ руссовъ, погружались въ свою неопредѣленную жизнь на землѣ по слѣдующей весны.

И въ настоящее время поминовение усопшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества не утратило еще полуязыческаго чувственного характера. У жителей, напримѣръ, Олонецкаго края существуетъ такой обрядъ угощенія покойниковъ. Изготовивъ обѣдъ, выходятъ изъ избы навстрѣчу невидимымъ дорогимъ гостямъ. „Вы устали, родные, покушайте же чего-нибудь“, — говорятъ имъ при входѣ, какъ бы вмѣстѣ съ ними, уже въ самую избу. — „Чай зазябли, родные, погрѣйтесь“. И при этомъ увѣрены, будто умершіе невидимо располагаются у домашняго очага, — живые же между тѣмъ усаживаются за столъ. Передъ послѣднимъ кушаньемъ, киселемъ, поется „вѣчная память“, хозяинъ выпускаетъ изъ окна на улицу тотъ самый холстъ, при помощи котораго покойники въ свое время опущены были въ могилу, и говоритъ имъ: „теперь пора бы вамъ и домой, да ножки у васъ устали, не близко вѣдь было идти—вотъ тутъ помятче—ступайте съ Богомъ¹⁾“. Любопытенъ также обрядъ осенняго поминовения усопшихъ въ Бѣлоруссіи. Тамъ съ особой торжественностію справляютъ такъ называемыя „дзяды“ (дѣды), приурочиваемые обыкновенно къ „Дмитровкамъ“ (Дмитріевская родительская суббота). Принятіемъ въ этотъ поминальный день дорогихъ неземныхъ гостей хозяева дома бываютъ крайне озабочены; хозяинъ прибираетъ почище весь домъ и дворъ, а хозяйка—хату и приготовляетъ побольше кушаній, потому что часть ихъ предназначается для душъ умершихъ, а другая—для бѣдныхъ и нищихъ. По повѣрью бѣлорус-

¹⁾ Миллеръ. Опытъ истор. обзор. русск. словес., ч. I, стр. 45.

совъ, чистота дома и хорошая пища пріятны для умершихъ, и они сюда спѣшатъ съ охотою. Въ бѣдныхъ домахъ на праздникъ находится только своя семья, а у богатыхъ собираются всѣ родственники и знакомые. Празднество начинается слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро наступитъ вечеръ, глава семейства зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее въ углу „покута“ (божница, треугольная полка въ углу для иконъ) и начинаетъ молитву. По окончаніи молитвы свѣча гасится и всѣ садятся за столъ, уставленный кушаньями, среди которыхъ поставлены вино и пиво. Усѣвшись, старшій произноситъ:

„Святы дзяды завіомъ васъ,
Хадице до насъ“, и проч.

Старшій и всѣ здѣсь присутствующіе наливаютъ въ рюмки вино такъ, чтобы можно было удобно немного вина сплеснуть на столъ, и, сплеснувъ, приговариваютъ: „это для дѣдовъ“ и потомъ выпиваютъ. Послѣ этого отъ каждаго кушанья отдѣляется въ особый сосудъ жидкаго кушанья по ложкѣ, а твердаго по кусочку для душъ умершихъ, и отдѣленное кушанье ставится на окно или за окномъ. Къ утру, говорятъ, будто все пропадаетъ, а если что остается, то раздѣляютъ нищимъ¹⁾.

Народныя представленія о загробной жизни не исключаютъ, такимъ образомъ, возможности покойникамъ приходить въ гости къ живымъ, почему, какъ только умретъ кто, близкая родственница причитываетъ ему:

„Когда ждатель въ гости любимое гостябищо?

Въ полночь-ли ждатель на свѣтъ,

Али въ полдень ждатель по красному солнышку?

Аль по утрышку да ждатель тебя ранешенько,

¹⁾ Снигиревъ. Русск. простонар. праздн. т. IV, стр. 111—113. Крачковскій. Бытъ зап.-русск. селян., стр. 96.

Аль по вечеру да ждатель тебя позднешенько?
 Приди появись, сердечно мило дитятко,
 Посажу тебя во честной во большой уголь,
 Угощу тебя сердечно, мило дитятко!¹⁾

По народному вѣрованію, завываніе вѣтра въ трубѣ означаетъ явленіе души умершаго на землю для покаянія. Въ завываніи вѣтровъ моряки слышатъ плачь и стоны утопленниковъ, души которыхъ осуждены пребывать на днѣ моря. Существуетъ также повѣрье, что если женщина будетъ сильно и безутѣшно тосковать по усопшемъ, то онъ станетъ летать къ ней въ видѣ огненнаго змѣя²⁾. Простолюдины вѣрятъ, что умершимъ при суци заботы о живыхъ, особенно близкихъ къ нимъ, людяхъ. Многіе убѣждены, что матери по смерти своей нерѣдко являются ночью и кормятъ своихъ дѣтей, или же чешутъ имъ голову³⁾.

О загробной участи праведныхъ и грѣшныхъ людей у древнѣйшихъ руссовъ-язычниковъ были смутныя представленія. Мѣстопребываніе душъ у нихъ не имѣло опредѣленныхъ эпитетовъ—рая и ада. То, что соотвѣтствуетъ теперь раю, по мнѣнію нашихъ предковъ, находилось тамъ, гдѣ восходитъ солнце.—Это царство свѣта, тепла и всѣхъ радостей, царство жизни, гдѣ протекаютъ медовыя рѣки съ кисельными берегами. Мѣстомъ для этого славнаго царства былъ не только востокъ, но и югъ, какъ въ полуденной странѣ. Здѣсь мѣстопребываніе солнца и другихъ свѣтилъ, и все это небо, по народному повѣрью, за моремъ и, по первоначальному вѣрованію, за воздушнымъ моремъ. Этотъ языческій древнѣйшихъ русскихъ славянъ, рай въ народныхъ сказкахъ называется счастливою страпою съ солнечнымъ городомъ и съ островомъ Буяномъ.

¹⁾ Барсовъ. Причит., стр. 104.

²⁾ Аванасевъ. Поэт. возр. на прир. т. II, 587.

³⁾ Ор. Миллеръ. Опытъ истор. обозр. русск. слов. 1865 г., ч. I, стр. 92—93.

А гдѣ солнце заходитъ за горизонтомъ, тамъ адъ подъ землей, подземное загробное царство злыхъ боговъ и всѣхъ грѣшниковъ и, въ противоположность царству свѣта, оно—царство мрака, холода, царство смерти. Мѣсто для ада отводилось не только на западѣ, но и на сѣверѣ, какъ въ полуночной темной странѣ. Здѣсь среди желѣзныхъ бесплодныхъ горъ царствуютъ всевозможныя страданія, сюда ведетъ трудный путь черезъ горныя пропасти и ущелья, здѣсь царство вѣчно бушующаго и всепожирающаго пламени, удушающаго смрада¹⁾. Преддверіемъ рая и ада, по древнѣйшему русскому воззрѣнію, служила огненная рѣка, которая отдѣляла жилище живыхъ отъ умершихъ²⁾.

Съ теченіемъ времени загробная жизнь принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ и является не въ видѣ земной и не съ тѣми же чувственными потребностями и нуждами, какъ мы видѣли ее въ причитаніяхъ, а, напротивъ, представляется совершенно въ другомъ свѣтѣ, съ большимъ оттѣнкомъ духовности, развитіемъ понятій добра и зла, рая и ада, блаженства и мученія. Памятникомъ такого воззрѣнія русскаго народа на будущую загробную жизнь являются его духовные стихи. По этимъ духовнымъ стихамъ видно, что душа, отдѣлившись отъ тѣла, въ загробной жизни неизбежно теряетъ привязанность къ благамъ земного міра сего, потому что послѣднія имѣютъ значеніе только въ связи съ тѣломъ, и вслѣдствіе этого ея жизнь тамъ принимаетъ характеръ не матеріальный, а духовный, отрѣщенный уже отъ прежнихъ условій здѣшней жизни. Такъ, въ одномъ стихѣ говорится:

„Оставляетъ (душа) вся житейскія попеченія,
 Честь, и славу, и богатство маловременное.
 Забываетъ отца, мать,

¹⁾ Никифоровскій. Русск. язычн., стр. 22.

²⁾ Аванасевъ, т. I, стр. 279—280.

Жену и чадъ своихъ,
Переселяется въ инъ вѣкъ безконечный“ 1).

При такомъ взглядѣ на загробную жизнь тамъ имѣютъ значеніе только добрыя дѣла; имъ однимъ приписывается опредѣляющее и вмѣстѣ искупительное значеніе въ загробной участи душъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется сама душа въ своемъ плачѣ:

„Не помогутъ душѣ моей
Ни отецъ, ни мать и ни сродники;
Ни друзья—братья сердешные,
И ни злато, ни серебро,
Помогутъ душѣ моей
Поклоны полуношныя,
Тихомирная святая милостыня“ 2).

Напротивъ, худыя дѣла влекутъ за собою вѣчное мученіе. Перечисленіе худыхъ дѣлъ, имѣющихъ гибельное значеніе въ загробной участи душъ, по духовнымъ стихамъ, высказывается большею частію отъ лица Самого Господа, Который говоритъ грѣшникамъ:

„Вы воли Господней не творили,
За хрестъ, за молитву не стояли,
Вы нищу братію обиждали,
Вы другъ друга не любили,
Заповѣдь Божию преступали,
Меня Христа не посвѣтили,
Вы нагого не одѣли,
Вы босаго не обули,
Вы гладнаго не накормили,
Жазнаго (жаждущаго) не напоили 3),
Вы ко мнѣ никогда не приходили,
Земляныхъ поклоновъ не кладали,
Заутреню просымали,
Отца съ матерью не почитали 4),

1) Безсоновъ. Сборн. дух. стих., вып. 6, стр. 320.

2) Варенцовъ. Сборн. дух. стих., стр. 157.

3) Безсоновъ. Сборн. духовн. стих., вып. 5, стр. 78.

4) Тамъ же, вып. 5, стр. 80.

Вы, де, жили на вольномъ свѣту,
А въ перевахъ книги уложенныя:
Въ церковь Божию не хаживали
Церковнаго пѣнья не слушали,
Поповъ и дячковъ ни во что чли 1),
Со слезами Богу не маливались,
Велиаго говѣнья не гавливали,
Земляныхъ поклоновъ не справливали,
Себѣ вольнаго причастія не приемливали“ 2).

Все это чистыя понятія христіанства, раздѣленные на любовь къ Богу, къ ближнимъ и самому себѣ; въ нихъ нѣтъ уже примѣси язычества, а, напротивъ, видны даже слѣды пониманія самаго духа религіи. Это даетъ основаніе заключать, что христіанство возысило нравственность человѣка, показало ему его идеаль, уяснило начало правды, добра и зла, установило нравственную оцѣнку его поступковъ, положило критеріемъ въ рѣшеніи загробной участи души добрыя и худыя дѣла, по которымъ опредѣляется ея блаженство или мученіе. Подъ вліяніемъ такихъ условій рай и адъ выступаютъ въ народномъ сознаніи съ бо́льшею или менѣе опредѣленнымъ уже содержаніемъ.

Въ раю, находящемся на небѣ, по духовнымъ стихамъ,

.....птицы райскія
Поютъ стихи херувимскіе,
Ангелы—архангелы
Веселятъ души праведныя,
Стоять дерева кипарисовыя“... 3)

Жизнь праведныхъ въ раю заключается въ слѣдующемъ: „всѣ праведные взяты будутъ на облацы небесныя 4); пища готовится имъ все различная 5); одежда

1) Тамъ же, вып. 5, стр. 124.

2) Безсоновъ. Сборн. дух. стих., вып. 5, №№ 503—516.

3) Варенцовъ. Сборн. духовн. стих., стр. 142—143.

4) Безсоновъ. Сборн. стих., вып. 5, стр. 200.

5) Варенцовъ. Сборн. стих., стр. 171.

во вѣки неизносимая ¹⁾; лицо праведныхъ просвѣтится солнцемъ праведнымъ ²⁾; тамо нѣтъ ни болѣзни, ни плача, ни слезъ, но все радость и веселіе безконечное ³⁾.

Совершенно въ другомъ видѣ народное сознание представляетъ описаніе ада. Адъ (какъ это отчасти видно и на нашихъ церковныхъ и лубочныхъ картинахъ) изображается въ видѣ открытой огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя, извергающаго изъ себя вѣчный неугасимый огонь, охватывающій собою все подземное царство. Адъ находится въ нѣдрахъ земли.

Жизнь грѣшниковъ въ аду состоитъ въ постоянныхъ мученіяхъ. Тамъ, по народнымъ стихамъ и легендамъ, имъ будетъ мука разная ⁴⁾: инымъ грѣшникамъ огни неугасимые, инымъ зима студеная, инымъ смола кипучая, инымъ черви ядовитые, а инымъ тьма несвѣтимая и пропасть глубокая ⁵⁾; иныхъ посадятъ въ котель съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, станутъ бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго пылаетъ жгучій огонь, а сверху капаетъ растопленная сѣра ⁶⁾; иные будутъ ввержены въ колодцы, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами ⁷⁾. Мученія эти распредѣляются между грѣшными соотвѣтственно ихъ грѣхамъ. Такъ погребя, глубокие и мразы лютые—іереямъ, священникамъ и судіямъ неправеднымъ; котлы мѣдные, огни разноликие, змѣи сосущіе—мужамъ беззаконникамъ и женамъ

¹⁾ Безсоновъ, вып. № 478.

²⁾ Онъ же, вып. 5, стр. 127.

³⁾ Онъ же, вып. 5, стр. 253.

⁴⁾ Варенцовъ. Сборн. стих., стр. 171.

⁵⁾ Чтеніе Общ. Ист. и древн., кн. IX, стр. 201.

⁶⁾ Аванасьевъ. Народн. русскія легенды, стр. 27.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 124 и 128.

беззаконницамъ; смола кипучая и скрежетаніе зубное и плачь непрестанный—глумотворцамъ и просмѣшникамъ; вытягиваніе языковъ и повѣшеніе за языки на удахъ желѣзныхъ—клеветникамъ и злоязычникамъ; чады горькіе и смрады великіе—пьяницамъ и корчемникамъ; повѣшеніе за хребты надъ калеными плитами и на гвозди желѣзные—плясунамъ и волынщикамъ; червь неусыпающій—сребролюбцамъ и грабителямъ ¹⁾; лизаніе горячей сковороды—лгунамъ; выгребаніе изъ печи жара голыми руками—ростовщикамъ, и т. п. ²⁾.

Впослѣдствіи, когда христіанство пустило болѣе прочныя корни въ народномъ сознаниі, представленія о загробной жизни расширились; къ нимъ присоединились мысли о пришествіи антихриста, воскресеніи мертвыхъ и страшномъ судѣ, имѣющихъ быть при кончинѣ міра. Это уже чистыя понятія христіанства, которыя составляютъ заключительныя звенья въ исторіи русскихъ народныхъ представленій о загробной жизни и свидѣтельствуютъ о достаточномъ ихъ согласіи съ библейскимъ ученіемъ по этому предмету. И здѣсь, впрочемъ, народное творчество не свободно еще иногда отъ своеобразныхъ, фантастическихъ элементовъ.

При изображеніи пришествія Антихриста, хотя изъ библейскаго ученія и заимствованы самая обстановка этого событія и дѣйствующія лица, но — въ довольно общихъ и сбивчивыхъ чертахъ; такъ, напр., въ числѣ пророковъ (Иліи и Эноха) упоминается и преподобный Онуфрій.

„Сошлетъ Господь пророчество,
Илію пророка и Онуфрія,
И станутъ святыя пророчити,

¹⁾ Безсоновъ. Сборн. дух. стих., вып. 5, № 497.

²⁾ Аванасьевъ. Народн. русскія легенды, стр. 125.

И сойдетъ на землю бездушный богъ,
Бездушный богъ антихристовъ;
Онъ и сколетъ святое пророчество¹⁾.

Съ большею подробностію и отгѣнкомъ христіанства духовные стихи изображаютъ воскресеніе мертвыхъ. Вотъ какъ оно будетъ происходить:

„Сойдетъ (съ неба) Михаилъ архангелъ батюшка,
И утвердитъ престолъ среди земли,
Вострубитъ въ трубоньку золоту,
И первый разъ онъ вострубитъ,—
И души въ тѣлеса пойдутъ;
Во второй разъ онъ вострубитъ,—
Отъ гробовъ мертвые возстанутъ;
Въ третій разъ онъ вострубитъ,—
Всѣ на судъ Божій пойдутъ“²⁾.

Изображеніе страшнаго суда народное воображеніе снабдило всевозможнаго рода подробностями, которыя состоятъ въ томъ, что на судѣ прежде всего будутъ спрошены духи нечистые, съ Антихристомъ. Господь пошлетъ ихъ во тьму кромѣшную; потомъ вопрошены будутъ эллины (язычники вообще) „иже вѣроваша въ звѣзду, солнце и луну и въ идолы“; сіи посланы будутъ во адъ. Затѣмъ вопрошены будутъ жидове, „иже яко злодѣя Господа распяли“, и посланы будутъ во тьму кромѣшную. Послѣ нихъ будетъ вопрошенъ родъ христіанскій; праведные будутъ отличены: они будутъ поставлены на правой сторонѣ, а грѣшныя на лѣвой³⁾.

На страшномъ всеобщемъ судѣ Господь скажетъ праведнымъ:

„Аминь, аминь, глаголю вамъ,
Мои вы праведные, подите

1) Безсоновъ. Сборн. стих., вып. 5, стр. 477.

2) Безсоновъ. Сборн. стих., вып. 5, стр. 477.

3) Вопросы Іоанна Богослова Господу на Оаворской горѣ. Порфирьевъ. Ист. русск. словесн., ч. 1, стр. 269.

Мои христіолюбивые, подите!
Отцы и матери, сестры и братія, подите!
Мои схимницы и пустынницы,
Что считался въ долахъ, въ горахъ, во пустыняхъ
Все ради Христа,
Вы ѣли володу гнилую все ради Христа,
Вы пили воды болотныя,
Болотныя воды со ржавчиной—все ради Христа,
Вы терпѣли слова неудобныя
Отъ всякаго злаго челоуѣка,
Да все ради Христа.
Меня вы Бога находите,
Меня Бога посѣтите,
Алчнаго ради Христа накормите,
Жаднаго (жаждущаго) ради Христа напоите,
Нагаго ради Христа приодѣте,
Босаго ради Христа приобуйте,
Въ темной темницѣ ради Христа Бога посѣтите:
Изготовлено вамъ царствіе небесное¹⁾.

Потомъ, обратившись къ грѣшникамъ, Онъ произнесетъ имъ Свой грозный приговоръ:

„Отойдите отъ Меня прочь, рабы проклятыя,
Напасти вы земляныя,
Пошолте вы къ отцу и къ матери,
Къ сатанѣ и ко діаволу,
Кому на томъ свѣтѣ дѣлали, работали,
Скачучи, пляшучи, играючи.
Сатану со діаволомъ утѣшачи.
Изготовлена вамъ мука вѣчная:
Огнь—пламя неугасимое,
Вамъ пропасти неисповѣдимыя,
Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и громъ),
Волменскій петри громъ трескающій (молнія, вѣтры),
Расшибетъ мать сыру землю на двѣ полосы,
Разступится мать сыра земля на четыре четверти;
Протечетъ грѣшнымъ рабамъ рѣка огненная
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли и до небесъ“²⁾.

1) Варенцовъ. Сборн. стих., стр. 163 и 164.

2) Варенцовъ. Сборн. дух. стих., стр. 167.

Выслушавъ приговоръ Судии, праведные идутъ „во прекрасный рай“ и „поютъ при этомъ пѣсни херувимскія“, грѣшныя же пойдутъ въ огненную рѣку, гдѣ имъ приготовлены страшныя, вѣчныя мученія.

Но особенно любила останавливаться народная фантазія на изображеніи кончины міра. Кончина міра совершится посредствомъ огня и воды:

„Загорится матушка сыра земля:
Съ востока загорится до запада,
Съ полуденъ загорится да до ночи,
И выгорятъ горы съ раздольями,
И выгорятъ лѣса темныя,
И сошлетъ Господи потопа,
И на три дня, на три мѣсяца:
И вымоетъ матушеу сыру землю,
Аки хартью (бумагу) бѣлую,
Аки скорлупу яичную,
Аки дѣвицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую“¹⁾.

Вода и огонь съ древнихъ поръ почитались нашими предками божественными творческими очистительными стихіями²⁾, и потому становится понятнымъ, почему народная фантазія отвела самое видное мѣсто дѣйствіямъ этихъ стихій при обновленіи и очищеніи грѣховнаго міра въ самый послѣдній моментъ царства Христова на землѣ.

По другому возрѣнію,—и до сихъ поръ распространенному среди большинства простолюдиновъ,—міръ кончится отъ того, что неподвижно лежащій подъ землею китъ нѣкогда задвигнется и произведетъ опустошительное дѣйствіе стихій. Еще въ „бесѣдѣ трехъ Святителей“ говорится, что „земля основана на од-

¹⁾ Кирѣевскій. Сборн. стих., № XIX. Безсоновъ, вып. 5, стр. 477.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русск. нар., т. I, стр. 50—53; Аванасьевъ. II, стр. 8—17.

номъ огнеродномъ китѣ или змѣѣ, который живетъ въ огненномъ морѣ или въ огненной рѣкѣ (дождевые потоки, пламенѣющіе молніями); изъ устъ его исходятъ громы пламеннаго огня; изъ ноздрей—вѣтръ бурный, вздымающій огонь геенскій. Въ послѣднія времена онъ задвигнется, восколеблется и потечетъ рѣка огненная и настанетъ свѣту преставленіе¹⁾. Но это уже чисто мифологическій элементъ, показывающій неразвитость народнаго сознанія и недостаточную еще подготовленность народа къ усвоенію и полной передачѣ въ собственномъ творествѣ церковнаго ученія о послѣднихъ великихъ событіяхъ и, вообще, о будущей, загробной жизни.

¹⁾ Памятники отречен. русск. литературы, часть II, стр. 429—438.

Всего омерзительнейшим и отвратительнейшим образом, когда же мы имеем возможность видеть, что человек, который в состоянии совершить такое злодеяние, способен и на добрые дела, то это не есть злодеяние, а есть злодеяние, совершаемое человеком, который способен и на добрые дела.

Всего омерзительнейшим и отвратительнейшим образом, когда же мы имеем возможность видеть, что человек, который в состоянии совершить такое злодеяние, способен и на добрые дела, то это не есть злодеяние, а есть злодеяние, совершаемое человеком, который способен и на добрые дела.

Всего омерзительнейшим и отвратительнейшим образом, когда же мы имеем возможность видеть, что человек, который в состоянии совершить такое злодеяние, способен и на добрые дела, то это не есть злодеяние, а есть злодеяние, совершаемое человеком, который способен и на добрые дела.

IV. Состояние души после раскаяния в грехе.

Всего омерзительнейшим и отвратительнейшим образом, когда же мы имеем возможность видеть, что человек, который в состоянии совершить такое злодеяние, способен и на добрые дела, то это не есть злодеяние, а есть злодеяние, совершаемое человеком, который способен и на добрые дела.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введение.

Жизненно-практическое значение вопроса о загробной жизни.—Современное отрицание будущей жизни.—Равнодушное отношение некоторых къ своей загробной участи.—Причины этих печальных явлений и их губительное послѣдствие..... 3

I. Достоверность загробной жизни.

Всеобщность вѣры въ загробную жизнь, какъ одинъ изъ признаковъ дѣйствительнаго существованія этой жизни.—Показанія здраваго разума.—Свидѣтельства Св. Писанія о загробной жизни.—Особенное значеніе здѣсь факта воскресенія Христа Спасителя изъ мертвыхъ.—Опытное доказательство дѣйствительнаго существованія загробнаго міра: явленія душъ умершихъ людей.—Случай таковыхъ явленій..... 8

II. Христіанская кончина.

Смерть.—Ея всеобщность, причина и происхожденіе.—Ненормальность смерти и ея благотворное значеніе.—Моментъ разлученія души съ тѣломъ.—Исходъ души праведной и грѣшной.—Почему иногда праведники умираютъ смертью злою, а грѣшники доброю?..... 23

III. Частный судъ и мытарства.

Время частнаго суда.—Дѣйствительность его.—Мытарства.—Описаніе ихъ въ житіи преп. Василія Новаго.—Непрекаемость перковнаго ученія о мытарствахъ.—Всѣ-ли про-

ходить по смерти своей мытарства?—Замѣчаніе касательно представленія образа истязаній въ мытарствахъ и видимаго противорѣчія въ святоотеческомъ изображеніи мытарствъ ..

32

IV. Состояніе душъ послѣ частнаго суда.

О состояніи душъ вообще.—Состояніе душъ праведныхъ.— Ихъ блаженство.—Мѣсто, куда отходятъ души праведныхъ по смерти тѣла.—Неодинаковость наименованія этого мѣста въ Свящ. Писаніи.—Рай.—Мѣстонахожденіе его.—Описаніе его.—Состояніе душъ грѣшныхъ.—Мученія ихъ.—Мѣсто мученія по изображенію Св. Писанія.—Адъ.—Гдѣ онъ находится?—Мнѣніе св. Іоанна Златоуста и общецерковное мнѣніе.—Насколько страшны мученія въ аду?—Кто изъ людей находится въ аду?—Загробная участь младенцевъ.—Существуетъ ли различіе половъ въ загробной жизни и каково отношеніе тамъ членовъ семейства? ..

49

V. Связь и общеніе міровъ загробнаго съ настоящимъ.

Дѣйствительность общенія душъ умершихъ съ живущими.— Залогъ общенія міровъ загробнаго съ настоящимъ—явленіе душъ умершихъ людямъ.—Возможность таковыхъ явленій.— Говоритъ ли въ пользу явленій на землѣ душъ умершихъ спиритизмъ, и какъ смотрѣтъ на него съ христіанской точки зрѣнія?—Въ чемъ выражаются союзъ и общеніе умершихъ съ живущими?—Молитва живыхъ за умершихъ; ея необходимость.— Милостыня.— Литургія за умершихъ.— Поминовеніе усопшихъ во время другихъ службъ.— Дни поминовеній: третій, девятый, сороковой, годовой.— Родительскія вселенскія субботы.— Радоница.— Дни поминовенія воиновъ.— Сила и дѣйственность молитвы Церкви за усопшихъ.— Ученіе Писанія и примѣры изъ житія святыхъ.— Кому изъ умершихъ не бываетъ спасительна для нихъ молитва живущихъ?—Католическое ученіе о чистилищѣ въ отношеніи его къ православно-церковному ученію о возможности для нѣкоторыхъ грѣшниковъ освободиться отъ адскихъ мукъ по молитвамъ Церкви ..

64

VI. Великія событія конца міра.

Неизвѣстность дня втораго пришествія Спасителя на землю.—Нѣкоторые признаки втораго пришествія и кончины міра.—Нравственное извращеніе людей.—Продовѣдъ Евангелія

по всей вселенной.—Появленіе антихриста и его предтечъ.— Лицо и происхожденіе антихриста; продолжительность его царствованія.— Второе пришествіе Господа-Судіи.— Воскресеніе мертвыхъ.—Свойства воскресшихъ тѣлъ.—Замѣчаніе о двоякомъ воскресеніи мертвыхъ въ древне-христіанскомъ ученіи, о хилиазмѣ и несостоятельность этого ученія.—Измѣненіе живыхъ и всей неразумной природы.—Всеобщій судъ.—Характеристическія черты его.—Для кого страшенъ всеобщій судъ Божій и почему?—Какое дѣйствіе произведетъ страшный судъ на грѣшниковъ?—Торжественный приговоръ всемірнаго Судіи.—Конепъ благодатнаго царства Христова и начало царства славы.—Второй періодъ загробной жизни и общая характеристика состоянія душъ въ этотъ періодъ ...

86

VII. Вѣчное блаженство праведниковъ.

Несомнѣнность вѣчной, блаженной жизни праведниковъ.— Въ чемъ будетъ состоять вѣчное блаженство праведныхъ?— Лицеарзіе Бога.—Совершенство умственныхъ и нравственныхъ силъ.—Блаженство тѣла праведниковъ.—Общеніе ихъ съ ангелами и святыми людьми.—Трудность представленія всего неизсякаемаго источника вѣчнаго блаженства праведниковъ.— Святоотеческое изображеніе благъ вѣчной жизни.—Степени блаженства праведниковъ. — Непрерывное развитіе вѣчнаго блаженства ..

99

VIII. Вѣчное мученіе грѣшниковъ.

Безотрадность состоянія грѣшниковъ послѣ всеобщаго суда.—Главный источникъ ихъ вѣчнаго мученія—отверженіе отъ лица Божія. — Душевные муки грѣшниковъ. — Внѣшнія мученія.—Тьма кромѣшная и адскій огонь; отличіе этого огня отъ настоящаго.—Червь неумирающій.—Ужасное сообщество грѣшниковъ.— Ихъ позднее раскаяніе.—Степени вѣчныхъ мученій грѣшниковъ. — Православно-церковное ученіе о безконечной продолжительности адскихъ мученій.—Фактическая и психологическая необходимость вѣчности мученій грѣшниковъ.—Возраженія противъ вѣчности мученій.—Какъ примирить ученіе о вѣчности адскихъ мученій съ общей цѣлю созданія Богомъ тварей для блаженства?—Умѣстны ли вѣчныя адскія мученія послѣ искупленія челоѣчества Сыномъ Божиимъ?—Какъ примирить ихъ съ понятіями о Божіемъ правосудіи, благиости и всевѣднѣи?—Щаткость подобныхъ возраже-

СВЯТЫНИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. съ опис. жизни и подвиговъ святыхъ и знаменій отъ чудотворн. иконъ. *Е. Поселянина.* 218 стр. Ц. 25 н., съ перес. 40 н.

До появления этой книги у насъ не было ни одного справочнаго изданія по этой части; поэтому необходима книга, въ которой бы всякій, желающій посвятить славнѣйшія русскія святыни, могъ имѣть точныя свѣдѣнія о нихъ. Настоящее изданіе и составлено съ этою цѣлью. Составитель описалъ въ ней всѣ наиболѣе чтимыя русскія святыни, жизнь и подвиги святыхъ и знаменія, бывшія отъ чудотворныхъ иконъ. Въ книгу вошли рассказы о святыхъ не только Петербурга, Москвы и Кіева, но и многихъ другихъ городовъ русскихъ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ библ. средн. учебн. завед.

СКАЗАНИЕ О СВАТОПОЛКѢ, КНЯЗЬ ПОМОРСКОМЪ. *Н. Н. Филиппова.* 88 стран. Цѣна 15 н., съ перес. 18 н.

Историческое сказаніе Филиппова посвящено славянской исторіи VIII—IX вѣковъ, когда разгоралась религиозная и политическая борьба между нѣмцами и поморскимъ славянствомъ. Преданіе, послужившее сюжетомъ труда Н. Н. Филиппова, проникнуто глубокимъ чувствомъ вѣры и дышитъ поэзіей первыхъ вѣковъ христіанства. Н. Филипповъ весьма умѣло и интересно изобразилъ бытъ поморскихъ славянъ, этого полудикаго, наивнаго народа.

СОЛОМЕЯ. Повѣсть изъ быта поволжскихъ сектантовъ. *Л. Воронина.* 132 стран. Цѣна 75 н., съ перес. 90 н.

Возникновеніе сектъ въ русской церкви и ихъ развитіе всегда возбуждало во всѣхъ классахъ нашего общества самое живое вниманіе къ себѣ. Эта сторона религиозно-церковной жизни и послужила для интересныхъ произведеній С. Воронина. Предметъ повѣсти относится ко времени широкаго распространенія при Петрѣ III и Екатериѣ II беспоповскихъ лжеученій филипповскаго толка и выдѣленной послѣднимъ секты „хлыстовъ“. Богатство картинъ изъ жизни старообрядцевъ, въ связи съ занимательною фабулой глубоко драматическаго характера, придаетъ всей повѣсти увлекательную жизненность.

СОЛОМОНЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ. *Ф. В. Фаррара.* Переводъ свящ. *М. Славнитскаго.* 240 стр. Цѣна 50 н., съ перес. 65 н.

Въ трудѣ Ф. В. Фаррара мы находимъ очеркъ событій, предшествовавшихъ воцаренію Соломона. Изложена жизнь Давида, его преступленіе и раскаяніе, а затѣмъ излагается исторія Соломона и событія его времени. Послѣдовательно описываются дѣтство, юность Соломона, его воцареніе, начальныя смуты его царствованія, жертва Соломона, его дворъ и постройка храма, торговля при Соломонѣ, слава, паденіе, мудрость Соломона и его книги: Пѣсь Пѣсней, книга Екклесіастъ, книга Притчей. Въ заключеніе приводятся относящіяся къ Соломону легенды.

Авторъ, знатокъ Палестины, лично бывавшій въ ней и подъ личнымъ теплымъ впечатлѣніемъ писавшій о событіяхъ, происходившихъ тамъ во времена, отдаленныя отъ насъ многими столѣтіями, и въ этомъ сочиненіи возстановилъ эту древность полною жизнью и красокъ. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч. библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ **ДОПУЩЕНО** въ фид. учен. библ. духовн. семин.

СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВЪ И СЕКТАНТОВЪ. Историко-бытовые очерки. *С. А. Архангелова.* 176 стр. Цѣна 25 н., съ перес. 40 н.

Книга даетъ полную, прекраснымъ языкомъ написанную исторію сектантства въ Нижегородской губерніи. С. А. Архангеловъ сообщаетъ весьма много интересныхъ подробностей изъ жизни нижегородскихъ раскольниковъ. Составленная на основаніи извѣстныхъ сочиненій г. Мельникова-Печерскаго „Въ дѣсахъ“ и „На горахъ“ и другихъ знатоковъ раскола, книга эта, при богатствѣ и разномъ разнѣ матеріала, читается съ неослабвающимъ интересомъ.

СТАРЕЦЪ СЕРАФИМЪ И САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ. *С. А. Архангелова.* Цѣна 25 н., съ перес. 40 н.

Книга содержитъ въ себѣ подробное описаніе дѣтскихъ и юношескихъ дѣтъ жизни, подвижничества и смерти старца Серафима, чудеса, которыя онъ творилъ, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти своей. Подробно описана и Саровская пустынь, указывается, какъ проѣхать туда, помѣщены свѣдѣнія, необходимыя для лицъ, которыя хотѣли бы посѣтить пустынь.

Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библ.

СУДІЯ САМСОНЪ. Библейско-историч. очеркъ. *Т. Андриѣвскаго.* 46 стр. Цѣна 10 н., съ перес. 12 н.

Предметомъ настоящаго очерка служитъ жизнь этого библейскаго богатыря, въ связи со всѣми обстоятельствами, среди которыхъ проявлялась его страшная для враговъ сила. Подробно описаны дѣтство Самсона и его возмужалость, подвиги его (борьба со львомъ и избѣженіе филистимлянъ, истребленіе виноградишковъ и др.); описана послѣдующая жизнь его: нарушеніе обѣта, плѣненіе его, раскаяніе и трагическая кончина.

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ПРИБАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ. Историко-этнографическій очеркъ. *Прот. І. Бгъляева.* 185 стр., Цѣна 25 н., съ перес. 40 н.

Въ Прибалт. краѣ столкнулся міръ германскій—нѣмцы, шведы, датчане—съ міромъ славянскимъ, русскими и поляками; тутъ разыгралась преисполненная войнъ и переворотовъ драма, прологомъ къ которой послужило появленіе въ Ливонскихъ земляхъ католическаго монаха. Авторъ въ рядѣ интереснѣйшихъ очерковъ знакомитъ читателей съ подробностями этой борьбы, давая не мало героев—мучениковъ за истинную Христову вѣру.

При требованіи книгъ одновременно на сумму не менѣе 2 руб., перес. бесплатно.